КУРСЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. и В. Корша.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ,

ВВЕДЕНІЕ. — ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

КУРСЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 17-го дня, 1859 года.

Ценсоръ Д. Наумовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Приступая къ изданію этого курса на русскомъ языкѣ, не считаемъ нужнымъ оправдывать его появленія. Наша историческая литература такъ бѣдна, наша историческая начитанность такъ еще ограничена, что мы думаемъ оказать услугу и той и другой распространеніемъ между соотечественниками лучшаго изъ извѣстныхъ донынѣ руководствъ къ изученію Всеобщей Исторіи. Мы увѣрены, что его съ пользою прочтутъ не только молодые, начинающіе читатели, но и люди зрѣлыхъ лѣтъ, не имѣвшіе особенно благопріятнаго случая ознакомиться съ ходомъ и успѣхами новѣйшей исторической науки. А у насъ такихъ людей, конечно, не мало, если судить по множеству странныхъ мыслей и взглядовъ, пускаемыхъ въ литературѣ наобумъ, безъ всякой исторической оглядки, безъ малѣйшаго даже подозрѣнія насчетъ того, что вся исторія прямо противорѣчитъ этимъ взглядамъ, которые, не смотря на то, принимаются часто съ видимымъ увлеченіемъ, доказывающимъ, если хотите, свѣжесть, но вмѣстѣ и крайнюю неприготовленность, почти-дѣтскую неразвитость мысли.

II.

Ни что такъ не расширяетъ, ни что такъ не укрѣпляетъ и вмѣстѣ такъ не отрезвляетъ ума какъ дѣльное изученіе Исторіи. Каково бы ни было призваніе человѣка,—спеціально ученое, или гражданское въ обширномъ смыслѣ, историческая основа необходима вездѣ, необходима уже и потому, что она совершенно неизбѣжна: напрасно мы будемъ льстить себя надеждой создать что-нибудь новое или поддержать отжившее наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже и геніальное творчество, равно какъ самая фанатическая любовь къ старинѣ должны волей и неволей подчиняться закону исторической послѣдовательности, — и это не только въ обширныхъ сферахъ государственной и общественной жизни, но и въ тѣсной рамѣ частныхъ отношеній, — въ ближайшемъ родственномъ и семейномъ кругу.

«Для того, чтобы историческое изученіе соотвѣтствовало своей высокой цѣли, необходимо, говоритъ Веберъ, чтобы оно было какъ можно полнѣе и многостороннѣе; оно должно обнимать собою ходъ образованія и литературы, религіозный, государственный и частный бытъ, нравы и образъ мыслей каждаго народа, такъ чтобы представляло полную картину жизнедѣятельности человѣчества въ раздѣленіи его по племенамъ и народамъ. Нельзя, конечно, требовать, чтобъ всѣ стороны исторической жизни трактовались въ какомъ-нибудь руководствѣ съ исчерпывающею подробностью: это превышало бы его назначеніе; но необходимо, чтобъ исторія представлялась живымъ, цѣлостнымъ организмомъ, чтобы, при всемъ ограниченіи частностей, каждое проявленіе духовной и практической жизни народа было въ немъ оцѣнено;

на исторію должно смотрѣть не какъ на дѣло одной памяти, но какъ на міръ дѣятельности и творчества, въ которомъ отражаются дѣла и стремленія, мнѣнія и взгляды отшедшихъ поколѣній и гдѣ современный человѣкъ находилъ бы себѣ поученіе и руководство относительно всего, что занимаетъ его умъ, что возбуждаетъ его любознательность въ настоящемъ; надо, чтобъ историческое содержаніе представлялось не завершеннымъ, но совершающимся, — такимъ, на чемъ согрѣвалось бы сердце, образовывался характеръ и изощрялся разсудокъ; ибо тогда только исторія дѣйствуетъ образовательно, когда въ душѣ возбуждается сочувствіе къ великому и высокому въ историческихъ подвигахъ и явленіяхъ, когда все дурное и низкое пораждаетъ въ насъ напротивъ глубокое отвращеніе къ нимъ. — Для такого изложенія всемірной исторіи, руководства должны получить и большій объемъ и иную форму; они должны простираться на всѣ стороны исторической дѣятельности различныхъ народовъ; они должны облекать явленія исторіи въ живой разсказъ и представлять ихъ въ прагматической, существенно-послѣдовательной связи, чтобы пробуждалась фантазія читателя и вмѣстѣ мыслящій духъ его заинтересовывался и удовлетворялся выясненіемъ причинъ и слѣдствій; такое руководство не можетъ быть ни голымъ реестромъ собственныхъ именъ, годовъ и событій, ни книжкою для легкаго чтенія: въ первомъ случаѣ оно вышло бы сухо и не заманчиво, въ послѣднемъ пострадали бы важность и достоинство предмета; всѣ главные моменты должны быть представлены въ короткомъ, но ясномъ и удобопонятномъ изложеніи, отличающемся притомъ и благородствомъ языка; высокая, поэтическая натура великихъ событій должна оттѣ-

няться отъ другихъ самымъ тономъ рѣчи писателя, самымъ его слогомъ: онъ долженъ стараться возбудить участіе и одушевленіе ко всему высокому въ помыслахъ, ко всему благородному въ поступкахъ».

Вотъ воззрѣнія, руководившія автора при обработкѣ предлагаемаго курса. Занимаясь много лѣтъ преподаваніемъ и изученіемъ исторіи, онъ взялся за этотъ трудъ, какъ человѣкъ, вполнѣ призванный къ рѣшенію не легкой задачи, которой программу изложили мы выше по его собственнымъ словамъ, и никто не откажетъ книгѣ его въ томъ, что она ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ высокой цѣли, какую онъ себѣ предпоставилъ.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ВЫПУСКА:

Стран.

ИСТОРІЯ ДРЕВНОСТИ.

ВВЕДЕНІЕ.

---

1. Первые люди.

§ 1. Первая книга Моисея, древнѣйшій памятникъ человѣческаго знанія, даетъ намъ слѣдующее свидѣтельство о сотвореніи міра и исторіи первыхъ людей: Богъ, первоначально сотворивъ вселенную, украсивъ небо солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, одѣвъ землю растеніями и плодоносными деревьями и ожививъ ее животными, создалъ по образу и подобію своему человѣка, вѣнецъ творенія, и надѣливъ его разумомъ и даромъ слова, то-есть способностью образовать себѣ языкъ, предназначилъ ему сдѣлаться господиномъ земли. Чиста и крѣпка тѣломъ и духомъ вышла первая чета изъ десницы Творца своего, и жила, не вѣдая добра и зла, съ дѣтскою простотою, въ своемъ первоначальномъ жилищѣ, въ раю (эдемѣ), пока змій-искуситель не соблазнилъ ее вкусить плода отъ древа познанія, и она, нарушивъ такимъ образомъ заповѣдь Божію, не утратила своей естественной невинности и райскаго блаженства. Съ тѣхъ поръ эта чета и потомки ея должны были тяжкимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе; въ человѣкѣ пробудились страсти, дурныя стремленія, и братоубійство Каина напоило землю впервые пролитою кровью; мирное сожительство людей было нарушено. Каинъ и его потомки впослѣдствіи жили къ востоку, въ «странѣ изгнанія», гдѣ обратились къ городской жизни и устроили свой бытъ разнообразнѣе, благодаря изобрѣтенію музыки и кованія металловъ; потомки Сиѳа остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ, при обычной пастушеской жизни, скотоводствѣ и земледѣліи. Въ слѣдствіе усиливавшагося раз-

множенія обоихъ племенъ и смѣшенія между ними, потомки Сиѳа заразились пороками потомковъ Каина; буйныя влеченія дикой, необузданной природы все болѣе и болѣе вовлекали поколѣнія юнаго человѣчества въ пути грѣха, пока наконецъ великій потопъ не истребилъ всѣхъ людей на землѣ, за исключеніемъ Ноя и его семейства. Но вскорѣ племя Ноя до того размножилось, что потомки трехъ сыновей его: Сима, Хама и Іафета, должны было разсѣяться по сосѣдственнымъ землямъ, ибо родина уже не могла вмѣстить ихъ. Тогда пришла имъ мысль построить «изъ кирпича и горной смолы какъ цемента», столбъ Вавилонскій, оконечность котораго должна была достигать неба и служить для нихъ постоянною примѣтой. Богъ разстроилъ это высокомѣрное предпріятіе, смѣшавъ ихъ рѣчь, то-есть раздѣливъ ее на языки, такъ что, не понимая другъ друга, люди должны были разсѣяться. Они разошлись во всѣ четыре стороны, населили земли трехъ древнѣйшихъ частей свѣта: Азіи, Африки и Европы, и составили, по различію языковъ, разные народы. Потомство Сима, къ которому относятъ всѣ народы семитическихъ (то-есть симитскихъ) языковъ, каковы Евреи, Халдеи, Сирійцы, Арабы, сохранило свое первоначальное обиталище въ Азіи; потомство Хама распространилось по Египту и Африкѣ, а потомство Іафета населило Малую Азію и большую часть Европы.

2. Раздѣленіе людей по породамъ, языкамъ и образу жизни.

§ 2. Сравненіе особенностей, преобладающихъ между обитателями земнаго шара, привело къ заключенію о существованіи трехъ или пяти породъ, различающихся по духовнымъ свойствамъ и способности къ развитію, а также по сложенію тѣла, устройству головы и лица, и цвѣту кожи. I. Призванная къ свободѣ и преобладанію кавказская порода, къ которой принадлежатъ народы индогерманскихъ языковъ, т. е. Европейцы (за исключеніемъ Лапландцевъ и Финновъ), жители верхней Азіи, Индіи и сѣверной Африки, по своей способности къ развитію преимущественно составляетъ предметъ исторіи. Она отличается соразмѣрно-

стію членовъ, красотою тѣла и лица, и заключаетъ въ себѣ разнообразнѣйшіе переходы отъ бѣлаго цвѣта кожи у бѣлокураго сѣвернаго Европейца, до темнаго цвѣта кожи съ черными волосами у южнаго Европейца и Индійца. 2. Негритянская порода, обитающая въ Африкѣ и разселенная посредствомъ торга невольниками въ Америкѣ и Вестъ-Индіи, отличается болѣе или менѣе чернымъ цвѣтомъ лица и черными, курчавыми, шерстистыми волосами. 3. Монгольская порода живетъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта (Монголы, Гунны, обитатели нижней Индіи, Китайцы, Японцы, Калмыки, Финны, Лапландцы, Эскимосы и пр.) съ прямыми черными волосами, вдавленнымъ носомъ, прямо-линейно расположенными, далеко отстоящими глазами и цвѣтомъ лица, измѣняющимся отъ желтаго до свѣтло-коричневаго.

Рядомъ съ этими тремя племенами, принадлежащими преимущественно Старому Свѣту, различаютъ еще двѣ второстепенныя, посредствующія породы. 4. Малайская (Австралійская) съ прямыми или чуть-чуть курчавыми черными волосами, съ болѣе или менѣе темнымъ цвѣтомъ лица, составляетъ какъ бы переходъ отъ кавказской породы къ эѳіопской. Къ ней принадлежатъ обитатели Новой Голландіи и острововъ Тихаго Океана. 5. Американская — съ мѣднотемнымъ цвѣтомъ лица и рѣдкими, взъерошенными волосами, заключаетъ въ себѣ еще сохранившихся первоначальныхъ обитателей Америки: Мексиканцевъ, Перуанцевъ и т. д. и составляетъ переходъ отъ кавказской породы къ монгольской.

Эти различія между породами привели многихъ ученыхъ къ тому заключенію, будто каждая часть свѣта или каждая большая группа острововъ имѣетъ своихъ особенныхъ, на мѣстѣ возникшихъ обитателей (автохтоновъ) и что слѣдовательно нельзя допустить происхожденія рода человѣческаго отъ одной пары; другіе, напротивъ, основываясь на иныхъ данныхъ, на сходствѣ жизненнаго процесса у всѣхъ породъ, на единообразіи внутренняго строя и скелета, и на томъ обстоятельствѣ, что смѣшеніе между всѣми породами даетъ плодъ (такъ въ Америкѣ родившіеся отъ Европейцевъ и Негровъ называются мулаттами, родившіеся отъ Европейцевъ и Американцевъ — местицами и т. п.), полагаютъ, что различныя породы людей — видоизмѣненія одного и того же первоначальнаго племени, и что, не смотря на вліяніе климатовъ, нравовъ, обычаевъ, образа жизни и другихъ легко объяснимыхъ

особенностей, свойственныхъ отдѣльнымъ породамъ, происхожденіе человѣчества отъ одной пары имѣетъ за себя наибольшую вѣроятность.

Раздѣливъ обитателей земнаго шара на пять упомянутыхъ породъ, пытливый и мыслящій духъ приступилъ къ другой задачѣ — свести всѣ языки, которыхъ насчитываютъ до 2,000, на отдѣльныя вѣтви или корни языковъ и изъ сходствъ между всѣми этими вѣтвями вывесть существованіе одного общаго первочальнаго языка или доказать первоначальное сродство племенъ, нынѣ разъединенныхъ. 1. Кавказской породѣ принадлежатъ слѣдующія три вѣтви языковъ: a) индогерманская (индоевропейская, или арійская), къ которой относятъ языки обитателей Верхней-Индіи, персидскій и всѣ европейскіе языки, за исключеніемъ венгерскаго, языка Басковъ, финскаго и эстонскаго; b) семитическая, свойственная вышеупомянутымъ симитскимъ народамъ, Абиссинцамъ, Финикійцамъ, Пунійцамъ (Карѳагенянамъ) и друг.; c) сѣверо-африканская, заключающая въ себѣ языки древне-египетскій, коптскій и почти всѣ языки древнихъ обитателей сѣверной Африки 2. Въ сѣверо-восточной Азіи и Европѣ распространено принадлежащее частію кавказскимъ, частію монгольскимъ народамъ семейство языковъ финско-татарское, или туранское, къ которому относятся многочисленныя племена Финновъ (сюда пріурочиваютъ и Венгровъ въ Венгріи, а также населеніе Эстляндіи и Лифляндіи), Татаръ (сюда входятъ и османскіе Турки, Киргизы, Башкиры и др.) и многіе монгольскіе народы Тунгузы, Камчадалы и др.). Важнѣйшимъ общимъ признакомъ туранскихъ языковъ служитъ агглутинація, т. е. образованіе склоненій и спряженій посредствомъ механическихъ и отъемныхъ вставокъ или приставокъ, въ противуположность органическому складу языковъ семитическихъ и въ особенности арійскихъ. Туранскіе языки большею частію кочевые. 3. Въ юго-восточной Азіи господствуетъ свойственная монгольской породѣ китайско-загангская отрасль, состоящая изъ односложныхъ словъ безъ флексій, т. е. безъ перемѣны окончаній въ глаголахъ, именахъ и мѣстоименіяхъ: она распространена въ Китаѣ, Нижней Индіи, Тибетѣ и пр., а въ Японіи и на восточно-азіятскомъ архипелагѣ японско-курильская. 4. Языки, употребительные на островахъ Великаго Океана, относятъ къ малайско-полинезскому корню. 5. Языки и нарѣчія американской породы, которыхъ насчитываютъ до 500, при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ общій первоначальный типъ и потому тоже могутъ быть сведены на одну отрасль — американскую. 6. Пытливый духъ Европейцевъ старался изслѣдовать и привести въ стройный

порядокъ даже безчисленныя африканскія племена, но по неизвѣстности внутреннихъ частей Африки, добытые результаты скудны и основанія ихъ шатки.

Въ Южной Америкѣ, до поселенія Европейцевъ, по всему восточному берегу отъ Ріо-де-ла-Платы до Мараньона, господствовало семейство языковъ гваранійское, на западномъ берегу преобладалъ языкъ Перуанцевъ, повидимому получившихъ свою образованность отъ толтекскаго племени Инковъ, выходцевъ изъ Мексики, а на сѣверѣ Южной Америки—карaибское семейство, въ составъ котораго входили болѣе двадцати нарѣчій. Оно было сильно распространено и на материкѣ, и на прилежащихъ къ нему островахъ. — Въ Юкатанѣ, гдѣ въ эпоху испанскаго завоеванія существовала обширная образованность, о которой доселѣ свидѣтельствуютъ пирамидальныя сооруженія и надгробные монументы, господствовалъ языкъ майя, служившій для Испанцевъ посредствующимъ языкомъ. По всему юго-западу Сѣверной Америки былъ распространенъ богатый формами, обработанный языкъ Мексиканцевъ, того замѣчательнаго государства, которое Толтеки, эти Пелазги Новаго Свѣта, сдѣлали средоточіемъ своей цивилизаціи, сходной съ цивилизаціей восточной Азіи, пока не были оттѣснены на югъ сильными Ацтеками. Изъ дикихъ племенъ, населявшихъ внутренность Сѣверной Америки, наиболѣе важны: Нодовессы или Сіусы, составлявшіе союзъ двѣнадцати племенъ, на Миссури и верховьяхъ Миссисипи, и замѣчательные какъ въ численномъ отношеніи, такъ и по языку, отличительный признакъ котораго составляло обиліе гортанныхъ звуковъ; шесть союзныхъ племенъ Могавковъ (Ирокезовъ), жившихъ около озеръ Онтаріо и Эріе, и Гуроны въ Канадѣ, языкъ которыхъ, бѣдный согласными и формами, богатый нарѣчіями, лучше изслѣдованъ; а на всемъ сѣверѣ, отъ странъ по Гудсонову заливу до большихъ озеръ, господствуетъ далеко распространенное чиппевейско-делаварское, или альгонкійско-могиганское семейство, со многими отраслями и нарѣчіями, сродство и общее происхожденіе которыхъ несомнѣнны; нѣкоторыя нарѣчія этого далекораспространившагося семейства имѣютъ мало формъ или вовсе не имѣютъ ихъ; другія, именно юго-восточная отрасль, богаты флексіями. Относительно африканскихъ языковъ добыты слѣдующіе результаты: берберскія племена на сѣверномъ берегу Африки, на высотахъ Атласа, до самой Степи, на Канарскихъ и Асорскихъ островахъ (Гуанчи), а также обитатели береговъ Нила и прибрежья Чермнаго моря, говорятъ на языкахъ, которые, хотя заключаютъ въ себѣ много чуждыхъ

примѣсей и носятъ отпечатокъ движенія многочисленныхъ народовъ и столкновеній между ними, однако всѣ принадлежатъ къ главной египетско-симитской отрасли кавказскаго корня; напротивъ, жители малоизвѣстныхъ странъ между Сагарою и рѣкою Гюльби, именно кроткіе, болѣе мѣдноцвѣтные чѣмъ чернокожіе Фуллы, или Феллаты, какъ по свойству своего, способнаго къ развитію языка, такъ и по всей своей природѣ, составляютъ особенное явленіе, равно отличное отъ Кавказцевъ и Негровъ. Языки собственно-негритянскихъ племенъ средней Африки распадаются на три главныя семейства: мандингское, къ которому принадлежатъ дикіе народцы по Сенегалу и Гамбіи и жители горныхъ мѣстностей къ востоку отъ Сіерра-Леоне; аминскую отрасль на Золотомъ берегу и далѣе внутри страны, обнимающую дикихъ и развратныхъ Фантовъ, мирныхъ Ашантіевъ и многія сосѣднія царства; и конгское семейство, къ которому относятъ жителей Лоанго, Конго, Анголы и др., развращенныхъ торгомъ неграми. Въ южной Африкѣ весьма распространенъ языкъ сильныхъ, темноцвѣтныхъ Кафровъ. Говорятъ, что этотъ языкъ полнозвученъ, мягокъ, пріятенъ для слуха, и состоитъ изъ простыхъ, рѣдко больше чѣмъ двусложныхъ словъ. Медленное, выразительное произношеніе и обиліе простыхъ, чистыхъ гласныхъ сообщаютъ этому языку особенную благозвучность. Между Кафрами и Европейцами Капской колоніи живутъ Готтентотты и Босьесманы, остатки большаго, нѣкогда далеко распространеннаго племени, съ особенными, еще мало изслѣдованными нарѣчіями.

§ 3. По разности мѣстопребыванія, люди усвоили себѣ различный образъ жизни и различныя занятія. Обитатели степей и пустынь, гдѣ только мѣстами встрѣчаются плодоносныя пастбища, избрали пастушескую жизнь и кочевали съ мѣста на мѣсто съ своими шалашами и стадами. Они называются кочевниками (номадами), и главное занятіе ихъ — скотоводство. Поселившіеся на удобныхъ морскихъ берегахъ вскорѣ, по мѣрѣ своего развитія и размноженія, стали понимать выгоды своей мѣстности. Они занялись мореплаваніемъ и торговлею, достигли благосостоянія и богатства, построили красивыя жилища и города, между тѣмъ какъ обитатели негостепріимныхъ береговъ влачили жалкое существованіе съ помощію рыбной ловли. Жители равнинъ посвятили себя земледѣлію и мирнымъ занятіямъ, а суровые, огрубѣлые горные народы предались охотѣ и, увлеченные стремленіемъ къ необузданной вольности, находили удовольствіе въ бою и войнѣ. Мощными двигателями образованности были торговля и возбужденное ею общеніе между народами. Жители плодонос-

ныхъ равнинъ и благопріятно-расположенныхъ рѣчныхъ береговъ вели сухопутную или внутреннюю торговлю, доставляя свои избытки въ другія мѣстности и мѣняя ихъ на чужеземныя естественныя произведенія и издѣлія. Самымъ распространеннымъ родомъ сухопутной торговли былъ возникшій въ Азіи и Африкѣ караванный торгъ, съ помощію котораго огромные транспорты товаровъ доставлялись съ мѣста въ самые отдаленные края, и который часто подавалъ поводъ къ возникновенію городовъ и торжищъ. Трудности и опасности, съ которыми былъ сопряженъ провозъ товаровъ черезъ обширныя земли, нерѣдко населенныя разбойническими народами, иногда черезъ пустыни, рано дали почувствовать необходимость союзовъ между людьми въ видахъ общихъ предпріятій. Для перевозки тяжестей, въ караванной торговлѣ преимущественно употребляли верблюда, котораго по этому справедливо называютъ «кораблемъ пустыни», а для защиты каравана — кочевыхъ жителей степи, которою проходили. Такъ какъ для странствующихъ караванныхъ купцовъ мѣстами отдыха и временныхъ поселеній, или гощенія, часто служили прославившіеся храмы съ ихъ заповѣдными дорогами и господствовавшимъ надъ ними божіимъ миромъ, то въ древности торговля получила религіозное освященіе и состояла подъ защитою религіи. — Напротивъ, обитатели морскихъ береговъ вели морскую торговлю, которая въ древности собственно была только каботажною, береговою. Сначала мѣняли товары на товары (мѣновая торговля), и лишь съ теченіемъ времени пришли къ мысли назначить опредѣленную цѣнность благороднымъ металламъ и сдѣлать монету искусственнымъ, удобнымъ орудіемъ мѣны. — Жители ровныхъ, мало населенныхъ мѣстностей, приручая дикихъ животныхъ, нашли себѣ въ нихъ необходимыхъ помощниковъ для домашняго обихода, и законами обезпечили за собою собственность, поля, хижины и стада Оттого-то земледѣліе и называютъ «великимъ проводникомъ человѣчности». Жители городовъ устремили свои усилія на ремесла и изобрѣтенія для обогащенія и украшенія жизни, и занимались искусствами и науками, раскрывшими все могущество человѣческаго духа въ его разнообразныхъ силахъ и проявленіяхъ.

3. Государства и государственныя формы.

§ 4. Съ теченіемъ времени люди раздѣлились на цивилизованныхъ (образованныхъ) и нецивилизованныхъ,

смотря по тому, способствовали ли ихъ наклонности и сношенія развитію духовныхъ силъ, или послѣднему препятствовали тупость народа и пространственная разобщенность. Необразованными народами считаются или совершенно дикія орды, состоящія подъ начальствомъ предводителя, отъ котораго зависитъ судьба каждаго члена орды, или кочующія племена, подъ начальствомъ старшины, который, какъ отецъ семейства, соединяетъ въ себѣ права князя и судьи, и считается представителемъ своихъ соплеменниковъ передъ лицемъ божества. Ни эти кочующія племена съ своими патріархальными учрежденіями, ни дикія орды, живущія въ невѣдомыхъ песчаныхъ пустыняхъ Африки, въ горныхъ ущельяхъ Азіи и первобытныхъ лѣсахъ Америки, не имѣютъ мѣста въ исторіи. Послѣдняя занимается только цивилизованными народами, которые посредствомъ учрежденій и законовъ составили государства, и соединились нравственно, по взаимному соглашенію, или удобству, для мирнаго общенія между собою, соединились въ общество, въ одно нравственное цѣлое.

§ 5. По образамъ правленія или учрежденіямъ, государства раздѣляются на монархическія и республиканскія. Монархіею называется государство, во главѣ котораго стоитъ и управляетъ одно лице, пользуясь, смотря по обширности своихъ владѣній, титуломъ императора, короля, герцога, князя и пр. Республикою называютъ такой государственный порядокъ, при которомъ правительственная власть принадлежитъ многимъ. Но республиканскія формы правленія чрезвычайно разнообразны. Если республикою управляютъ только извѣстные роды, отличающіеся своимъ происхожденіемъ (дворянство) или богатствомъ, то государство называется аристократическою республикою; если это преимущество сосредоточивается въ рукахъ немногихъ фамилій или лицъ, то — олигархіею. Напротивъ, когда отвѣтственные правители избираются всѣмъ народомъ изъ среды его, въ общихъ собраніяхъ или по-общинно, и народъ пользуется законодательною властію, то республика называется демократіей, или демократическою; если при этомъ преобладаетъ вліяніе низшихъ классовъ, то правленіе называется охлократіею, господствомъ массъ. Каждая изъ этихъ трехъ формъ правленія считалась въ древности законною, если правительственная сила поставляла для себя высшею цѣлью общественное благо и общіе интересы цѣлаго государства,

и въ то же время признавала надъ собою законъ и обычай; напротивъ, каждая форма считалась искаженною, когда беззаконіе и произволъ замѣняли существующій порядокъ правомъ сильнаго, дѣлали частный интересъ государственнымъ и навязывали его каждому гражданину, какъ законъ. Монархическое правленіе бываетъ или неограниченное (абсолютное), когда наслѣдственный правитель безъ содѣйствія народа издаетъ законы, налагаетъ подати и устроиваетъ управленіе и судъ, или ограниченное (смѣшанное), когда все это дѣлается лишь съ помощію выборныхъ отъ народа. Ограниченная монархія, при которой правитель безотвѣтственъ, но имѣетъ при себѣ отвѣтственныхъ высшихъ чиновниковъ (министровъ), можетъ быть двоякаго рода, смотря потому, имѣютъ ли выборные характеръ всенародныхъ представителей (представительная система, конституціонная монархія), или они только представители отдѣльныхъ сословій народа (сословная система, система государственныхъ чиновъ въ тѣснѣйшемъ, старинномъ смыслѣ). Когда произволъ правителя заступаетъ мѣсто закона, то неограниченная монархія превращается въ деспотію; съ другой стороны, если въ конституціонной монархіи народъ прямо объявленъ источникомъ правительственной власти, то эта монархія приближается къ республиканской государственной формѣ. — Формы правленія выработались у народовъ мало по малу, и одна изъ нихъ, — конституціонная монархія, есть созданіе только новѣйшаго времени.

§ 6. Древнѣйшія государства большею частію имѣли стѣснительное для свободы учрежденіе — касты. Подъ этимъ названіемъ разумѣется строгое раздѣленіе людей по сословіямъ и занятіямъ, неизмѣнно переходящимъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, при чемъ не допускаются ни смѣшеніе между кастами, ни переходъ изъ одной касты въ другую. Первую касту составляли жрецы, одни обладавшіе познаніемъ религіозныхъ установленій и обычаевъ, а также гражданскихъ законовъ, скрывавшіе въ нѣкоторыхъ государствахъ свое знаніе отъ другихъ сословій и втайнѣ передававшіе его лишь по наслѣдству собственнымъ потомкамъ. Первоначально власть почти повсемѣстно была въ рукахъ жреческой касты, разобщенной съ другими классами народа строгимъ церемоніаломъ и заученными формами. Позднѣе, каста воиновъ (благородное сословіе, аристократія, дворянство) умѣла стать рядомъ съ жреческою, какъ ровная ей по происхожденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ или условиться съ нею относительно по-

любовнаго раздѣленія власти, или же пересилить ее и мечемъ основать свѣтскую деспотію (см. § 31). Такъ образовались привилегированныя сословія, превосходившія народъ богатствомъ, образованіемъ и военнымъ искусствомъ, и занявшія высшее общественное положеніе. Къ аристократіи обыкновенно принадлежалъ монархъ, котораго родъ и фамилія были выше другихъ и поэтому названы династіею. Третью и четвертую касту составляли низшіе классы земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Если въ такомъ государствѣ были пастухи, то они составляли низшую и самую презрѣнную касту, частію по необразованности этихъ людей, частію по неопрятности, соединенной съ уходомъ за мелкой скотиной. Раздѣленіе на касты, которому обыкновенно предшествуетъ завоеваніе страны пришлыми народами и порабощеніе туземцевъ искони, сохранялось всего долѣе и чище въ Индіи и Египтѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, эти сословія были разграничены такъ рѣзко, что наслѣдственная раздѣльность ихъ не могла быть нарушена ни какимъ смѣшаннымъ, перекрестнымъ бракомъ и даже простиралась до уклоненія отъ чисто-внѣшнихъ сношеній между людьми различныхъ кастъ.

4. Религіи языческаго міра.

§ 7. Религія и религіозные обряды, это выраженіе, этотъ отблескъ духовной и душевной дѣятельности отдѣльныхъ народовъ, сложились такъ же разнообразно, какъ формы быта и государства. — Коренясь глубоко въ духѣ и чувствѣ, религія проистекаетъ изъ стремленія души человѣческой къ общенію съ ея духовнымъ, первоначальнымъ источникомъ, изъ внутренняго трепета передъ внѣшнимъ могуществомъ природы, изъ чувства зависимости отъ высшихъ силъ и недостаточности силъ человѣческихъ среди бурь земной жизни. Оттого религія, по существу своему, составляетъ не одну только сторону внутренней жизни нашей, но скорѣе всю эту жизнь въ совокупности: это та божественная искра, изъ которой исходитъ всякая духовная дѣятельность, та почва, на которой всходитъ всякой цвѣтъ духа. Чѣмъ ближе народъ къ природѣ въ общемъ своемъ развитіи, чѣмъ проще его образъ жизни и занятія, тѣмъ ограниченнѣе горизонтъ его

мысли, тѣмъ болѣе сливается вся духовная жизнь его съ религіей, тѣмъ болѣе религіозныя его отправленія становятся для внутренняго міра души такимъ же исключительнымъ предметомъ дѣятельности, какъ ежедневныя занятія для физической жизни, тѣмъ болѣе религіозныя и внѣшнія обязанности сростаются въ одно крѣпкое цѣлое, сообщая произведеніямъ рукъ человѣческихъ высшее, божественное освященіе. Въ этомъ взаимномъ соотношеніи практической и религіозной жизни коренится сущность языческихъ религій. Люди поклонялись божественнымъ силамъ, проявлявшимся въ природѣ и сообщавшимъ земной жизни направленіе и цѣль; видя проявленіе ихъ преимущественно въ солнцѣ, дарующемъ свѣтъ и жизнь, въ цвѣтеніи и увяданіи растительнаго царства, они считали ихъ личными существами, одаренными сознаніемъ и волею, и установили въ честь своихъ самодѣльныхъ божествъ религіозные праздники и обряды. Но какъ въ образованіи религіозныхъ представленій, такъ и въ жертвоприношеніяхъ и обрядахъ, обнаружилось большое различіе между народами, которые одарены отъ природы высшею способностію къ развитію, и тѣми грубыми племенами, которымъ доступны одни интересы земной жизни и одни чувственныя ощущенія. Такъ, ближайшіе къ природѣ, народы Африки и средней Азіи облекли свои первобытныя, данныя чувственнымъ міромъ понятія о божествѣ въ грубыя формы **фетишей**, поклоняясь этимъ понятіямъ въ образѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ, рѣдко въ образѣ человѣческомъ, тогда какъ народы верхней Азіи, гдѣ въ полномъ блескѣ свѣтили солнце, мѣсяцъ и здѣзды, выработали **поклоненіе свѣтиламъ** (**сабеизмъ**), а народы, стремившіеся къ высшему образованію, старались или умозрительно постигнуть божественное, допуская его реально разрѣшаться въ предметахъ видимаго міра и считая божество **жизнію** природы, единымъ дѣйствительно **сущимъ** во всѣхъ явленіяхъ (**пантеизмъ**), или возсоздать его художественно, обоготворяя всю внѣшнюю природу и представляя себѣ боговъ въ видѣ совершеннѣйшихъ, выше одаренныхъ людей (**политеизмъ, антропоморфизмъ**). Тоже различіе обнаружилось **въ религіозныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ**. Грубые народы, ближайшіе къ природѣ,

думали склонить къ себѣ фетиша заучеными заговорами и молебными формулами, и старались обезопасить себя противъ могущества враждебныхъ духовъ заповѣдными вещами, амулетами и талисманами; напротивъ, образованный человѣкъ вступалъ во внутреннюю связь съ божествомъ чрезъ духовную поэзію, создавалъ рукою художника высокій образъ, въ которомъ человѣческій организмъ возводился въ идеалъ, какъ обликъ и выраженіе божественной природы, и старался усовершенствовать и облагородить свои понятія о божествѣ и вѣчноживомъ духѣ чрезъ наблюденіе небесныхъ тѣлъ, чрезъ изслѣдованіе природы и ея законовъ. Между тѣмъ какъ сирійскія и финикійскія племена суевѣрно признавали, что могутъ укрощать гнѣвъ божества, принося ему въ жертву любимыхъ дѣтей, которыхъ клали въ объятія раскаленнаго идола — бога огня — Молоха, или снискивать его милость развратомъ и любострастными обычаями, а грубые народы убивали рабовъ и военноплѣнныхъ у алтарей боговъ своихъ, Греки находили въ своихъ облагороженныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ высшее наслажденіе жизни, посвящая богамъ веселыя празднества, на которыхъ въ дружескомъ кругу потребляли заклапныхъ въ жертву животныхъ и поднесенные плоды, и въ тоже время наслаждались искусствомъ: поэзіею, музыкой, торжественной хороводною пляской, которыми украшались эти праздники.

§ 8. Языческія религіи Востока. 1. Индійцы. Религіозное ученіе Индійцевъ есть система эманаціи, по которой весь видимый и невидимый міръ истекаетъ изъ божества и снова возвращается къ своему источнику. Средоточіемъ ихъ религіи служитъ ученіе о переселеніи душъ, душескитаніи (метемпсихоза). По этому ученію, душѣ человѣка дано земное тѣло лишь въ наказаніе, заслуженное ею прежнимъ бытіемъ, которое предшествовало ея появленію на свѣтъ въ этомъ тѣлѣ, и цѣлью ея стремленій должно быть возсоединеніе съ божественною душой міра. Оттого Индіецъ считаетъ земную жизнь періодомъ кары и испытанія, который можно сократить лишь святою жизнію, молитвою и жертвоприношеніями, покаяніемъ и очищеніемъ, или аскетическою жизнію, находящею отраду въ созерцаніи божества и предохраняющею человѣка отъ заразительныхъ соприкосновеній съ испорченнымъ міромъ. Если человѣкъ пренебрежетъ этимъ самоочищеніемъ и, отдаляясь отъ божества, еще глубже погрузится во зло, то ког-

да душа его сниметъ «свою изношенную тѣлесную одежду», она переходитъ, по приговору поставленныхъ надъ умершими судей, въ другое, не рѣдко низшее тѣло и снова должна начать свое странствованіе, между тѣмъ какъ душа мудраго, героя или покаявшагося возносится къ свѣтящимъ звѣздамъ и наконецъ соединяется съ духовной первоначальной сущностью, изъ которой она нѣкогда вышла. Въ древнѣйшія времена, когда Индійцы еще жили въ странѣ «Пятирѣчья», они поклонялись силамъ, создавшимъ природу: Индрѣ, богу неба, повелителю солнечныхъ лучей и дождя, утренней зари и вѣтровъ; Агни, силѣ огня и свѣта, и Варунѣ, властителю безпредѣльнаго пространства и морской поверхности. Рядомъ съ этими существами, олицетворявшими внѣшнюю природу, которымъ Индійцы приносили особеннаго рода жертву — сомаджага и которыя представляли собою жизнь природы въ троякомъ ея проявленіи: возникновеніи, продолженіи и увяданіи, Индійцы и тогда уже призывали, подъ именемъ Брамы, еще одно таинственное божество, которое считалось духомъ, присущимъ жертвоприношенію и молитвѣ, имѣющимъ власть надъ силами природы и принуждающимъ ихъ внимать людской молитвѣ. Впослѣдствіи, когда Индійцы предались спокойной и созерцательной жизни въ роскошной странѣ, орошаемой Гангомъ, творческая духовная дѣятельность браминовъ сообщила этому понятію о Брамѣ первое мѣсто въ индійской религіи: Брама былъ признанъ душою міра и первоначальнымъ источникомъ всякаго бытія, а Индра и другія божества, олицетворявшія природу, получили второстепенное значеніе блюстителей міра. Появленіе царственнаго основателя новой религіи, Будды, въ лицѣ котораго ученики поклонялись божественному образцу человѣческой добродѣтели и совершенства на землѣ, привело Индійцевъ къ ученію о воплощеніяхъ, по которому первоначальный духъ Брама, это идеальное мировое единство, сначала являлся на землю въ трехъ образахъ (тримурти): Брамы, Вишну и Сивы, а потомъ Вишну являлся отъ времени до времени въ человѣческомъ образѣ (въ видѣ Рамы, Кришны и др.), чтобы приводить въ порядокъ міръ, погрязшій въ порокѣ и заблужденіяхъ, и возстановлять силу вѣчнаго права и святаго обычая.

Три высшія божества: Брама, Вишну, Сива, приведены въ извѣстное соотношеніе лишь позднѣйшими мыслителями. Первоначально они были тремя главными божествами, которымъ поклонялись различныя племена въ разныхъ частяхъ Индіи, какъ высшимъ богамъ. Даже въ позднѣйшее время отдѣльныя секты признавали одного изъ нихъ выше другихъ. — Браманъ (средній родъ, въ именительномъ падежѣ Бра-

ма) буквально значитъ: великое, отсюда — по преимуществу великое, высшее существо, отъ котораго все имѣетъ свое начало и въ которое все возвращается. Это — вѣчно въ себѣ законченное единство міра и всѣхъ существъ, которое, какъ чистое единство, не можетъ быть ни олицетворено, ни обозначено человѣческими понятіями. Изъ этого отвлеченнаго единства, составляющаго сущность всего, вышло второе, конкретное существо, вѣрное отраженіе существа первоначальнаго, обозначаемое мужескимъ родомъ Браманъ (въ именительномъ Брама̀). Это первоначальный разумъ, которымъ созданы дѣйствительный міръ и родъ человѣческій. Онъ сообщилъ людямъ священныя книги: Веды, законы Ману и пр. Только этому Брамѣ мужескаго рода воздаютъ внѣшнее поклоненіе, а не отвлеченному первоначальному существу, которое, какъ чистое единство, не можетъ быть предметомъ человѣческаго представленія. Вишну—также личное откровеніе того же первоначальнаго духа; это слово означаетъ или проникающій (отъ корня вис), или защитникъ, хранитель (отъ корня ви и частицы сну, которая по причинѣ гласной переходитъ въ шну). Онъ хранитель, искупитель, вѣчное возстановленіе нравственнаго порядка въ мірѣ, на благо людямъ самъ дѣлается человѣкомъ и борется со зломъ. Между обожателями Вишну онъ считался вмѣстѣ творцомъ, хранителемъ и искупителемъ, т. е. уничтожающимъ старый и установляющимъ новый порядокъ. Поклоненіе этому божеству возникло въ Бенгаліи и на низменностяхъ Ганга, гдѣ плодородіе и благосостояніе зависятъ отъ разлитія рѣки (какъ въ Египтѣ). Почти вся индійская литература принадлежитъ поклонникамъ Вишну. Они кротки, не обижаютъ и не убиваютъ ни одного животнаго. Буддизмъ вышелъ изъ этой секты. — Поклоненіе третьему богу — Сивѣ возникло въ гористыхъ сѣверныхъ частяхъ Индіи и оттуда распространилось по всей странѣ. Главное мѣстопребываніе его въ горахъ, особенно на Гималаѣ; онъ — горное божество. Оттого онъ называется еще коровладыкой, а жена его — Парвати — горнорожденною, и сверхъ того Дургою, не легко доступною. Въ этомъ представленіи есть нѣчто двойственное: съ одной стороны разрушительное и поглащающее свою противуположность; съ другой стороны огонь и теплота — начало жизни и естественной производительности. Поэтому Сива главнымъ образомъ представляетъ собою дикую жизненную силу вообще и соединяетъ въ себѣ двѣ стороны природы: производящую и разрушающую, которыя вѣчно смѣняютъ одна другую, какъ лѣто и зима. Поклоненіе Сивѣ составляло собственно народную религію въ Индіи, и отличается грубымъ, дикимъ, изступленнымъ ха-

рактеромъ. Великой силѣ природы (Барани, прозваніе Сивы), все производящей въ соединеніи съ огнемъ, приносились кровавыя, въ особенности человѣческія жертвы. Часто люди жертвовали ей сами себя. Чтобы вполнѣ отдаться этой неограниченной силѣ, бросаются въ истокъ Ганга, у Гималайи. Главный символъ Сивы — половой членъ, но этотъ символъ по видимому приданъ ему позднѣе южными народами. Быкъ тоже символъ Сивы. Слово Сива, какъ прилагательное, значитъ посанскритски счастливый, первоначально, конечно, блестящій. — По философско-религіозному ученію Будды, изъ пустоты (Нирвана), т. е. вѣчнаго пространства, все изъ себя рождающаго и все въ себя принимающаго, произошли три міра: безтѣлесно-эоирный, духовно-тѣлесный, и матеріяльный. Онъ училъ, что участь человѣка въ земной жизни обусловлена и строго опредѣлена его дѣлами въ прежней, что ни одинъ дурной поступокъ не остается безъ наказанія, ни одинъ добрый— безъ награды. Человѣкъ тогда только можетъ избѣгнуть этого рока, властвующаго надъ нимъ при переселеніи душъ, если направитъ свою волю исключительно на мысль объ освобожденіи отъ душескитальства, если останется вѣренъ этому направленію и ревностно будетъ стремиться къ совершенію добрыхъ дѣлъ. Отрекшись отъ всѣхъ страстей, которыя считаются крѣпчайшими оковами, препятствующими избавиться отъ переселенія, онъ достигаетъ желанной цѣли — полной свободы отъ перерожденій. Слѣдовательно, цѣль ученія Будды — смягченіе страданій земной жизни посредствомъ добрыхъ дѣлъ и человѣколюбія, искупленіе души отъ мукъ переселенія и возвращеніе въ Нирвану.

2. Зенды. Замѣчательное религіозное ученіе выработалось у первобытнаго зендскаго народа въ Иранѣ (Бактріи). Подобно соплеменникамъ своимъ Арійцамъ, жившимъ по рѣкѣ Инду, Иранцы тоже обоготворяли сначала силы природы. Солнце, упраздняющее зимній холодъ и массы снѣга на горахъ; утренняя заря, прогоняющая ночные туманы, вспыхивающій огонь, земной отблескъ небеснаго свѣта, огонь, разрастающееся пламя котораго символически обозначаетъ движеніе души человѣческой къ вѣчному источнику свѣта, представлялись божествами пастушескимъ народамъ восточнаго Ирана, какъ и Арійцамъ на Индѣ. Напротивъ, сухіе вѣтры, ужасы степи и пустыни, гдѣ живутъ духи ночи и разрушенія, внушали имъ страхъ, какъ враждебные демоны. Подъ улыбающимся небомъ Индіи, гдѣ природа выказывается только съ благодѣтельной стороны своей, выработались понятія о божественной душѣ міра, отъ которой исходитъ все созданное, и благомъ провидѣніи; напротивъ въ Иранѣ, гдѣ въ природѣ, въ климатѣ ощу-

тительны величайшія противуположности, развилось лежащее въ основаніи всякой естественной религіи вѣрованіе въ добрыхъ и злыхъ духовъ, въ благодѣтельныя силы свѣта и враждебныя силы мрака. Этотъ дуализмъ впослѣдствіи перешелъ изъ естественно-символическаго противупоставленія въ область чисто-нравственную. Но какъ въ народныхъ вѣрованіяхъ индійскихъ Арійцевъ первое мѣсто постоянно принадлежало Индрѣ, такъ у Иранцевъ главнымъ божествомъ былъ богъ солнца—Митрасъ. Эта естественная религія рано была приведена въ систему мудрецомъ и основателемъ религіознаго ученія Зороастромъ (Заратуштра): всѣ разрозненныя понятія и правила собраны имъ въ одну священную книгу — Зендъ-Авесту (§ 45). Отправляясь отъ того мнѣнія, что въ природѣ, какъ и въ душѣ человѣческой, добро перемѣшано со зломъ, и опираясь на древнее двойственное воззрѣніе народа, онъ раздѣлилъ вселенную и все созданное на два царства: на чистое царство свѣта, управляемое царемъ боговъ Ормуздомъ (Агурамазда) и заключающее въ себѣ все благое, чистое и святое, и на царство мрака, управляемое «злонамѣреннымъ», «лукавымъ» Ариманомъ (Арамайньюсь) и заключающее въ себѣ все злое, порочное, грѣшное. Каждый изъ этихъ высшихъ боговъ имѣетъ полчища богоподобныхъ духовъ, раздѣленныхъ по степени своей важности на классы: Ормуздъ— шесть амшаспандовъ (главныхъ духовъ) съ второстепенными духами—ферверами (фраваши) и изедами (язата), Ариманъ—девовъ (даэва и друджа), тоже раздѣленныхъ на классы. Оба основныя начала—доброе и злое — существовали отъ вѣка; Ормуздъ былъ могущественнѣе, безпрепятственно создалъ священнымъ творческимъ словомъ (гоноверъ) міръ — царство свѣта, заключавшее въ себѣ лишь доброе и чистое; но когда онъ удалился въ свое небесное обиталище, Ариманъ въ змѣиномъ образѣ прошелъ созданный міръ и наполнилъ его враждебными духами, нечистыми и вредными животными, пороками и грѣхами. Въ противуположность Ормузду, творцу свѣта, дня и жизни, Ариманъ былъ творцемъ мрака, ночи и смерти; Ормуздъ создалъ быка, собаку, пѣтуха: Ариманъ — хищныхъ животныхъ, змѣй, вредныхъ насѣкомыхъ; Ормуздъ старался, съ помощію духовъ-ферверовъ, удержать людей на стезѣ добродѣтели и нравственной чистоты; Ариманъ съ своими девами пользуется всякимъ случаемъ, чтобы врасплохъ поселиться въ сердцѣ человѣка и обратить его на путь нечистоты и порока. Такимъ образомъ происходитъ вѣчная борьба между двумя силами за обладаніе землею и человѣчествомъ. Но когда нибудь побѣда должна остаться за добрымъ началомъ: тогда царство свѣта наполнитъ

міръ, и наступитъ состояніе вѣчнаго блаженства. Тогда поклонники Ормузда, души которыхъ по смерти окажутся незапятнанными послѣ испытанія на мосту Чинаватѣ, получатъ иныя, свѣтлыя тѣла, не бросающія отъ себя тѣни, и будутъ наслаждаться у престола божественнаго свѣта вѣчнымъ счастіемъ и небесною славой. Оттого поклонникъ Ормузда обязанъ, во время земной своей жизни, всѣми силами противиться злымъ духамъ, умилостивлять ихъ и укрощать гнѣвъ ихъ жертвоприношеніями и смиреніемъ, бороться съ ними въ природѣ истребленіемъ вредныхъ животныхъ и прилежнымъ размноженіемъ полезныхъ плодовъ и деревьевъ, а въ собственной груди — исполненіемъ священнаго закона, поклоненіемъ огню и молитвой, добрыми рѣчами и дѣлами, жертвоприношеніемъ коней и быковъ, позднѣе даже людей. Соблюденіе «добраго закона», въ которомъ Ормуздъ открылъ людямъ свою волю, дѣлаетъ человѣка способнымъ противустоять всѣмъ проискамъ девовъ, обитающихъ въ Туранѣ, въ той дикой степной полуночной странѣ, откуда обыкновенно вторгались въ царство свѣта—Иранъ—хищныя кочевыя полчища. Такое воззрѣніе представляло жрецамъ (магамъ) соблазнительную возможность наполнить Зендавесту множествомъ предписаній, подчинившихъ жизнь Иранцевъ рабскому игу неподвижнаго закона. Зороастръ предписывалъ чистоту въ помышленіяхъ, словахъ и поступкахъ, какъ вѣрнѣйшее предохранительное средство отъ вліянія девовъ, а жрецы сообщили понятію о чистотѣ чисто-внѣшнее значеніе и придумали цѣлую массу внѣшнихъ правилъ, обрядовъ и обычаевъ, съ помощію которыхъ, по ихъ мнѣнію, можно было сохранить чистоту или, утративъ ее по неосмотрительности, возвратить снова. Этими очистительными предписаніями, жертвоприношеніями и обрядовыми обычаями превратили они поклоненіе свѣту въ рабскую покорность буквѣ закона.

3. Египтяне. Какъ вся жизнь Египтянъ обусловливалась природою ихъ страны, такъ и религія ихъ состояла въ тѣснѣйшей связи съ природою. Въ Нильской долинѣ, гдѣ такъ близко соприкасались жизнь и смерть, важнѣйшею потребностію человѣка естественно было ослабить вліяніе смерти, подкрѣпить и возвеличить силы природы, дарующія жизнь. Оттого египетская религія исключительно обращалась къ той естественной силѣ, которая въ круговомъ своемъ теченіи давала странѣ жизнь и плодородіе, — къ солнцу. Какъ ни разнообразно сложились формы божествъ и обряды въ Египтѣ, гдѣ почти каждый городъ имѣлъ своихъ особенныхъ боговъ и только немногимъ божествамъ поклонялся народъ повсемѣстно, все показываетъ, что поклоненіе солнцу было первоначальнымъ зерномъ и самымъ общимъ

началомъ египетскихъ вѣрованій, національнымъ культомъ Египтянъ. Не только множество божествъ, имѣющихъ особенныя имена, обряды и святилища, состоятъ, по существу своему, въ родственной связи съ солнцемъ, его разнообразными дѣйствіями и явленіями, или относительно своего происхожденія, или относительно соединенныхъ съ ними символическихъ представленій; но даже большинству чисто-мѣстныхъ и родовыхъ божествъ, для возвеличенія ихъ могущества, приписывалась связь съ солнцемъ: эти божества или признавались тождественными съ нимъ, или же имена ихъ дополнялись придаточнымъ именемъ *ра*, которое считалось древнѣйшимъ обозначеніемъ бога-солнца. Такимъ образомъ не только оивское мѣстное божество Аммонъ превратилось въ сильнѣйшаго національнаго бога, подъ именемъ Аммонъ-Ра, но и большинство другихъ мѣстныхъ боговъ: Манту, Атму, Тотъ и др., съ присоединеніемъ слова Ра, перешли въ область бога-солнца. Этому Ра или Фра (отсюда фараонъ), отцу и царю боговъ, возсѣдающему въ солнечномъ кругѣ и правящему всѣмъ небесными пространствомъ, особенно поклонялись въ Мемфисѣ и въ «Солнечномъ городѣ» (Геліополисѣ). Здѣсь находилось высокочтимое святилище, куда, по сказанію Египтянъ, каждыя 500 лѣтъ прилетала отъ востока птица Фениксъ и сгарала въ благовонномъ ѳиміамѣ, чтобы потомъ выйти юною изъ пепла и на третій день возвратиться на востокъ, въ свою родину: то было символическое выраженіе солнечнаго теченія въ опредѣленные, вѣчно неизмѣнные промежутки времени. Сильнымъ стражемъ неба былъ Сфинксъ, котораго изображали львомъ съ головою бога-солнца. Вмѣстѣ съ Ра наиболѣе поклонялись богамъ Пта и Озирису. Подлѣ храма Пта, «отца свѣта», въ Мемфисѣ, содержался на великолѣпномъ дворѣ священный быкъ Аписъ, который, какъ символъ производительной силы солнца, пользовался такимъ почитаніемъ въ египетскомъ народѣ, что по смерти его вся страна погружалась въ печаль, пока жрецы не находили новаго быка съ извѣстными внѣшними примѣтами: тогда наступало семидневное празднество, возвѣщавшее объ этомъ счастливомъ событіи процессіями и пиршествами. Быкъ Аписъ былъ черный съ бѣлымъ пятномъ на лбу, двойною шерстью на хвостѣ и наростомъ подъ языкомъ; наростъ долженъ былъ имѣть форму священнаго жука. Собственно національнымъ божествомъ Египтянъ былъ богъ солнца Озирисъ съ своею супругой и сестрою Изидой и сыномъ Горомъ. О немъ одномъ жрецы сложили сказанія, аллегорическимъ содержаніемъ которыхъ служатъ круговое теченіе солнца и сопровождающія ходъ его явленія природы. Озирисъ, благодѣтель страны, убитъ своимъ завистливымъ братомъ

Тифономъ (Сетомъ) и 72-мя его сообщниками; трупъ его положенъ въ ящикъ и погруженъ въ рѣку. Сокрушаясь и сѣтуя ищетъ Изида утраченнаго мужа, и нашедши трупъ, приказываетъ похоронить его на священномъ рѣчномъ островѣ Филе. Изъ царства мертвыхъ, гдѣ съ того времени властвуетъ Озирисъ, является онъ сыну своему Гору, возбуждая его къ отмщенію. Сынъ собираетъ своихъ приверженцевъ, побѣждаетъ Тифона и прогоняетъ его съ черными сообщниками въ пустыню. За тѣмъ Горъ вступаетъ на престолъ отца и властвуетъ надъ Египтомъ. Въ этомъ знаменательномъ миѳѣ представлена символически вся естественная жизнь Нильской долины. Тифонъ и его сообщники означаютъ 72 дня томительнаго зноя и засухи. Изида, земля египетская, сѣтуетъ о благословенной влагѣ и призываетъ ее; Озирисъ, та плодотворная сила природы, которая обнаруживается въ разлитіи Нила, удаленъ или покоится въ тѣснинѣ каменныхъ скалъ у водопадовъ Филе и Элефантины, во все время владычества своего враждебнаго брата. Но сынъ его Горъ, свѣжая весна, прогоняетъ, въ избыткѣ юношескихъ силъ, «темнокраснаго, огненнаго» Тифона и возвращаетъ странѣ законъ и плодородіе. Смерть Озириса только кажущаяся; онъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ на землѣ чрезъ сына своего Гора, мстителя за отца (давшаго объ отцѣ «откровеніе»), такъ и въ подземномъ царствѣ, гдѣ онъ судитъ души умершихъ и пробуждаетъ ихъ къ новой жизни. Къ числу солнечныхъ божествъ принадлежалъ также, по существу своему, греческо-египетскій мѣстный богъ позднѣйшей столицы Александріи, Сераписъ, обожанію котораго такъ благопріятствовали Птоломеи, что въ 3-мъ столѣтіи до Р. Х. онъ имѣлъ въ Египтѣ 42 храма. Рядомъ съ этими божествами стояла Нейѳа, таинственное олицетвореніе начала зачатія и рожденія въ природѣ, покровительница («занавѣшенный образъ») Саиса въ Нижнемъ Египтѣ. Въ честь ея совершался ежегодно особенный праздникъ свѣтильниковъ, подобный бѣгу съ факелами, установленному въ Аѳинахъ въ честь дѣвственной Паллады-Аѳины, съ которою не разъ сравнивали ее. Египтяне обожали также священныхъ животныхъ, и это обожаніе до того преобладало въ народной религіи, что еще въ древности возбудило усиленное вниманіе и нѣкоторыя указанія на причины и смыслъ такого явленія. Не только быкъ Аписъ, но и коровы, кошки, ибисы, кобчики, собаки, крокодилы и многія другія животныя пользовались почетомъ, какъ боги. Тотъ, кто умышленно убивалъ священное животное, былъ повиненъ смерти. Во время пожара, говоритъ Геродотъ, Египтяне гораздо больше заботятся о спасеніи кошекъ, чѣмъ о тушеніи огня, и когда кошка погибала

въ пламени, въ народѣ поднимался сильный вопль. Въ этомъ поклоненіи животнымъ грубое суевѣріе повидимому соединялось съ высшими чаяніями и представленіями; между тѣмъ какъ масса народа вѣроятно предавалась самому дикому фетишизму, принимавшему чувственный предметъ поклоненія за самое божество, посвященные въ тайны религіи руководились болѣе духовными воззрѣніями, созерцая и обожая въ инстинктѣ животныхъ чудесный, непостижимый духъ природы во всей его непосредственности, въ томъ могуществѣ, съ какимъ является онъ, еще не прошедши сквозь пытливую мысль человѣка. Или животнымъ поклонялись какъ символамъ тѣхъ божествъ, которымъ они были посвящены, по скольку эти божества считались представителями преобладающихъ въ природѣ силъ или тѣлъ небесныхъ. Египтяне вѣрили въ продолженіе жизни за гробомъ, въ наказаніе злыхъ и награжденіе добрыхъ. Судъ происходитъ въ преддверіи преисподней, въ храминѣ «двойной справедливости», предъ престоломъ Озириса, гдѣ сердце умершаго взвѣшивается на вѣсахъ правосудія. Души праведныхъ, украшенныя страусовымъ перомъ, переходятъ въ обитель бога-солнца, души грѣшниковъ въ царство мрака. Египтяне раздѣляли съ Индійцами вѣру въ переселеніе душъ. Тѣла праведныхъ находили покой въ могилахъ, жизнь въ смерти, радость въ восточной родинѣ солнца, и только души нечистыхъ, еще не совсѣмъ погибшія, подвергались переселеніямъ, продолжавшимся вѣроятно до тѣхъ поръ, пока онѣ, такимъ образомъ очистившись, могли быть допущены къ богу–солнцу.

§ 9. Религія Грековъ и Римлянъ. Самый свѣтлый характеръ получилъ политеизмъ у Грековъ, которыхъ сказанія о богахъ (миѳы, отсюда миѳологія) большею частію перешли потомъ къ Римлянамъ, соединившись или слившись съ ихъ собственною религіею. По религіознымъ представленіямъ Грековъ, различавшихъ въ своей миѳологіи періодъ творческихъ силъ природы (ѳеогоническая система) и періодъ управляющихъ міромъ силъ (олимпійскіе боги), вселенная была въ началѣ грубою, безформенною массою, хаосомъ, изъ котораго выдѣлились, какъ самостоятельныя божества, широкогрудая Земля (Геа, Ге), Подземный міръ (Тартаръ), Ночная тьма (Эребъ и Стиксъ) и первоначальное творческое существо — Любовь (Эросъ). Земля произвела изъ себя Небо (Уранъ) и Море (Понтъ), а потомъ создала существа необыкновенной величины и силы, Титановъ, которые владычествовали первые, пока существа болѣе духовныя, собравшіяся вокругъ небеснаго царя Зевса (Юпитера), не отняли у нихъ господства, побѣдивъ возставшихъ про-

тивъ неба титановъ и гигантовъ, и низвергнувъ ихъ въ бездну. Когда такимъ образомъ были укрощены дикія силы природы, Зевсъ воцарился на «многовершинномъ» Олимпѣ, Плутонъ въ мрачномъ подземномъ царствѣ (Гадесъ, Тартаръ, Оркъ), Посейдонъ съ своимъ трезубцемъ въ царствѣ водъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣса и воды, поля и луга, рѣки и озера имѣли безчисленное множество своихъ особенныхъ божествъ: нимфъ, нереидъ, тритоновъ и сиренъ, своимъ волшебнымъ пѣніемъ заманивавшихъ человѣка на вѣрную гибель. Эти божества часто имѣютъ вліяніе на судьбу человѣка. Накопецъ, отрасль героевъ, ведущая свое происхожденіе отъ Зевса, служитъ связью между людьми и богами, а переходъ отъ человѣка къ животному составляетъ низшій разрядъ боговъ — сатиры и фавны, соединяющіе въ себѣ человѣческія и животныя свойства. Отношенія человѣка къ міру боговъ, одаренныхъ свободою и красотою, и изображенныхъ въ совершеннѣйшихъ созданіяхъ греческаго искусства и поэзіи, чрезвычайно разнообразны. Съ самаго рожденія и во всю свою жизнь каждый человѣкъ имѣетъ своего демона (генія), оказывающаго вліяніе на его намѣренія и дѣйствія, не ограничивая однако свободной его воли. Домашній очагъ есть мѣстопребываніе домашнихъ и фамильныхъ боговъ (ларовъ, пенатовъ), охраняющихъ жилище человѣка отъ зла; мало того: каждое важное событіе въ жизни состоитъ подъ покровительствомъ особаго божества. Небожители удостоивали открывать обитателю земли будущее или совѣтовать ему посредствомъ оракуловъ и вдохновеній. Въ противуположность христіанскому воззрѣнію, по которому земная жизнь есть лишь время испытанія и перехода къ высшей жизни, Греки приписывали всѣ радости земному существованію и считали существованіе тѣней умершихъ въ подземномъ мірѣ лишь печальнымъ продолженіемъ земнаго бытія. Однако они вѣрили въ возмездіе за гробомъ и въ вѣчную жизнь, и дорожили связью между умершими и живыми. Вожатый мертвыхъ Гермесъ приводилъ умершихъ къ престолу судей подземнаго царства (Миносъ, Радамантъ, Эакъ) и, по приговору ихъ, умершій поступалъ или въ жилище праведныхъ (Элизій, Счастливые острова), или въ адъ (Тартаръ). Оставшіеся въ живыхъ приносили жертвы на могилахъ душамъ или тѣнямъ (манамъ) умершихъ; ибо какъ тѣни спускаются души въ подземное царство, «подобно облакамъ и бѣглымъ отблескамъ жизни»; но когда вкусятъ крови, въ нихъ пробуждаются, какъ послѣ долгаго сна, сознаніе и память о прежнемъ ихъ состояніи. Важнѣйшіе преступники (каковы Танталъ, Титій, Сизифъ) подвергались мучительнѣйшему продолженію тѣхъ самыхъ

пожеланій, которымъ чрезмѣрно предавались при жизни. Множествомъ Греческихъ племенъ, изъ коихъ каждое имѣло свои національныя божества, то родственныя съ божествами другихъ племенъ, то совершенно другія, объясняется многочисленность греческихъ божествъ и разнообразіе приданныхъ имъ свойствъ и названій. — Италійскія божества имѣютъ большое сходство съ греческими, частію потому, что духъ человѣческій легко приходитъ къ родственнымъ представленіямъ въ области сверхъестественнаго, частію потому, что въ первобытныя времена уже существовали разнообразныя сношенія между обѣими странами, частію потому, что позднѣе Римляне — съ свойственною язычеству терпимостію — присоединяли чужеземныхъ боговъ къ своимъ собственнымъ. Въ Италіи не только отдѣльныя племена, но даже роды и фамиліи имѣли свои божества. Вообще относительно политеизма можно принять за правило, что извѣстный образъ жизни народа служитъ самымъ существеннымъ источникомъ его религіи, а чрезъ религію и самыхъ его миѳовъ.

§ 10. Греческая ѳеогонія (система божествъ). Земля (Геа, Ге) произвела Небо (Уранъ) и пустынное, безплодное Море (Понтъ). Отъ нея и Урана родились, кромѣ кующихъ молнію циклоповъ и сторукихъ силъ природы (Гекатонхейры), каковы Бріарей и др., еще титаны. Они частію властвуютъ на землѣ и въ землѣ, какъ напримѣръ рѣчной богъ Океанъ съ его сыновьями и дочерьми, рѣками и источниками, частію принадлежатъ небу и атмосферѣ, какъ напримѣръ различныя божества свѣта — Гиперіонъ (первоначальный свѣтъ), Ѳейа (дневной свѣтъ), Геліосъ (солнце), Селене (луна), Эосъ (утренняя заря), вѣтры (Зефиръ, Борей, Нотъ, Эвръ), и ночное небо съ звѣздами (Лето и Астерія); частію же представляютъ судьбы и направленія человѣческаго духа, какъ напримѣръ Япетъ съ сыновьями, Атласъ, поддерживающій сводъ небесный, надменный Минотій, лукавый Промеѳей, похитившій у боговъ огонь для человѣка (котораго искру онъ спряталъ въ полость тростника) и за это, какъ первый виновникъ грѣха, прикованный Зевсомъ къ Кавказу, гдѣ коршунъ клюетъ его печень, и слабоумный Эпимеѳей, принявшій къ себѣ прекрасную дѣву Пандору съ ея страшнымъ сосудомъ, изъ котораго вышли на свѣтъ всѣ бѣдствія человѣка, такъ что надежда осталась для него единственнымъ спасительнымъ средствомъ на землѣ; частію представляютъ пріязненныя или враждебныя силы, господствующія въ человѣчествѣ, какъ Ѳемида, почтенная руководительница законнаго и нравственнаго порядка, Мнемозина (вос-

поминаніе), мать девяти Музъ, и таинственная, страшно-священная Геката, богиня ночи, страха и чародѣйства. Кронъ, послѣдній изъ Титановъ, отнимаетъ власть у отца своего Урана. Изъ капель крови, упавшихъ на землю, произошли Эриніи (Эвмениды, у Римлянъ Фуріи), страшные, властвующіе въ подземномъ царствѣ духи мщенія, змѣеволосные, съ факелами преслѣдующіе нарушителей закона, и гиганты, самая сильная порода великановъ. Изъ морской пѣны родилась богиня любви (Афродита, Анадіомена, у Римлянъ Венера), прежде присущая Урану, теперь особое божество. Въ соединеніи съ моремъ (Понтъ) Геа произвела во первыхъ Нерея, море съ его дружелюбною стороною, отъ которой ведетъ свое происхожденіе многочисленный родъ морскихъ нимфъ — Нереидъ; вовторыхъ присущія морю величественныя и страшныя явленія (Өаума, Форкисъ, Кето). Дѣти Өаумы суть: Ирида — радуга, на томъ основаніи, что свѣтъ питается водою, и Гарпіи, хищныя существа, вихри, смерчи, столь частые въ Греціи. Форкисъ и Кето представляютъ собою страшную и грозную сторону моря: они любятъ другъ друга и производятъ множество сказочныхъ существъ, Греевъ — трехъ сѣдовласыхъ прародительницъ съ однимъ общимъ зубомъ, Горгонъ (между прочимъ Медузу, змѣевласая голова которой превращаетъ все живое въ камень), Гесперидъ, мило поющихъ дочерей ночи, охраняющихъ въ безвѣстной странѣ запада золотые плоды, и др. Отъ сына Медузы происходятъ чудовища Церберъ, Гидра, Химера. Даже ночь производитъ изъ своей мрачной утробы всякаго рода таинственно-дѣйствующія и часто вредныя существа: Сонъ съ грезами, Смерть, Рокъ (Керъ), и въ особенности трехъ Мёръ (у Римлянъ Парки): Клото, начинающую прясть нить человѣческой жизни, Лахезу, продолжающую это дѣло, и Атропу, неотразимо перерѣзывающую нить. Впослѣдствіи Мёры считались дочерьми Зевса и Өемиды, какъ справедливыя властительницы судебъ человѣка.—Послѣ Урана властвовалъ Кронъ (у Римлянъ Сатурнъ), представитель первобытныхъ временъ, счастливаго золотаго вѣка, когда вѣчно поспѣвали новые плоды и не прерывалась жатва. Главными мѣстами поклоненія Крону были острова Эгейскаго моря и Критъ; миѳическое сказаніе о томъ, что онъ пожиралъ всѣхъ дѣтей своихъ отъ жены Реи (Цибела), повидимому указываетъ на сродство его культа съ поклоненіемъ сирійскихъ и финикійскихъ племенъ Молоху. Младшій изъ сыновей его, Зевсъ, спасенъ хитростію матери, при помощи безпокойныхъ Куретовъ и Корибантовъ, и тайно воспитанъ на островѣ Критѣ. Онъ отнялъ власть у отца, принудилъ его возвратить назадъ старшихъ дѣтей,

и послѣ страшной борьбы съ мятежными силами природы, основалъ царство Олимпійскихъ боговъ. Титаны и Гиганты, возставшіе противъ новаго порядка и пытавшіеся взять небо приступомъ, побѣждены, и всѣ, за исключеніемъ Θемиды, Океана и Гиперіона, низвергнуты въ тартаръ. Даже послѣднее созданіе Геи, Тифонъ, представитель всѣхъ ужасовъ жаркаго лѣта, вихрей и смерчей, бичь небу, страшнѣйшій врагъ небеснымъ богамъ, принужденъ покориться новому порядку. Тогда Крониды раздѣлили между собою власть надъ вселенною.

§ 11. Олимпійскіе боги. Въ царствѣ Олимпійскихъ боговъ властитель и царь — Зевсъ (у Римлянъ Юпитеръ). Онъ — главное божество Эллиновъ, поклоненіе которому распространилось изъ Додоны въ Эпирѣ, гдѣ находился древнѣйшій и самый уважаемый Зевсовъ оракулъ, въ Θессалію и оттуда по всей Греціи. По первоначальному существу своему, Зевсъ есть олицетвореніе природы, властитель неба и высшей атмосферы (эθиръ), движеніемъ которой онъ производитъ дни, годы и времена года, возбуждаетъ вѣтры и дожди, посылаетъ снѣгъ и лучи солнца. Оттого онъ отецъ Оръ, которыя вслѣдствіе такого происхожденія представляютъ теченіе года и перемѣну временъ года, и въ тоже время, какъ дочери Θемиды (Дика, Эвномія, Кирена), — стройное теченіе человѣческой жизни. Зевсъ — патріархъ и охраняетъ справедливость между людьми: онъ защитникъ домашнихъ и семейныхъ правъ, дружбы, гостепріимства, международныхъ и государственныхъ отношеній, онъ даетъ царей, внимаетъ клятвамъ и наказуетъ клятвопреступниковъ, онъ благословляетъ и умножаетъ собственность. Подчиняясь вѣчно властвующей судьбѣ и неизмѣннымъ законамъ природы, онъ тѣмъ не менѣе властелинъ и правитель міра, источникъ всякаго разоблачающаго будущее предсказанія. Супругою и сестрою Зевса (которую особенно чтили въ Аргосѣ и на островѣ Самосѣ) была «волоокая» Гера (у Римлянъ Юнона), женственное божество небеснаго пространства, атмосфера. Какъ покровительница брака, она строго наказуетъ всякое нарушеніе этого священнаго учрежденія и потому считается ревнивою и сварливою спутницей своего, замѣшаннаго во многія любовныя похожденія, мужа. Она преслѣдуетъ всѣхъ возлюбленныхъ Зевса, между прочимъ свою аргосскую жрицу Іо, превращенную Зевсомъ въ бѣлую корову, и сначала велитъ наблюдать за нею стоглазому, всевидящему, безсонному Аргусу, а потомъ, когда онъ усыпленъ и убитъ Гермесомъ, посланный Герою шершень гонитъ Іо по всѣмъ странамъ, пока наконецъ она находитъ успокоеніе въ Египтѣ. Глаза Аргуса Гера перенесла въ хвостъ павлина, посвященнаго ей точно такъ же, какъ

молніеносный орелъ посвященъ Зевсу. Миѳъ объ Іо имѣетъ связь съ воззрѣніями древнихъ на природу. Іо—рогатая луна. Мѣсяцъ, которымъ любуется богъ неба, принадлежитъ землѣ, и за это Гера наказываетъ его постояннымъ странствованіемъ; онъ уподобляется бѣлой коровѣ въ черную ночь. Іо превращена въ корову, потому что богиню мѣсяца считаютъ рогатою. Стоглазый Аргусъ — не что иное какъ усѣянное звѣздами небо, стерегущее мѣсяцъ. — У Геры двѣ дочери — дѣвственная Геба, подававшая нектаръ на Олимпѣ, пока мѣсто ея не занялъ красивый, похищенный съ земли орломъ Зевса, Ганимедъ, и Эйлейтія, покровительница женщинъ, страждущихъ родами. Богинею-покровительницею Аѳинъ, которые были обязаны ей масличнымъ деревомъ, была «совоокая» Паллада Аѳина (у Римлянъ Минерва), возникшая вооруженною изъ головы Зевса, когда онъ проглотилъ океаниду Метиду (духъ, разумъ). Въ честь ея были установлены въ Аѳинахъ четырехлѣтніе — большіе, и ежегодные — малые панаѳинеи, главный праздникъ аѳинскій. Будучи первоначально богинею свѣтлаго голубаго неба, великолѣпно сіяющаго въ Аттикѣ, она впослѣдствіи слилась со всею духовною и гражданскою жизнію Аѳинянъ. Она изобрѣтательница и покровительница всѣхъ искусствъ и духовныхъ занятій. Изобрѣтеніемъ плуга оживила она земледѣліе; она защитница городовъ и гражданскихъ учрежденій, и потому въ большей части греческихъ городовъ выставлено было изображеніе ея (палладіонъ), какъ городской богини; она изобрѣтательница военнаго искусства и военной науки, и оттого является прикрытая шлемомъ и щитомъ. На этомъ щитѣ (эгидѣ) изображена превращающая все живое въ камень голова Медузы, убитой героемъ солнца и свѣта Персеемъ. Она же — изобрѣтательница врачебнаго искусства, флейты, ткачества и другихъ плодовъ умственной дѣятельности. Къ этому миѳу примыкаетъ миѳъ о Гефестѣ (у Римлянъ Вулканъ), сброшенномъ съ неба на островъ Лемносъ и потому охромѣвшемъ сынѣ Зевса и Геры. Гефестъ—представитель земнаго, служащаго на пользу людямъ, огня. Онъ изобрѣтатель металлическихъ работъ, слѣдовательно двигатель образованности; гора Этна и другіе вулканы служатъ ему мастерскими. Помощниками его въ работахъ были великаны-циклопы, ковцы молніи. — Однимъ изъ важнѣйшихъ божествъ Греціи былъ Аполлонъ, принадлежавшій преимущественно дорійскимъ племенамъ и первоначально вышедшій изъ Темпейской долины въ Ѳессаліи (по другимъ изъ Ликіи, въ Малой Азіи). Позднѣйшее сказаніе называетъ его и Артемиду дѣтьми-близнецами Зевса и Латоны, родившимися на островѣ Делосѣ. Апол-

лонъ — лучезарный богъ свѣта (Фебъ), въ послѣдствіи сливающійся съ богомъ-солнцемъ (Геліосомъ) въ одно божество; онъ святое божество и борется противъ всего темнаго, нечистаго, грязнаго, мрачнаго, повсюду возстановляя порядокъ въ мірѣ физическомъ и нравственномъ: оттого наказуетъ онъ дерзость и преступленіе, и оказываетъ покровительство кающимся и молящимъ о защитѣ, очищаетъ запятнанныхъ убійствомъ и освобождаетъ ихъ отъ мщенія Эринній. Вооруженный стрѣлою и лукомъ, онъ убиваетъ дракона Пиѳона и овладѣваетъ важнымъ Дельфійскимъ оракуломъ, но принужденъ бѣжать съ Олимпа и въ наказаніе исполнять невольничьи работы у царя Адмета. Относительно человѣческой жизни Аполлонъ — отвратитель несчастій, защитникъ дорогъ и домовыхъ воротъ: какъ пеанъ, онъ божество поражающее и исцѣляющее, отецъ Асклепія (Эскулапа) — родоначальника медицины. Какъ богъ искусствъ, въ особенности музыки и поэзіи, онъ глава девяти Музъ (музагетъ): Кліо (исторія), Калліопы (Эпосъ), Мельпомены (трагедія), Таліи (комедія), Эрато, Евтерпы, Терпсихоры, Полигимніи (пѣніе, музыка, танцы) и Ураніи (астрономія), имѣвшихъ своемѣсто пребываніе на страшныхъ горахъ Геликонѣ и Парнасѣ. Сказаніе о томъ, что Аполлонъ по ошибкѣ убилъ дискосомъ (солнечнымъ кругомъ) своего любимца Гіацинта (Іакиноа), послужило поводомъ къ установленію въ Пелопоннесѣ печальнаго праздника Гіацинтій; тамъ же, на праздникѣ карнеяхъ[1], онъ считался копьеносныиъ богомъ войны. Сестра безбрачнаго Аполлона, дѣвственная Артемида (у Римлянъ Діана) — богиня луны и, подобно брату, божество музыки, дающее оракулы. Она охраняетъ дичину, какъ богиня охоты, и потому вооружена лукомъ. Въ Тавридѣ приносили ей варварскія человѣческія жертвы, въ которыхъ участвовали Атриды (Ифигенія и Орестъ), а въ знаменитомъ эфесскомъ храмѣ Діаны изображали ее въ видѣ матери-кормилицы съ многими грудями. Въ обоихъ представленіяхъ очевидна примѣсь восточныхъ понятій о естественной и половой богинѣ, требующей отъ своихъ поклонниковъ то безусловной преданности чувственнымъ удовольствіямъ, то полнаго воздержанія и вѣчнаго цѣломудрія. Когда Ніоба, предавшись материнской гордости, поставила себя выше Латоны, потому что имѣла больше дѣтей, всѣ дѣти ея (Ніобиды) были убиты: мальчики — Аполлономъ, дѣвочки — Артеми-

[1] Карнеи учреждены въ отвращеніе мора, ниспосланнаго Аполлономъ за убійство его любимца, вѣщаго Карна.

дой, а сама она превращена въ слезящій камень. До сихъ поръ на дальней горѣ Сипилѣ показываютъ будто бы окаменѣлый образъ Ніобы. — Посейдонъ (у Римлянъ Нептунъ) — первобытное божество Пелазговъ, которому сначала поклонялись въ Онхестѣ, въ Беотіи, и на (Коринскомъ) перешейкѣ, откуда поклоненіе ему перешло въ сосѣднія мѣстности, преимущественно въ Аттику и въ прибрежныя мѣста Пелопоннеса. Въ Аѳинахъ соперницей его была Паллада Аѳина: онъ даровалъ странѣ коня, какъ она даровала ей масличное дерево. Онъ повелитель моря, вооруженный трезубцемъ, и потому называется потрясающимъ землю, его жена — морская нимфа Амфитрита. Въ тоже время онъ творецъ лошади, укротитель коней и отецъ рожденнаго отъ Медузы крылатаго Пегаса, который, ударяя копытомъ въ землю, производитъ новые источники. — Аресъ (Марсъ) и Афродита (Венера) означаютъ борьбу и любовь. Имъ поклонялись преимущественно въ Ѳивахъ, гдѣ дочь ихъ Гармонія была богинею города и супругою финикійскаго основателя Ѳивъ, Кадма. Аресъ — дикій богъ войны и битвъ, которому въ Аѳинахъ былъ посвященъ особый холмъ (арейопагъ); Афродита богиня красоты и чувственной любви; поклоненіе ей, смѣшанное съ безнравственнымъ азіятскимъ поклоненіемъ Астартѣ или Ашерѣ, было особенно распространено на островахъ Кипрѣ и Цитерѣ и въ городѣ Книдѣ. Сказаніе о любимцѣ ея, красивомъ Адонисѣ, который погибъ на охотѣ отъ вепря и потомъ, въ слѣдствіе воплей Афродиты, получилъ позволеніе Зевса дѣлить жизнь свою между нею и подземною богинею Персефоной, чтобы каждая изъ нихъ могла обладать имъ поочередно шесть мѣсяцевъ, повидимому имѣетъ восточное происхожденіе и аллегорически выражаетъ годичное круговое теченіе природы, ея цвѣтеніе и увяданіе. Оттого въ Греціи и Римѣ, при лѣтнемъ поворотѣ солнца былъ праздникъ въ честь Адониса, и въ первый день этого праздника женщины сѣтовали о смерти его, а во второй съ необузданнымъ весельемъ праздновали его возвращеніе къ жизни. По позднѣйшимъ преданіямъ, сохранившимся у поэтовъ, сыномъ и спутникомъ Афродиты былъ маленькій богъ любви Эросъ (Амуръ, Купидонъ), а его возлюбленною — Психея (душа); къ свитѣ ея принадлежатъ милыя Хариты (Граціи) и Оры, божества временъ года. — Кромѣ названныхъ выше, къ олимпійскимъ богамъ, число которыхъ по позднѣйшимъ миѳамъ простиралось до двѣнадцати, присоединялись Деметра, Гермесъ и покровительница домашняго очага — Гестія (Веста). Такимъ образомъ на Олимпѣ было шесть божествъ мужескаго и шесть божествъ женскаго пола,

въ слѣдующемъ порядкѣ: Зевесъ—Гера; Посейдонъ—Аѳина; Аполлонъ — Артемида; Аресъ — Афродита; Гефестъ — Гестія; Гермесъ — Деметра.

§ 12. Боги подземнаго міра. Миѳы о Деметрѣ (Церерѣ), матери-землѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ знаменательныхъ и таинственныхъ. Деметра, чистая, высокопочтенная дочь Крона, представляетъ собою творческія силы природы, проявляющіяся въ обновленіи и увяданіи растительнаго царства, дающія хлѣбъ и оплодотворяющія землю; она создала земледѣліе, и въ этомъ смыслѣ мать Триптолема, передавшаго людямъ правила земледѣлія и основаннаго на земледѣліи богатства (плутосъ); она же принимаетъ души умершихъ и потому считается богинею умершихъ. Поклоненіе ей преимущественно господствовало въ Ѳессаліи, Аттикѣ (Элевзисъ) и Сициліи. Сицилія и Элевзисъ были священными мѣстами, откуда, по преданію, дочь ея Кора или Персефона (Прозерпина) была похищена Гадесомъ и унесена въ подземное царство, въ слѣдствіе чего исполненная грусти Деметра долго странствовала, чтобы отыскать ее; въ это время земля оставалась безплодною. Наконецъ получила она отъ Зевса обѣщаніе, что Персефона будетъ отыскана Гермесомъ, если она еще ничего не вкусила въ подземномъ царствѣ; оказалось, что она вкусила гранатное яблоко символъ плодородія), и Деметра должна была согласиться на то, чтобы дочь ея сдѣлалась женою Гадеса и проводила одну часть года въ подземномъ царствѣ, другую — на землѣ. Этотъ миѳъ указываетъ на хлѣбныя сѣмена, скрывающіяся въ землѣ въ зимніе мѣсяцы. Въ честь Деметры происходили многочисленные праздники во время посѣвовъ и жатвы, въ особенности тесмофоріи, большія и малыя элевзиніи и анѳестеріи въ Аттикѣ (срв. § 52). — Гадесъ (Аидъ, невидимый, Плутонъ), властитель подземнаго міра (Оркъ) и царства мертвыхъ, отдѣленнаго отъ живаго міра многими рѣками (Стиксъ, Ахеронъ, Коцитъ, предающая забвенію Лета и др). Поклоненіе Гадесу, сопряженное съ оракулами и жертвоприношеніями за умершихъ, господствовало въ Эпирѣ, на лакедемонскомъ мысу Тенаронѣ и въ Элидѣ. Онъ называется также подателемъ богатства (Плутонъ), потому что всѣ сокровища находятся въ нѣдрахъ земли. Подземный міръ, раздѣленный на Элизій (обиталище добрыхъ) и Тартаръ (обиталище осужденныхъ), охраняется трехголовою собакой Церберомъ. Харонъ перевозитъ въ своей лодкѣ тѣни умершихъ, удостоившихся погребенія, черезъ рѣку, а непогребенные осуждены бродить на берегу. — Гермесъ (у Римлянъ Меркурій) — древнее пелазгическое божество, тѣсно связанное съ

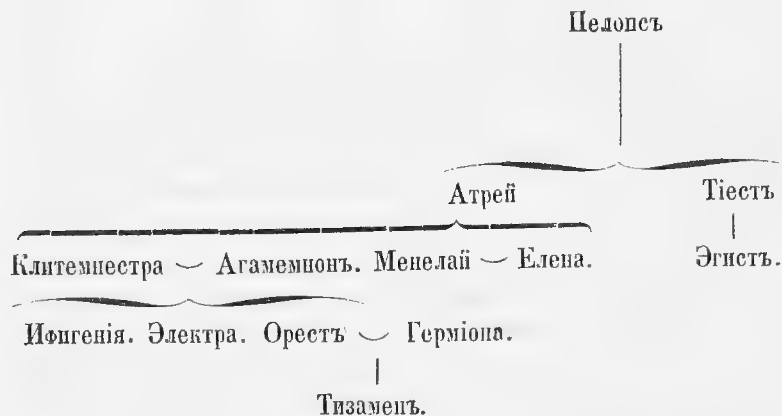
земледѣльческою и пастушескою жизнію. По первобытному пелазгическому обычаю, въ честь божества складывали на перекресткахъ кучки камней (гермеи), выброшенныхъ съ воздѣлываемаго поля. Впослѣдствіи онѣ были замѣнены четыреугольнымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай поклоняться божеству подъ формою этихъ камней. Гораздо позднѣе на камняхъ начали ставить изображеніе человѣческой головы. Въ слѣдствіе такого отношенія къ земледѣлію, Гермесъ — сынъ Зевса и матери-земли, прозванной Маіею. Оттого онъ имѣетъ сношенія съ Гадесомъ и Персефоною и, какъ Психопомпъ, доставляетъ души умершихъ къ подземному царству. Онъ вѣстникъ и посланникъ боговъ и потому носитъ на себѣ символъ неприкосновенности — жезлъ герольда (кадуцей), сдѣланный изъ священнаго дерева и обвитый шерстью, а у пятокъ крылья. Такое назначеніе требуетъ ума и смѣтливости, и Гермесъ считается богомъ хитрости, лукавства и всѣхъ тѣхъ занятій, при которыхъ могутъ быть полезны эти свойства: торговой оборотливости, воровства и т. д. Все приносящее выгоды, напримѣръ торговля, даже вѣроломство и обманъ, состоитъ подъ его покровительствомъ. Онъ изобрѣтатель пастушеской свирѣли (сиринксъ), лиры, предоставленной потомъ Аполлону, и буквъ; онъ же богъ языковъ, необходимыхъ въ сношеніяхъ между народами, и ихъ толкованія (герменевтики). Въ горахъ поклонялись ему, какъ благодѣтельному пастушескому богу. — Діонизъ (Вакхъ), родственный съ древнеиталійскимъ Либеромъ, — первобытное пелазгическое божество знаменательнаго, таинственнаго свойства, и потому сдѣлавшееся, вмѣстѣ съ Деметрою, главнымъ предметомъ поклоненія въ мистеріяхъ. Культъ его коренился въ Беотіи, гдѣ Ѳиванка Семела, поглощенная явившимся въ пламени Зевсомъ, считается его матерью. Діонизъ вырванъ Зевсомъ изъ пылающей утробы матери, доношенъ въ отцовскомъ бедрѣ и воспитанъ нимфами. Поклоненіе Діонизу распространилось въ нижней Италіи (Тарентѣ), на островахъ Эгейскаго моря (Лесбосѣ, Наксосѣ, гдѣ онъ вступаетъ въ бракъ съ Аріадной, кудрявою богинею тучной, роскошной почвы), въ Азіи и др. мѣстахъ: на это распространеніе указываетъ весьма употребительный въ искусствѣ миѳъ о походѣ его въ Индію, въ сопровожденіи нимфъ, сатировъ и пьянаго Силена. Впослѣдствіи считали его силою природы, подъ вліяніемъ которой созрѣваетъ виноградъ и ягода получаетъ опьяняющее свойство; въ болѣе общемъ смыслѣ, онъ — богъ зимы, олицетвореніе того, что ей предшествуетъ и что за нею слѣдуетъ, увяданія и оживле-

нія природы, или представитель вина, какъ одного изъ лучшихъ даровъ ея плодоносія. Поклоненіе Діонизу было поводомъ ко многимъ дикимъ и шумнымъ празднествамъ (вакханаліи); такъ въ Аттикѣ были установлены малыя (сельскія) и большія діонизіи; линеи; анөестеріи, около Дельфъ праздновались зимою тріетерики, на которыхъ собирались женщины и какъ изступленныя (менады, вакханки) бѣгали по Парнасу; множество весеннихъ и осеннихъ праздниковъ были учреждены большею частію въ честь его. Изъ сельскихъ обычаевъ и костюмовъ, употребительныхъ на праздникахъ при сборѣ винограда, возникли драматическія игры, трагедіи и комедіи. — Къ числу подземныхъ боговъ, символически выражающихъ производительныя силы природы, принадлежатъ также пелазгійскіе (или финикійскіе) Кабиры, которымъ поклонялись на островахъ Лемносѣ, Имбросѣ и Самоөракѣ. На Критѣ, Родосѣ и другихъ островахъ, Дактилы или Тельхины считались изобрѣтателями ремесленныхъ произведеній, преимущественно изъ металла, и чародѣями.

§ 13. Герои. Умершіе герои первобытныхъ временъ, родоначальники племенъ, основатели городовъ и колоній пользовались у Грековъ божескими почестями. Они составляютъ отдѣльный міръ, впрочемъ тѣсно связанный съ міромъ боговъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе. Каждое племя, каждая область, каждый городъ, даже каждый родъ имѣетъ своего героя, въ честь котораго учреждены праздники и жертвоприношенія. Самымъ распространеннымъ и богатымъ сказаніями героическимъ культомъ былъ культъ Атрида Геракла (Геркулеса). Онъ символъ высшаго человѣческаго героизма, который неутомимо побѣждаетъ преграды, повсюду противупоставляемыя ему испытующимъ рокомъ, побораетъ нечистыя силы и ужасы природы и, освободившись отъ человѣческихъ слабостей, уподобляется богамъ. Онъ представитель человѣчества, которое, съ помощію своего полу-божественнаго происхожденія, можетъ вознестись до Олимпа, при всей неблагосклонности къ нему враждебныхъ силъ. Первоначально явившійся въ Беотіи и Аргосѣ, миөъ о Гераклѣ впослѣдствіи былъ перемѣшанъ со множествомъ чужеземныхъ сказаній, потому что Греки сливали съ своимъ Геракломъ всѣ подобныя божества, съ которыми знакомились въ своихъ сношеніяхъ съ Финикійцами (Мелькартъ), Египтянами и кельто-германскими племенами. Онъ сынъ Зевса и Өивянки Алкмены и родоначальникъ царскихъ родовъ дорійскаго, өессалійскаго и македонскаго. Осужденный завистію Геры

служить аргивскому князю Эврисѳею, совершаетъ Геркулесъ, по его порученію, двѣнадцать подвиговъ: освобождаетъ Пелопоннесъ и другія области отъ чудовищъ и хищныхъ звѣрей, очищаетъ конюшни царя Авгія въ Элидѣ, добываетъ золотыя яблоки изъ садовъ Гесперидъ (въ сѣверной Африкѣ) съ помощію Атласа, за котораго нѣсколько времени держитъ на себѣ небесный сводъ, переходитъ черезъ такъ называемые Геркулевы столбы въ Испанію, тамъ уводитъ быковъ у царя Геріона, и потомъ возвращается черезъ Галлію, Италію и Сицилію. Изъ Азіи приноситъ онъ поясъ амазонской царицы Гипполиты, въ Египтѣ — убиваетъ жестокаго царя Бузириса, и выводитъ скованнаго Цербера изъ подземнаго царства. Но и онъ на время подпадаетъ слабости и исполняетъ у лидійской царицы Омфалы женскую службу; вскорѣ однако возвращается къ прежнему мужеству, предпринимаетъ еще нѣкоторые подвиги и наконецъ самъ лишаетъ себя жизни въ пламени на горѣ Этѣ, когда отравленная одежда, которую прислала ему не подозрѣвавшая бѣды жена его Деянира, привела героя къ неизбѣжной гибели. По смерти, онъ былъ вознесенъ на Олимпъ и женился на Гебѣ, богинѣ юности Во всѣхъ странахъ и на всѣхъ берегахъ, куда заносила Грековъ дѣятельная морская торговля, находили они слѣды своего національнаго героя, который предшествовалъ имъ, пролагая дорогу, котораго труды и опасности, побѣжденныя его героизмомъ и настойчивостію, были отраженіемъ ихъ собственной народной жизни. Фантазія Грековъ провела своего любимаго героя отъ крайняго запада, гдѣ Атласскій хребетъ, сады Гесперидъ и столбы Геркулесовы свидѣтельствовали объ его существованіи, до Египта и береговъ Чернаго моря. Солдаты Александра Великаго обрѣтали его даже въ Индіи. — Въ Пелопоннесѣ возникъ миѳъ о треклятомъ родѣ Лидійца или Фригійца Тантала, сынъ котораго Пелопсъ посредствомъ обмана и хитрости завладѣлъ дочерью и областью элидскаго царя Эномая. Сыновья его Атрей и Тіестъ позволяютъ себѣ кровосмѣшеніе, дѣтоубійство и передаютъ своимъ потомкамъ еще большую степень проклятія. Орестъ, сынъ Агамемнона, другъ Пилада, убійца своей матери Клитемнестры и ея любовника Эгиста, возвращеніемъ своей сестры Ифигеніи изъ Тавриды, гдѣ она были жрицею варварскаго поклоненія Артемидѣ, освобождается отъ Эриній и искупаетъ грѣхи всего танталова рода,

РОДЪ АТРИДОВЪ.

Въ Лакедемонѣ поклонялись героямъ Тиндаридамъ, близнецамъ Кастору и Полидевку (Поллуксу), братьямъ Елены, которые слились съ діоскурами, свѣтящими звѣздами, покровителями мореходцевъ и матросовъ: думали, что восхожденіе ихъ унимаетъ бурю. — Племеннымъ героемъ Өивъ былъ финикіянинъ Кадмъ, искавшій сестру свою Европу, похищенную Зевсомъ, и заведенный коровою въ Беотію. Отъ него происходилъ Лаіосъ, который, испугавшись одного изреченія оракула, велѣлъ бросить своего сына отъ Іокасты, Эдипа, въ горное ущелье. Но сынъ былъ спасенъ, воспитанъ въ Коринѳѣ, и впослѣдствіи убилъ отца, по незнанію; онъ же, разрѣшивъ одну загадку, освободилъ Өиванскую область отъ вреднаго чудовища Сфинкса, и въ награду за это получилъ въ супружество овдовѣвшую царицу, свою собственную мать. Потомъ, когда страну постигли тяжкія бѣдствія, и одинъ престарѣлый жрецъ обнаружилъ страшную тайну, Іокаста сама лишила себя жизни, а Эдипъ слѣпымъ старцемъ покинулъ отечество и кончилъ жизнь въ мѣстечкѣ Колонѣ, въ Аттикѣ; сыновья его Этеоклъ и Полиникъ, проклятые отцемъ, убили другъ друга; дочь его Антигона была обречена на смерть өиванскимъ властителемъ Креономъ за то, что вопреки уставу, предала погребенію трупъ своего брата.

Лаіосъ — мужъ }
| } Іокасты.
Эдипъ — мужъ }

Этеоклъ. Полиникъ. Антигона.
|
Лаодамъ.

Братья: пѣвецъ Амфіонъ, супругъ Ніобы, и храбрый, вооруженный дубиною Цетосъ, тоже принадлежатъ Ѳивамъ. Чтобы отомстить за свою мать, оскорбленную нимфою Диркой, привязали они послѣднюю къ хвосту быка и замучили ее до смерти (Фарнезскій Быкъ). Въ Беотіи и Аттикѣ утвердилось сказаніе о Тереѣ, первобытномъ царѣ богатыхъ миѳами Ѳракійцевъ, жившихъ вокругъ Копаисскаго озера, и его сестрѣ и своячинѣ Прокнѣ и Филомелѣ, которыя, по убіеніи Тереева сына, были превращены — одна въ ласточку, другая въ соловья. — Въ богатой конями Ѳессаліи коренится сказаніе о Кентаврахъ (истребителяхъ быковъ) съ лошадинымъ туловищемъ и ногами, состоявшихъ въ борьбѣ съ Лапиѳами, не разъ изображенной въ ваяніи. Справедливѣйшимъ изъ дикихъ Кентавровъ былъ травовѣдъ Хиронъ, наставникъ Асклепія и Ахилла. — Въ Аѳинахъ народнымъ героемъ былъ Тезей. Онъ считался основателемъ города, ибо соединилъ разсѣянныхъ жителей въ одну общину. Онъ былъ сынъ аѳинскаго царя Эгея, родился и воспитался въ Трезенѣ у Питоея; вынувъ мечъ и сандаліи отца изъ подъ огромной каменной глыбы и тѣмъ доказавъ свою необыкновенную силу, онъ на обратномъ пути на родину очищаетъ перешеекъ отъ дикихъ разбойниковъ (Прокруста и др.) и освобождаетъ Аѳинянъ отъ тяжкой дани изъ семи мальчиковъ и семи дѣвочекъ, которую они должны были посылать каждыя девять лѣтъ критскому Минотавру: Тезей убиваетъ это чудовище, имѣвшее бычачью голову на человѣческомъ туловищѣ, и съ помощію нити, данной ему царскою дочерью Аріадной, находитъ выходъ изъ Лабиринта. (Новѣйшія изслѣдованіи справедливо признаютъ въ миѳѣ о Минотаврѣ намекъ на поклоненіе Молоху, туземное на островѣ Критѣ и соединенное съ человѣческими жертвами). Эгей, полагая, что сынъ его погибъ, ибо при возвратѣ онъ забылъ замѣнить черный парусъ корабля бѣлымъ, въ отчаяніи бросился въ море, которое получило отъ него названіе Эгейскаго. Имя Тезея тѣсно связано съ поклоненіемъ Посейдону, въ честь котораго онъ установилъ истмійскія игры; Песейдонъ же даетъ трагическую

развязку любовной исторіи второй супруги Тезея (Федры) съ сыномъ его Ипполитомъ. Сказаніе о Тезеѣ имѣетъ много сродства съ сказаніемъ о Геркулесѣ; и тотъ и другой сходятъ въ подземное царство.

§ 14. Италійскія религіозныя системы. Древнѣйшіе обитатели Италіи были частію единоплеменны греческимъ Пелазгамъ, въ слѣдствіе чего такъ сходны ихъ религіозныя воззрѣнія и архитектурные памятники (сокровищницы и пр.), частью туземныя племена, Сабинцы и Оски, частію пришедшіе послѣ народы: на сѣверѣ Галлы, на югѣ и на востокѣ Эллины (см. подробнѣе § 136). Тирренскіе Пелазги составляли главную часть населенія Этруріи, которой религіозныя и жреческія тайны и учрежденія, произведенія искусства и гаданія, впослѣдствіи перешли къ Римлянамъ. Изъ древне-италійскихъ народовъ, имѣвшихъ самостоятельныя религія, особенно замѣчательны Сабинцы и Латины. I. Республиканско-федеративное государство Этрусковъ, состоящее изъ двѣнадцати городскихъ общинъ, управляемыхъ іерархическою аристократіей и имѣющихъ своимъ средоточіемъ Тарквиніи, приписываетъ свои религіозныя учрежденія происшедшему отъ земли демону или духу, Тагу. (Тагетинскія книги въ этрурскомъ стихотворномъ размѣрѣ, содержащія въ себѣ ученіе о молніи, правила для основанія городовъ и общія предсказанія, служили источникомъ для различныхъ этрурскихъ и римскихъ гадательныхъ книгъ). Этрурское богоученіе весьма сходно съ греческимъ. Тина соотвѣтствуетъ Зевсу, Купра (Квирита, Курита, копьеносная богиня) — соотвѣтствуетъ Герѣ даже во внѣшнихъ обрядахъ; Менрфа (Минерва) была, подобно Палладѣ Аѳинѣ, изобрѣтательницею флейты и военной трубы; многообразный Вертумнъ, родственное съ Діонизомъ, важное божество Этрусковъ, представляетъ собою перемѣну временъ года (въ честь его былъ установленъ праздникъ Вертумналіи въ октябрѣ мѣсяцѣ), обиліе и разнообразіе годичныхъ явленій природы. За тѣмъ, важнѣйшими божествами Этрусковъ были слѣдующія: Богиня судьбы Норція Вольсинійская, соотвѣтствующая Фортунѣ Анційской, впослѣдствіи считалась богинею времени; церейская Мать Матута, мать юнаго Дня, была богинею родовъ; Сумманъ, молніеносный властелинъ ночнаго неба, имѣвшій храмъ въ Большомъ Циркѣ, въ Римѣ; Вольтумна, богиня союзнаго храма двѣнадцати городовъ въ Вольсиніяхъ; Сильванъ, лѣсной богъ, которому поклонялись въ славныхъ лѣсахъ церейскихъ, и мн. др. Впослѣдствіи у Этрусковъ утвердилось и поклоненіе Бахусу, соединенное съ разгульными празднествами (вакханаліи и оргіи). Этрурскія божества распадаются на два разряда:

на двѣнадцать высшихъ или сокровенныхъ, безъименныхъ божествъ — темныхъ, тайно дѣйствующихъ силъ, участвующихъ лишь въ важнѣйшихъ явленіяхъ природы, и на двѣнадцать низшихъ божествъ (консентовъ), властителей видимаго міроустройства, соотвѣтствующихъ двѣнадцати мѣсяцамъ. Этрускамъ принадлежатъ также Пенаты — домашнія божества, дающія благословеніе, пищу, споспѣшники въ дѣлахъ и множители имущества; Лары — защитники и предстатели извѣстныхъ округовъ и мѣстностей, большею частію души умершихъ, и вѣра въ генія, присвоеннаго каждому человѣку при самомъ рожденіи. Отъ Этрусковъ эти божества перешли къ другимъ народамъ Италіи. Понятіе о подземномъ царствѣ, гдѣ находятся души отшедшихъ (маны), и гдѣ управляютъ Мантъ и Манія, совершенно совпадаетъ съ греческими понятіями; подземный міръ есть или источникъ благословенія, или обитель ужаса, мѣстопребываніе Фурій. Этруски нерѣдко приносили людей въ жертву, именно невольниковъ и военноплѣнныхъ: ихъ религія, равно далекая отъ свѣтлаго римскаго раціонализма и греческаго антропоморфизма, отличалась мрачнымъ, фантастическимъ характеромъ и удовлетворялась таинственною игрою въ числа, грубыми, жестокими представленіями и пріемами. Этрускамъ, суевѣрнымъ поклонникамъ религіозныхъ тайнъ и чудесныхъ обрядовъ, обязана своимъ происхожденіемъ цѣлая система гаданій, впослѣдствіи перешедшая къ Римлянамъ. Гаданія назывались или авгуріями, или фульгуріями, или авспиціями, и имѣли огромное значеніе, ибо въ Римѣ и во всей Италіи ни одно важное предпріятіе не начиналось безъ вопрошенія боговъ и безъ наблюденія знаменій. Авгуріи бывали тогда, когда опредѣлялось будущее по полету или крику извѣстныхъ птицъ, для чего предвѣщатель (авгуръ) избиралъ открытое мѣсто наблюденія (templum) и жезломъ (lituus) указывалъ направленіе, въ которомъ полетъ птицъ былъ благопріятенъ или неблагопріятенъ для задуманнаго дѣла, или когда узнавали будущее по ѣдѣ священныхъ куръ. Это искусство обязаны были знать не только жрецы, но и всѣ патриціи, желавшіе достигнуть почетныхъ должностей. — Фульгураторы наблюдали молнію, частію для того, чтобы умилостивлять ее, частію для того, чтобы вопрошать ее о будущемъ или о рѣшеніи боговъ; мѣста, въ которыя ударяла молнія, считались священными и огораживались. Гаданія по внутренностямъ (сердцу, печени и т. п.) жертвенныхъ животныхъ исполнялись гаруспексами. — II. Изъ религіозныхъ понятій Латинянъ нѣкоторыя совпадаютъ съ греческими; другія принадлежатъ имъ однимъ.

Къ божествамъ перваго рода относятся: Теллусъ (земля), Сатурнъ (богъ посѣва) и супруга его Опсъ (первоначально богиня земли, потомъ обиліе, богатство), сходные съ Кроноомъ и Реею и означающіе первоначальное, на земледѣліи основанное счастіе; украшенный многочисленными свойствами и прозваніями Юпитеръ (Jupiter feretrius; Diespater; Dijovis и пр.) съ своею супругой Юноной, божества дневнаго свѣта, содѣйствующія рожденію на свѣтъ людей въ надлежащую пору (Juno Lucina). Къ божествамъ втораго рода относятся двулицый Янусъ, богъ круга временъ, богъ всякаго начинанія и входа, оттого богъ порога и двери, храмъ котораго въ Римѣ былъ открытъ во все время, пока городъ велъ какую нибудь войну. Подлѣ Януса (Діануса), первоначально бога-солнца, стоитъ общая всѣмъ Латинянамъ Діана, богиня луны. Фавнъ и Фавна были вѣщіе лѣсные боги; съ ними въ родствѣ былъ богъ Луперкусъ, которому былъ посвященъ древнѣйшій храмъ у подошвы Палатинскаго холма въ Римѣ и въ честь котораго установленъ былъ знаменитый праздникъ — Луперкаліи; Пикусъ и Пилумнусъ, древне-римскія и латинскія божества, состоявшія въ связи съ земледѣльческими и полевыми плодами (вѣщунъ Пикусъ — дятелъ, считался, какъ укротитель коней, охотникъ и воинъ, равнозначущимъ съ сабинскимъ Марсомъ). Первобытнымъ латинскимъ божествомъ, которое почиталось и Сабинянами и пользовалось преимущественнымъ обожаніемъ въ Римѣ, до конца 4-го вѣка, была Веста (Гестіа), богиня домашняго очага и осѣдлости, идеальное олицетвореніе дома и прочнаго хозяйства, которые устроиваетъ себѣ земледѣлецъ, вмѣсто легкаго шалаша и кочеваго огнища пастушеской жизни. Въ богатомъ храмѣ ея, на Римскомъ форумѣ, вѣчный огонь поддерживался дѣвственными жрицами (весталками), пользовавшимися большимъ уваженіемъ и многими преимуществами. Онѣ были какъ бы дочерьми римскаго народа, вѣчно хранившими священный огонь общаго очага, въ примѣръ и поученіе гражданамъ. Большимъ почетомъ пользовалась также Фортуна, богиня судьбы въ Пренестѣ и Анціумѣ, дававшая свои оракулы по жребіямъ. Ферентина была богиней латинскаго союза, подобно перешедшей отъ Сабинянъ Фероніи, въ рощѣ которой происходили союзныя собранія. Такъ какъ Латиняне были народъ земледѣльческій, то у нихъ было множество аграрныхъ (полевыхъ) божествъ, состоявшихъ въ связи съ посѣвомъ, плодородіемъ, жатвой, спольемъ. — III. Сабинцы. Племеннымъ богомъ Сабинцевъ былъ предсказывающій будущее Санкъ (небо), отецъ Саба. Богиня Са-

бинскаго союза Феронія была богинею земли, которой приносили въ даръ цвѣты и первинку жатвы. Въ честь ея и подземнаго бога Діеспатера былъ установленъ главный праздникъ на горѣ Соракте. Будучи воинственнымъ народомъ, Сабинцы преимущественно почитали двухъ боговъ войны: Марса и родственнаго ему Квирина. Древне-италійскій Марсъ гораздо тѣснѣе связанъ съ государствомъ и всею жизнію народа чѣмъ греческій богъ военной тревоги. Спачала его чествовали въ образѣ оборонительнаго и наступательнаго оружія, щита и копья, какъ видно изъ римскаго сказанія о щитѣ, упавшемъ съ неба, которому покланялись какъ государственному полладіуму и къ которому присоединили впослѣдствіи еще одиннадцать щитовъ (такъ называемыхъ анцилій). Къ Марсову культу примыкаетъ у Сабинцевъ Священная Весна (ver sacrum), важный для колонизаціи обычай, по которому всѣ люди и животныя, родившіеся въ извѣстномъ году, посвящались богамъ: черезъ двадцать лѣтъ люди выселялись и основывали новыя колоніи, а животныя тотчасъ приносились въ жертву. Такимъ образомъ произошли Пицены, которыхъ вела священная птица божества — пикусъ (дятелъ), и Гирпинцы, послѣдовавшіе за другимъ, тоже посвященнымъ Марсу животнымъ, — за волкомъ. Квиринъ былъ древнѣйшимъ сабинскимъ божествомъ копья и войны, которое перешло въ Римъ и тамъ слилось съ понятіемъ о Ромулѣ, основателѣ города. Соль (Солнце) и Люна (мѣсяцъ) также были древними Сабинскими божествами. — Такъ какъ населеніе Рима состояло изъ Латинянъ, Сабинцевъ и Этрусковъ, то туда же перешли всѣ принадлежавшія этимъ народамъ божества и религіозныя учрежденія. Во главѣ этихъ учрежденій стояли главные жрецы (pontifices), какъ блюстители государственной религіи, и первосвященникъ (pontifex maximus), какъ высшая духовная власть. Главные жрецы были «строителями мостовъ», разумѣвшими тайну мѣръ и чиселъ, въ слѣдствіе чего на нихъ лежала также обязанность вести государственный календарь, возвѣщать народу полнолуніе и новолуніе и заботиться о томъ, чтобы каждое богослуженіе и судебное дѣйствіе происходило въ надлежащій день. Въ средѣ этого общества главныхъ жрецовъ возникли начатки исторіи и права. Священные обряды совершались жрецами (flamines); каждое изъ важнѣйшихъ божествъ и святилищъ имѣло одного или многихъ жрецовъ, изъ которыхъ однако наибольшимъ уваженіемъ пользовался жившій на Палатинскомъ холмѣ жрецъ Юпитера (flamen Dialis). Во главѣ религіозныхъ учрежденій въ честь Марса стояла жреческая община двѣнадцати Саліевъ («Пля-

суновъ»), исполнявшихъ въ мартѣ военную пляску съ припѣвомъ; двѣнадцать арвалійскихъ (полевыхъ) братьевъ служили Янусу, Юпитеру и Юнонѣ, «производящей богинѣ», которую призывали въ маѣ, прося обильной жатвы. Въ позднѣйшее время, когда въ Римъ проникла философія, образовалось множество божествъ, въ основаніи которыхъ лежало пантеистическое воззрѣніе, такъ что эти божества служили только аллегорическимъ выраженіемъ извѣстныхъ понятій, какъ напримѣръ Викторія (побѣда), Конкордія (согласіе), Рома (сила), Фидесъ (вѣрность), Квіесъ (покой), Феб-рисъ (лихорадка), Мефитисъ (вредныя испаренія) и мн. др. Позднѣйшія сношенія съ Греками еще увеличили число римскихъ боговъ; поклоненіе вѣщимъ Сибилламъ, въ особенности кумской, и ихъ изреченія — Сибиллинскія книги, повидимому, тоже заимствованы изъ Греціи. — Италійскіе народы, въ особенности Латиняне и Сабинцы, сначала неимѣли склонности къ богамъ въ образѣ человѣческомъ; божества ихъ были олицетвореніемъ понятій безъ ясныхъ и постоянныхъ образовъ и миѳологіи, и вотъ почему они такъ часто перемѣшивались. Только вліяніе греческой пластики и миѳической поэзіи внесло въ религію италійскихъ народовъ болѣе рѣзкія разграниченія и болѣе реальный культъ. Какъ Грекамъ все представлялось конкретно и тѣлесно, такъ Римлянину были доступны лишь отвлеченныя, совершенно прозрачныя формулы, и именно потому не могъ онъ начинать съ запаса древнихъ сказаній, смыслъ которыхъ былъ утраченъ имъ. Въ греческой миѳологіи преобладали лице и свобода, въ римской — понятіе и необходимость. «Во всей природѣ, говоритъ Момсенъ, обожалъ Италіецъ духовное и общее; каждому явленію, — какъ человѣку, такъ и дереву, какъ государству, такъ и домашней кладовой (penus — кладовая, penates — домашнія божества) — приданъ съ ними возникающій и съ ними преходящій духъ, духовный снимокъ съ физическаго подлинника. Собственно говоря, созданіе миѳовъ чуждо Италійцу. Божества его суть понятія, вообще не достигающія надлежащей личной законченности, а тѣмъ менѣе въ свѣжее первобытное время, и не образующія жизнеописаній съ приключеніями любви и съ борьбою; люди, даже самые великіе и славные, оставались въ его глазахъ смертными; сочувственное воспоминаніе и полная любви разработка преданія не возвысили ихъ, какъ въ Греціи, на степень богоподобныхъ героевъ».

§ 15. Религіозныя вѣрованія Кельтовъ и Германцевъ. Древніе Германцы, сначала раздѣлявшіе безформенное мировое про-

странство на царство мрака (Нифльгеймъ) и царство огня (Муспельгеймъ), прежде всего поклонялись звѣздамъ, познаніе которыхъ они вѣроятно вынесли при переселеніи на западъ изъ своего восточнаго отечества, землѣ (Герта, Нертъ), и сверхъ того огню и другимъ стихіямъ, пока личныя божества, особенно Воданъ (Одинъ), первообразъ дѣятельной и борящейся богатырской силы и отецъ вселенной, не сдѣлались предметомъ поклоненія ихъ въ мрачныхъ лѣсахъ Германіи. Супруга Одина Фригга была покровительницею браковъ (отсюда нѣмецкое слово Freitag, пятница, образовавшееся изъ Friatag-Friggatag); сыновьями его были Торръ (Donner, громъ, отсюда Donnerstag, четвергъ) и Тіу или Ціу (Тиръ), богъ войны (отсюда слово Dienstag, вторникъ), двѣнадцать Азовъ, творящихъ и зиждущихъ божествъ, помогаютъ ему въ управленіи міромъ; къ нимъ причисляется Локи, представитель злаго начала въ сѣверной миѳологіи. Другіе сыновья Водана: Бальдеръ, чистый, безгрѣшный богъ свѣта, о смерти котораго сокрушается вся одушевленная и неодушевленная природа, Браги, богъ поэзіи, съ супругой Идунной, богиней безсмертія, только полу-боги. Германцы высоко чтили еще богиню любви и плодородія Фрейю (Фрова, отсюда нѣмецкое слово Frua, Frau, женщина; сначала она была тождественна съ Фриггою, хотя онѣ и различаются въ миѳологіи; богомъ, соотвѣтствующимъ этой богинѣ, былъ Фро, откуда слово Fron). Три страшно возвышенныя дѣвы, по имени Норны, суть мощныя силы, властвующія надъ богами и пріуготовляющія судьбу человѣка.—Какъ у Грековъ Титаны и Гиганты, такъ у германскихъ и скандинавскихъ народовъ представителями внѣшнихъ естественныхъ силъ являются великаны, между тѣмъ какъ пребывающіе въ нѣдрахъ земли карлики, съ которыми въ родствѣ Эльфы (духи, обитающіе частію въ небесныхъ пространствахъ, частію подъ землею), означаютъ внутреннія силы природы. Герои, павшіе въ бою и взятые съ поля битвы дѣвами войны (Валькиріи), вооруженными копьемъ, щитомъ и шлемомъ, блаженствуютъ въ Вальгаллѣ, тогда какъ безкровно умершіе поступаютъ въ печальное царство гнѣвной Гелы (отсюда Hölle, адъ). Германцы приносили въ жертву людей, обыкновенно употребляя для этой цѣли преступниковъ, военноплѣнныхъ и рабовъ. Тоже самое было въ обычаѣ у кельтическихъ народовъ, заселившихъ западъ Европы (Пиринейскій полуостровъ, Галлію, Британнію), у которыхъ хранителями религіозныхъ тайнъ и всякой мудрости было жреческое сословіе — друиды, пользовавшіеся сильнымъ вліяніемъ, богатствомъ, многими правами и преимуществами, и отличавшіеся отъ народа одеж-

дою и особенными знаками своего достоинства. Колдуны и гадатели играли важную роль у германскихъ и кельтическихъ народовъ. Женственныя божества, Феи, соотвѣтствующія греческимъ Нимфамъ и Паркамъ, пряли нить человѣческой жизни и судьбы: онѣ принадлежатъ романскимъ народамъ (изъ латинскаго fatum, судьба, образовалось итальянское слово fata, французское fée, какъ изъ nata—neé).

Друиды, раздѣлявшіеся на нѣсколько разрядовъ по степени своей важности, получавшіе по преданію и хранившіе тайны высокой мудрости, какъ исключительное достояніе своего сословія, были жрецами, судьями и предсказывали будущее. Вліяніе ихъ, какъ единственныхъ людей, которые обладаютъ познаніемъ таинъ религіи, сокрытыхъ въ многочисленныхъ обрядахъ и правилахъ, познаніемъ національныхъ законовъ, божескаго и человѣческаго права, лѣтосчисленія и цѣлебныхъ средствъ (гдѣ важную роль играла дубовая омела), было чрезвычайно сильно, такъ что они составляли страшную іерархію, господствовавшую неограниченно и превратившую кельтическія государства въ жреческія. Сословіе друидовъ состояло подъ властію собственнаго начальника, избираемаго самими жрецами, имѣло свои школы, продолжавшія религіозное преданіе отцевъ, свои привилегіи, именно свободу отъ податей и военной службы, свои ежегодные съѣзды, происходившіе близь Шартра, «въ средоточіи кельтической земли», и общину вѣрующихъ, исполненную слѣпаго повиновенія и гнетущей набожности. Понятно, что такое жреческое сословіе пыталось проникнуть и отчасти проникло въ свѣтское управленіе: оно присвоило себѣ право отрѣшать отдѣльныя лица и цѣлыя общины отъ религіознаго, а слѣдовательно и гражданскаго единенія; умѣло захватить въ свои руки важнѣйшія гражданскія дѣла, именно тяжбы о межахъ и наслѣдствѣ, расширило кругъ своей судебной дѣятельности и даже рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ. У кельтическихъ народовъ было также сословіе жрицъ, друидянокъ, будто бы обладавшихъ искусствомъ предсказывать будущее и волшебными чарами. Главною родиной друидизма считалась Британнія. Громадные ряды камней въ Стонгенджѣ (въ Англіи), пирамидальные столбы въ Киберонѣ (во Франціи) считаются памятниками друидовъ, а находимыя иногда плиты, лежащія поперегъ на подставкахъ, — ихъ алтарями. Они поклонялись богамъ въ священныхъ рощахъ, съ жертвоприношеніями и таинственными обрядами, слѣды которыхъ доселѣ встрѣчаются въ народѣ. Друидизмъ училъ переселенію душъ, ограниченному троекратною перемѣною тѣла, посмертному возмездію и существованію душъ за гробомъ. Какъ въ земной жизни душѣ предстоитъ пространствовать три

круга бытія, такъ и за гробомъ поступаетъ она сначала въ кругъ муки, потомъ совершаетъ кругъ очищенія и наконецъ переходитъ въ область вѣчнаго, ничѣмъ несмущаемаго, блаженства. Друидизмъ, хотя и былъ естественною религіей, основанною на поклоненіи природѣ, однако отличался отъ восточныхъ религій тѣмъ, что божества его имѣли болѣе личный характеръ. Повсюду у друидовъ стоятъ на первомъ мѣстѣ два главныя божества: съ одной стороны — творящій и благодѣтельный богъ, создатель міра, основатель земледѣлія и гражданскаго порядка, носившій на Британскихъ островахъ названіе Гу (ему были посвящены быки); съ другой — производящая, дарующая растительность и хлѣбъ богиня земли, подобная греческой Деметрѣ, Церидвена; остальныя божества частію тѣже самыя подъ другими формами и названіями, частію принадлежащіе къ нимъ служебные духи.

§§ 15 б. Заключеніе и общіе выводы. Во всѣхъ изложенныхъ выше религіозныхъ ученіяхъ обнаруживается стремленіе постигнуть божество, присутствіе котораго ощущалъ человѣкъ и въ природѣ, и въ самомъ себѣ, и болѣе или менѣе приблизиться къ нему развитіемъ божественной стороны души человѣческой. Между тѣмъ какъ симитскіе народы, именно Вавилоняне, стремились къ этой цѣли путемъ изслѣдованія внѣшней природы, наблюденія надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и вліяніемъ ихъ на жизнь земли и человѣка, Индійцы погрузились въ тайны мірозданія, старались опредѣлить отношенія человѣческой души къ душѣ міра, мірозданія къ божеству и посредствомъ мечтательнаго созерцанія развить зародышъ духовнаго начала, таящагося внутри человѣка, и возвратить его снова къ первоначальному источнику всякаго бытія; Египтяне соединяли въ себѣ оба направленія, выработали изъ нихъ религіозное ученіе, соотвѣтственное естественнымъ особенностямъ края и народному характеру, и сверхъ того поклонялись вѣчной неизмѣнности законовъ божества въ постоянныхъ естественныхъ свойствахъ животныхъ, а Греки наполнили вселенную божественнымъ духомъ и облагородили человѣка, давъ божествамъ человѣческій образъ и возвысивъ организмъ человѣка до идеальной красоты. Въ основаніи этихъ главнѣйшихъ религіозныхъ направленій языческаго міра лежало пантеистическое воззрѣніе, — мысль, что матерія и все сотворенное проникается, оживляется и одухо-

творяется божествомъ. Пантеизмъ есть общее отличительное свойство всѣхъ языческихъ религій. Это не значитъ, чтобы надо было непремѣнно допустить переходъ религіознаго ученія отъ одного изъ названныхъ народовъ къ другому; нѣкоторыя понятія и формы конечно могли быть заимствованы ими другъ у друга; общеніе между народами и поэзія мѣстами могли сплотить чужое и свое въ одно цѣлое, въ одинъ миѳъ; но цѣльныя религіозныя системы, каждая съ своимъ миѳическимъ міромъ и своими обрядами, возникали первоначально въ собственномъ духѣ этихъ народовъ путемъ свободнаго мышленія: онѣ—плоды собственной пытливости и дѣятельности каждаго народа, отблескъ собственной его духовной жизни. Сходство между религіозными вѣрованіями различныхъ народовъ языческаго міра происходитъ отъ единства человѣческой природы и отъ неспособности человѣческаго духа — постигать безъ откровенія свыше духовный первоначальный источникъ проявленій божества, и въ разнообразіи познавать единство. Всякое религіозное воззрѣніе, не основанное на теизмѣ (ученіе о единомъ Богѣ и Его откровеніи), необходимо приводитъ къ пантеизму; ибо божественныя силы, разсматриваемыя порознь, безчисленны; онѣ достигаютъ единства лишь въ понятіи о единой первоначальной творческой силѣ, которая существовала отъ вѣка, существуетъ и будетъ вѣчно существовать, и изъ которой исходитъ всякая жизнь и всякая сила. Близкій къ природѣ человѣкъ, въ своемъ стремленіи постигнуть божество, не могъ возвыситься до представленія о единомъ личномъ Богѣ, создавшемъ небо и землю, управляющемъ вселенною по вѣчнымъ законамъ и опредѣляющемъ судьбы народовъ и людей по неисповѣдимымъ Своимъ начертаніямъ. Только одному небольшому народу, Евреямъ, окруженному язычниками, дано было создать изъ себя и развить такія вѣрованія. У нихъ поклоненіе живому Іеговѣ побѣдило языческія заблужденія, какъ часто ни силились послѣднія утвердиться между ними съ своими чувственными и любострастными формами, и въ сознаніи такого превосходства «избраннаго народа» надъ всѣмъ язычествомъ восклицаетъ Соломонъ въ «Книгѣ премудрости»:

«Суетни убо вси человѣцы естественнѣ, въ нихже обрѣ-

тается невѣдѣніе о Богѣ, и отъ видимыхъ благъ не возмогоша уразумѣти Сущаго, ни дѣломъ внемлюще познаша хитреца; но или огнь, или духъ, или скоръ воздухъ, или кругъ звѣздный, или зѣлную воду, или свѣтила небесныя, строители міру боги (быти) возмнѣша. Ихже аще убо красотою услаждающеся, сія боги возмнѣша, да увидятъ, колико сихъ Владыка есть лучшій: красоты бо родоначальникъ созда я. Аще же силѣ и дѣйствію удивившася, да уразумѣютъ отъ нихъ, колико сотворивый сія сильнѣйшій есть: отъ величества бо красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается»[1].

5. Понятіе, источники и раздѣленіе исторіи.

§ 16. Исторія повѣствуетъ о возникновеніи, ростѣ и паденіи государствъ, о происхожденіи, развитіи и упадкѣ народовъ. Ибо все на землѣ подвержено вѣчному измѣненію, и судьбы народовъ сходны въ судьбами отдѣльныхъ лицъ. Каждый народъ переживаетъ радостную пору юности, когда развиваются всѣ его силы; каждый имѣетъ свою пору зрѣлости, когда внѣшнее величіе соединяется съ цвѣтущимъ внутреннимъ состояніемъ, и свою старость, когда слабѣютъ силы, и народъ принужденъ покориться или уступить мѣсто другому, болѣе сильному народу. Въ первомъ періодѣ исторіи народа, главнымъ предметомъ историческаго изложенія служатъ военные подвиги; во второмъ — государственныя учрежденія, судъ и литература; въ третьемъ — борьба партій и запутанныя (сложныя) условія утонченной, перезрѣвшей образованности. При этомъ исторія народа обнаруживаетъ ту истину, что любовь къ отечеству (патріотизмъ), гражданская доблесть и простота нравовъ сообщаютъ величіе царствамъ и народамъ, а себялюбіе (эгоизмъ) и проистекающія изъ него разъединеніе, сладострастіе и изнѣженность ведутъ ихъ къ неизбѣжной гибели.

§ 17. Такъ какъ царства и народы существовали прежде появленія письменности, и люди вели войны и устроивали свои гражданскія отношенія прежде, чѣмъ стали записывать свои

[1] Книга премудрости Соломона, глава 13, ст. 1—5.

дѣянія, то мы имѣемъ весьма скудныя, почерпнутыя изъ сомнительныхъ источниковъ извѣстія о древнѣйшей исторіи міра. Источниками этихъ извѣстій служатъ то поэтическіе вымыслы и народныя пѣсни, то изустное преданіе (традиція), переходившее изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу, но принимавшее въ себя чуждыя и сказочныя дополненія, то историческіе памятники, напримѣръ межевые знаки, могильныя насыпи, монументы, развалины древнѣйшихъ строеній, надписи, монеты, сосуды, оружіе и т. п. Оттого древнѣйшая исторія, перемѣшанная съ сказаніями, миѳами и вымыслами, имѣетъ сказочный (миѳическій) характеръ, и гораздо важнѣе для эпической поэзіи, которая съ особенною любовью заимствуется матеріаломъ изъ героическаго періода, чѣмъ для исторіографіи. Послѣдняя тогда только получаетъ характеръ достовѣрности, когда нѣсколько писателей, современныхъ другъ другу или раздѣленныхъ между собою не слишкомъ большими промежутками пространства и времени, сообщаютъ намъ, что они видѣли, изучили или слышали. По мѣрѣ того, какъ возвышается уровень образованности, познаніе историческихъ событій выигрываетъ въ ясности и истинѣ, такъ что избытокъ письменныхъ источниковъ наконецъ приготовляетъ изслѣдователю новыя затрудненія совершенно иного рода.

Историки часто пользовались первобытными національно-эпическими вымыслами и народными пѣснями, какъ источниками для древнѣйшей исторіи; такъ пользовался ими Ливій въ своей Римской исторіи, Павелъ Діаконъ и Іорнандъ въ исторіи Лангобардовъ и Готовъ, Саксонъ Грамматикъ въ Датской исторіи; но въ этомъ источникѣ древнѣйшей исторіи вымыселъ такъ перемѣшанъ съ историческою истиной, что невозможно отдѣлить ихъ; напротивъ, попытки историческаго толкованія этихъ вымысловъ и пѣсней часто ведутъ къ уклоненію отъ исторической истины, ибо въ такомъ толкованіи воображеніе и заранѣе составленное мнѣніе нерѣдко получаютъ слишкомъ много вліянія. Тоже можно замѣтить о миѳологическихъ сказаніяхъ, какъ источникѣ историческомъ, историческіе результаты, добытые изъ нихъ чрезъ символическое ихъ толкованіе, въ высшей степени шатки. Гораздо важнѣе для исторіи монеты и надписи, особенно для частной спеціальной исторіи извѣстныхъ мѣстностей, городовъ, островов и т. д. Сюда же относятся надгробные памятники съ находимыми въ нихъ саркофагами,

утварью, оружіемъ, урнами и т. п. Для исторіи Кельтовъ и Германцевъ особенно важны въ этомъ отношеніи великанскія могилы (Hünengräber), находимыя въ сѣверной Германіи, Нидерландахъ, Англіи, Шотландіи, Франціи и другихъ мѣстахъ. Эти могилы частію расположены цѣлыми рядами и въ большомъ числѣ, частію устроены одиночно на высотахъ, въ лѣсахъ и уединенныхъ мѣстностяхъ, и состоятъ то изъ высокихъ, то изъ незначительныхъ кургановъ, имѣющихъ округлую форму, и часто заключаютъ въ себѣ остатки сожженныхъ труповъ или несожженныхъ оставовъ, урны и другіе сосуды, оружіе и различную домашнюю или общественную утварь изъ камня, рога и металла.

§ 18. До изобрѣтенія книжной печати (1440 г.), историческія свидѣтельства только записывались, подобно всѣмъ произведеніямъ литературы, и, какъ рукописи (манускрипты), сохранялись въ библіотекахъ. Онѣ писались на пергаментѣ или папирусѣ, цѣлые вѣка лежали въ пыли монастырскихъ библіотекъ, нерѣдко стирались и по стертому писались вновь, получая въ такомъ случаѣ названіе палимпсестовъ. Распространеніе ихъ посредствомъ переписки обходилось дорого и стоило большихъ трудовъ. Впослѣдствіи съ рукописей сдѣланы были печатныя изданія, способствовавшія быстрому распространенію историческихъ свѣдѣній и знакомству съ произведеніями духовной дѣятельности древняго міра. Но и теперь существуютъ рукописные источники, которые должны быть приняты въ соображеніе историкомъ, въ особенности если онъ описываетъ запутанныя и сложныя событія и обстоятельства нашего времени. Эти источники состоятъ изъ писемъ, договоровъ, записокъ (мемуаровъ) и пр., въ особенности изъ бумагъ, писанныхъ дипломатами (лицами, которыя завѣдываютъ дѣлами государей и правительствъ) и сберегаемыхъ въ архивахъ. Перечень историческихъ событій по годамъ, безъ внутренней связи между ними, называется лѣтописью или хроникою; напротивъ, прагматическая исторія стремится въ изложеніи событій показать сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, внутренній смыслъ и взаимную связь явленій и фактовъ.

§ 19. Однако недостаточно знать случившееся; необходимо еще знакомство съ тою мѣстностію и страною, гдѣ произошло то или другое событіе, и время, когда произошло оно. Первое узнается изъ географіи, или землевѣдѣнія, и топографіи, или мѣстовѣдѣнія; второе — изъ хронологіи, или временѣдѣнія. Лѣтосчисленіе (эра) не у всѣхъ народовъ оди-

наково. Тогда какъ христіанскіе народы ведутъ времесчисленіе отъ Рождества Христова, послѣдовавшаго въ царствованіе императора Августа, Евреи считаютъ отъ сотворенія міра (5619 лѣтъ), а мухаммеданскіе народы отъ бѣгства ихъ пророка (по-арабски Гиджра 16-го іюля 622 г. по Р. Х.). Греки считали по олимпіадамъ, начавшимся съ 776 г. до Р. Х., Римляне обозначали свои года по правительствовавшимъ консуламъ и отъ построенія города Рима (urbe condita, или сокращено: U. C., 753 г. до Р. Х.); другіе народы начинали лѣтосчисленіе съ иныхъ достопамятныхъ событій. Генеалогію также можно считать вспомогательною историческою наукой; она своими родословными таблицами выясняетъ послѣдованіе и взаимную связь владѣтельныхъ домовъ и династій.

§ 20. Для легчайшаго обозрѣнія всемірную исторію раздѣляютъ на слѣдующія главныя эпохи: I. Древній міръ, гдѣ преобладали республиканскія и деспотическія формы правленія и языческое богослуженіе. Онъ оканчивается великимъ переселеніемъ народовъ (въ 5 в. по Р. Х.), которое ведетъ ко II-й эпохѣ, среднихъ вѣковъ, отличающихся многосложнымъ феодальнымъ бытомъ, съ строгимъ раздѣленіемъ народа на три сословія: военное, учительное и промышленное или рабочее, то-есть на дворянство, духовенство и мѣщанство съ сельчанами, — все подъ господствующимъ вліяніемъ папской и церковной іерархіи. Вліяніе это рушится реформаціею (1517), послѣ того какъ открытіе Америки (1492) и возрожденіе искусствъ и наукъ расширили тѣсный кругъ средневѣковаго воззрѣнія. Отсюда возникаетъ III эпоха — новаго времени, гдѣ видимъ возвышеніе промышленнаго класса и опирающейся на постоянныя войска власти государей, пока стремленія къ личной свободѣ и признанію присущихъ человѣку правъ, достигаютъ крайнихъ своихъ предѣловъ во французской революціи (1789) и открываютъ собою новѣйшее время, котораго главнымъ направленіемъ является стремленіе къ уравненію въ правахъ всѣхъ сословій, къ участію народа въ жизни государственной и къ возведенію всеобщихъ нормъ права на степень высшаго государственнаго начала.

ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

—

§ 21. Географическій очеркъ Азіи. Черезъ всю Азію, по срединѣ ея, тянется съ разнообразнѣйшими возвышеніями и пониженіями громадное плоскогорье, отъ Чернаго моря до Кореи, раскидывающееся почти вѣерообразно съ запада на востокъ; къ сѣверу отдѣляется оно отъ смежныхъ долинъ Алтаемъ и другими горными хребтами, а къ югу — полною миоическихъ чудесъ Гималайскою цѣпью. Хребетъ Гиндуку (Паропамизъ древнихъ) дѣлитъ это плоскогорье на бо̀льшую, восточную, и мѐньшую, западную, половину. Оно настоящій остовъ Азіи, тотъ главный кряжъ, къ которому низменныя части края примыкаютъ въ пяти главныхъ группахъ, между которыми возвышаются опять разныя меньшія плоскогорья, отдѣляемыя отъ главнаго хребтами и по большой части выдвигающіяся далеко въ море, въ видѣ полуостровов. Изъ послѣднихъ важнѣйшіе — Аравійско-Сирійскій и Верхнеиндійскій. Горные хребты Азіи, образующіе южную, сѣверную и восточную окраины срединнаго плоскогорья, группируются вкругъ слѣдующихъ главныхъ системъ: 1. Таврскаго хребта, съ богатымъ сагами Араратомъ, пересѣкающаго Малую Азію въ двухъ направленіяхъ; 2. Хребта Имаусъ, имѣвшаго неопредѣленное и обширное значеніе у древнихъ, котораго восточнымъ продолженіемъ считалась Гималайя (горы Эмоду), съ преданіями о райскихъ жилищахъ первобытнаго человѣчества на ея покатостяхъ, обильныхъ домашними животными, хлѣбомъ, садовыми плодами и всякой овощью, а западнымъ признавался Паропамизъ, или Гиндуку, который со временъ Александрова похода сталъ извѣстенъ подъ именемъ индійскаго Кавказа; 3. Алтайскаго горнаго хребта съ его продолженіями къ востоку (Даурскими горами) и къ западу (Музтагомъ и хребтомъ Тхянь-Шань); 4. Гиперборейскихъ горъ (Урала), къ сѣверовостоку отъ Каспія, на рубежѣ Азіи и Европы;

5. Высокаго, вѣчнымъ снѣгомъ одѣтаго **Кавказа**, между Каспійскимъ и Чернымъ морями; 6. Хребта **Хингань**, которымъ китайская низина отдѣляется отъ великаго плоскогорья. «Въ Азіи, говоритъ многоопытный Грекъ Гиппократъ, все родится крупнѣе и прекраснѣе; климатъ тамъ мягче нежели во всякой другой странѣ, народы кротче и сильнѣе, животныя сыты и плодучи, люди полны, красивы и высоки; тѣлосложеніемъ и чертами лица они мало отличаются отъ Европейцевъ, но нравами миролюбивѣе ихъ и не такъ воинственны: все это оттого, что небо тамъ ровнѣе и не допускаетъ противоположностей; частыя перемѣны воздуха возбуждаютъ страсти и дѣлаютъ людей непостояннѣе.»— Исторія разсматриваетъ только югъ и западъ Азіи, гдѣ развивались государства съ прогрессивнымъ образованіемъ и измѣняющимися политическими формами, каковы Индія, Мидія и Персія, державы Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи и друг.; неподвижное Китайское царство на востокѣ и сѣверъ Азіи, населенный кочевыми племенами (Скиѳами), не имѣютъ исторіи: тамъ видимъ только болѣе или менѣе прочныя общественныя отношенія, иногда, какъ напримѣръ въ Китаѣ, съ оттѣнкомъ внѣшней цивилизаціи, иногда, какъ у Скиѳовъ и Сарматовъ, во всей наготѣ первобытной грубости. Жители Египта, хотя онъ и составляетъ часть Африки, причисляются къ восточнымъ же народамъ, потому что ихъ бытъ и учрежденія или заимствованы изъ Азіи или находятся съ нею въ близкомъ сродствѣ.

I. Полуостровъ **Малая-Азія** былъ населенъ различными племенами ѳракійскаго, сирійскаго, финикійскаго и неизвѣстнаго происхожденія; всѣ три берега его покрыты были **греческими колоніями**, которыхъ предѣлы часто простирались далеко въ глубь края и которыя имѣли сильное вліяніе на ходъ образованности и учрежденія первобытныхъ жителей. Его всемірно-историческое значеніе зависитъ отъ того, что онъ по положенію своему былъ посредникомъ между великимъ азійскимъ плоскогорьемъ и Европою, путемъ взаимнаго обмѣна житейскаго образованія, или такъ называемой культуры. Окаймленная бухтами и мысами, изрѣзанная рѣками и лѣсистыми горами страна, обладая притомъ прекраснымъ, умѣреннымъ климатомъ, была особенно удобна для торговли и судоходства; стада козъ и овецъ, произведенія всякаго рода (хлѣбъ, вино, масло, южные плоды, мѣха, шерсть, мраморъ и металлы) были здѣсь въ изобиліи. — Главный горный хребетъ — многовѣтвистый **Тавръ**, отъ котораго идутъ двѣ сѣверныя отрасли, одна къ юговосточному берегу Чернаго моря до самой Колхиды, другая — черезъ Арменію вдоль южнаго берега Каспія, между тѣмъ какъ

южный отрогъ простирается черезъ Киликію (Киликійскія тѣснины) до Евфрата, а за Тигромъ тянется подъ разными именами по Мидіи, Парѳіи, Гедрозіи и другимъ странамъ. Среди бѣлко̀въ (снѣжныхъ пиковъ) этого хребта зеленыя горныя пажити и прекрасные дубовые, сосновые и яворовые лѣса спускаются долу до плодоносныхъ низменностей. Къ важнѣйшимъ высотамъ его принадлежатъ въ Малой Азіи Ида, Олимпъ, металлоносный Сипилъ, Тмолъ, Мессогисъ и друг. Главныя рѣки, принадлежащія къ по̀кати (бассейну) Чернаго моря (Понта Эвксинскаго): Фазисъ, Галисъ, Пароеній и Сангарій; Мраморнаго моря (Пропонтиды): Риндакъ (гдѣ въ 73 г. до Р. Х. Лукуллъ разбилъ Митридата) и Граникъ. Эти, къ сѣверу текущія рѣки, пересѣкаютъ внутри края — гдѣ скалистыя возвышенности, гдѣ пустыя, безлѣсныя пространства, прерываемыя глубокими падями или стѣснившимися въ кучу вулканическими горами и озерами, а индѣ орошаютъ чрезвычайно плодоносныя, роскошныя низины, которыхъ температура мѣстами особенно возвышается отъ волканическаго свойства почвы. Рѣки, впадающія въ Эгейское море: Скамандръ, Гермъ, со многими притоками, Каистръ, Меандръ. Въ нихъ собираются воды съ горныхъ уступовъ, доходящихъ вплоть до моря. Эти уступы то врѣзываются крутыми известковыми скалами и утесистыми предгорьями въ блестящую синеву морскихъ волнъ, то близятся къ берегу покатыми холмами; гдѣ остаются свободными широкія, гдѣ только узкія прибрежныя равнины, но всѣ онѣ необыкновенно плодоносны и одѣты маслинами и виноградною лозой. Во внутреннее (Ликейское) море, у южнаго берега, впадаютъ Главкъ, Ксаноъ, Кестръ, Эвримедонъ (морская битва 469 г.), Каликаднъ (здѣсь ум. Фридрихъ Барбаросса 1190 г.), Киднъ (Александръ Макед.), Саръ. — Страны Малой Азіи: 1. Мизія, съ областію Трои (Иліона) и развалинами Новаго Иліона, возникшаго подъ македонскимъ владычествомъ, на югъ отъ древняго, плодоносная, водообильная земля, съ обширными лугами, подгорными лѣсами и множествомъ пастбищъ; важнѣйшіе города были греческаго происхожденія и принадлежали къ Эолійскому союзу (см. § 59). 2. Лидія, волканическій, богатый виноградниками и плодоносный край, часто страдавшій отъ землетрясеній. Народъ, первоначально воинственный, со временъ Кира приходитъ въ изнѣженность; обогатившись торговлей и промышленностью, впалъ онъ въ роскошь и безнравственность, потѣшался игрою на флейтѣ и въ шахматы, первый придумалъ гостинницы и харчевни. Побережные города принадлежали къ іонійскому союзу (§ 59); внутри края замѣчательны: Сарды, съ высокою, на крутой скалѣ построенною

твердыней, или за̀мкомъ, гдѣ жили лидійскіе цари и потомъ персидскіе сатрапы; Ѳіатира, съ багрецовыми красильнями, Аполлонія, Магнезія при Сипилѣ (битва 190 г.); въ царствованіе Тиберія бо̀льшая часть городовъ разрушена землетрясеніемъ. На западномъ берегу близость моря умѣряетъ и лѣтній зной и зимній холодъ, а соединеніе моря съ горами, нагорнаго воздуха съ морскимъ вѣтромъ, пути сообщенія, открываемые Гермомъ и Меандромъ на востокъ въ глубь края, тогда какъ къ западу тихое, спокойное море обезпечиваетъ переѣздъ на многочисленные сосѣдніе острова, — все вмѣстѣ дѣлаетъ это побережье Эгейскаго моря одною изъ лучшихъ, удобнѣйшихъ къ воздѣлкѣ мѣстностей Малой Азіи. Множество годныхъ для пристаней бухтъ врѣзываются здѣсь въ крутой берегъ, да и лежащія передъ нимъ острова также представляютъ довольно помѣстительныхъ рейдовъ и якорныхъ стоянокъ. 3. Карія, населенная суровымъ, воинственнымъ, прославившимся морскими разбоями народомъ, который нанимался въ военную службу къ другимъ; онъ имѣлъ федеративное устройство, и союзный сеймъ собирался при общемъ храмѣ близь Стратоникеи. Къ важнѣйшимъ городамъ принадлежали: выстроенная изъ мрамора, бывшая столица карійскихъ царей Милаза; потомъ Магнезія при Меандрѣ, Траллесъ, богатая и роскошная Алабанда и др. 4. Ликія, гористый край, на берегу котораго было много греческихъ (дорійскихъ) колоній: Патара, Мира, Фазелисъ; жители имѣли республиканское союзное правленіе, были свободолюбивы, храбры и воинственны, но, подобно сосѣдямъ, преданы морскимъ разбоямъ; у нихъ главнымъ городомъ былъ Ксанѳъ въ очаровательной долинѣ того же имени. Они поклонялись богу свѣта, луконосцу Ликейіосу, который у Грековъ прозванъ Аполлономъ, и до того уважали женщинъ, что сыновья обозначали происхожденіе свое по матери, а не по отцу. Ихъ смѣло и красиво расположенныя городскія твердыни было тѣсно обставлены гробницами покойниковъ, для которыхъ, чтобы достойно почтить ихъ память, цѣлыя массы скалъ превращались въ гробовыя улицы и кладбища. 5. Памфилія, гористая, быстрыми горными потоками изрѣзанная страна, въ которой жилъ сбродъ изъ всѣхъ народовъ, суровые удальцы, промышлявшіе морскими разбоями; здѣсь были также греческія колоніи, между прочимъ Аспендъ (аргивская). 6. Киликія, отчасти равнина, покрытая нивами, отчасти лѣсистый край, поросшій кедрами и сосной (корабельнымъ лѣсомъ); жители были смѣлые, отважные морскіе разбойники, гнѣздившіеся въ крѣпкихъ становищахъ. Важнѣйшіе города лежали на берегу и были греческаго происхожденія: Селинъ (гдѣ умеръ Траянъ), Се-

левкія, Тарсъ (родина Апостола Павла, съ высшимъ училищемъ), Иссъ (битва 333 г.). Отъ имени аргивскаго города Соле (впослѣдствіи Помпейіополь) происходитъ, какъ увѣряютъ, слово солецизмъ, потому что жители отъ обращенія съ туземцами привыкли къ дурному говору или діалекту. 7, и 8. На сѣверъ отсюда простирались Каппадокія и Малая Арменія, край суровый, гористый, обильный киноварью и лошадьми и населенный сирійскимъ племенемъ; здѣсь Римляне впервые начали строить города вмѣсто прежнихъ острожковъ и открытыхъ селеній; такъ основали они Цезарею (Кесарію, прежде Мазаку), Тіану (гдѣ жилъ чудодѣй Аполлоній), Мелитену среди плодоносной мѣстности, Назіанзъ (мѣстопреб. св. Григорія), Никополь, построенный Помпеемъ, и мн. др. Къ западу лежала 9. Ликаонія съ городомъ Иконіей и множествомъ овечьихъ стадъ, и Исаврія, населенная суровымъ и хищнымъ горскимъ народомъ, который отважною малою войной (партіями въ родѣ испанскихъ гверильясъ) отстаивалъ свою свободу даже противъ Римлянъ и однажды, въ войнѣ съ Пердиккою, самъ зажегъ свой главный городъ Исавру, гдѣ погибли въ огнѣ и всѣ его защитники. 10. Писидія, мѣстопребываніе вольнаго, храбраго, преданнаго разбою народца, съ городкомъ Антіохіей (Писидіей) и лакедемонскими, какъ увѣряютъ, поселеніями — Сельге и Сагалассомъ. 11. Фригія, гористый и волканическій, но плодоносный и обильный мраморомъ край (особенно близь города Синнады), съ Келенами, Апамеею, Колоссами (посланіе ап. Павла), богатымъ торговымъ городомъ Лаодикеею (погибшимъ отъ землетрясенія, о которомъ говорено), Дорилеономъ и др. 12. Галатія, въ 3 вѣкѣ до Р. Х. занятая послѣ многихъ хищническихъ набѣговъ однимъ племенемъ Кельтовъ и раздѣленная на три колѣна и на двѣнадцать независимыхъ, но связанныхъ союзомъ общинъ (тетрархій), надъ которыми Помпей поставилъ царемъ Дейіотара. Они были храбры, рослы и составляли отличное наемное войско. Города: Песинъ (съ знаменитымъ святилищамъ «горной матери» Цибелы), Гордіонъ (древняя столица фригійскихъ царей; гордіевъ, правильнѣе — гордійскій узелъ), Анкира, съ караванною торговлею; главное богатство края — стада овецъ. 13. Виѳинія, плодоносная, обильная скотомъ страна, на берегу которой находились цвѣтущіе торговые города Грековъ, каковы Кій, Астакъ (мегарскій, мѣсто кончины Аннибала; неподалеку отсюда возникла впослѣдствіи обширная Никомедія), Халкидонъ (насупротивъ Византіи, мегарскій), Гераклея и друг. Внутри замѣчательны Пруза, близь Олимпа, Никея, выстроенная правильнымъ четыреугольникомъ, Ви-

оиній и др. 14. Пафлагонія съ большимъ и изящнымъ городомъ Амастріей и богатымъ греческимъ торговымъ городомъ Синопомъ (§ 59. 2). 15. Понтъ; сѣверовосточная полоса, по берегу Чернаго моря, населена разными воинственными варварскими племенами (въ томъ числѣ булатчиками Халибами), обильна плодами, медомъ, шерстью и минералами; изъ городовъ, кромѣ греческихъ колоній Кереза и Трапеза, особенно замѣчательны Фарнакія, Амазія (родина географа Страбона), Комана Понтійская съ знаменитымъ капищемъ и оракуломъ, гдѣ было много «вдохновенныхъ и восторженныхъ» и сверхъ того дѣвъ, «угождавшихъ плотію», какъ дщери Вавилона; Неокесарія, Зела (извѣстная побѣдою Цезаря надъ Фарнакомъ), Севастія и др. Малая Азія была главнымъ гнѣздилищемъ сладострастныхъ, безнравственныхъ идолослуженій съ зазорными обрядами (культъ Пріапа, Цибелы и др.). У Сиріянъ, недалеко отъ береговъ Чернаго Моря, находимъ служеніе богинѣ войны Ма, которую Греки называютъ «Артемидой быкоѣздницей» или Эніо, — служеніе, при которомъ женщины являлись въ мужскомъ вооруженіи и обязывались хранить дѣвственную чистоту, а мужчины приносили въ жертву свою дѣтородную способность. Этотъ священно-жертвенный обычай, существовавшій и въ собственной Сиріи и въ Финикіи, былъ повидимому источникомъ миѳовъ о дѣвственномъ народѣ Амазонокъ.

II. Кавказскія земли, Сарматія, Скиѳія. 1. Колхида слыла египетскою колоніей, основанною оставшимся здѣсь отрядомъ Сезострисова войска (отсюда и господствующій у жителей обычай обрѣзанія); она богата пенькой, льномъ (льняныя ткани), корабельнымъ лѣсомъ, медомъ и воскомъ; города: Діоскурія (впослѣдствіи Севастополь), Археополь и др. 2. Иверія, благословенная страна, орошаемая рѣкою Куромъ (у древнихъ Киръ, въ русскомъ просторѣчіи Курà); жители, мидо-ассирійскаго происхожденія, раздѣлялись на четыре касты. 3. Албанія, населенная миролюбивымъ народомъ, искуснымъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука (это предки Алановъ); Албаны раздѣлялись на двѣнадцать улусовъ или ордъ и имѣли обычай класть съ усопшимъ въ могилу все его имущество. — 4. Въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Азіятской Сарматіи, между Дономъ (Танаисомъ) и Волгой (Ра), обитали разные полудикіе народы, которые носили общее названіе Сарматовъ или Савроматовъ и торговали съ греческими колоніальными городами по морскому берегу (Питій, Синда, Фанагорія, Танаисъ и др.), вымѣнивая у нихъ вино и ткани для платья на мѣха и невольниковъ. Они раздѣлялись на многія пле

мена, вели по большей части кочевую жизнь и питались отъ стадъ и охоты, гоняясь въ болотахъ за оленями и вепрями, а на равнинахъ за дикими ослами и козами. Они были особенно богаты лошадьми. — 5. Обширныя пространства къ востоку отъ Каспійскаго моря, состоявшія отчасти изъ гористыхъ мѣстъ, отчасти изъ степей и луговъ, и прорѣзанныя рѣками Оксомъ (Аму-дарья̀) и Яксартомъ (Зейхунъ, или Сыръдарья̀), были обитаемы дикими кочевниками, Скиѳами, которые жили въ шатрахъ или кибиткахъ, выступали на бой верхомъ съ лукомъ и стрѣлами и изъ содраной кожи убитыхъ враговъ приготовляли збрую, а изъ череповъ ихъ чаши для питья. Они управлялись племенными старшинами или родоначальниками, надъ которыми стоялъ царь съ самою неограниченною властью. Военноплѣнныхъ лишали зрѣнія и обрекали къ уходу за стадами и къ доенію молока; кто не убилъ хоть одного врага, тотъ на общихъ пирахъ не имѣлъ права пить изъ почетной круговой чаши. Къ Скиѳамъ причислялись дикіе, войнолюбивые Массагеты, Саки и др. Рѣка Оксъ и Каспійское море служили путемъ сообщенія между восточною и западною Азіей. Изъ Каспія товары шли вверхъ по Куру, потомъ въ четыре дня перевозились волокомъ черезъ горы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ Фазисъ становится судоходнымъ, и наконецъ сплавлялись по этой рѣкѣ къ городу того же имени.

III. Серика и Индія. Восточный край, извѣстный древнимъ подъ названіемъ Серики (страны шелка), обнималъ собою часть Малой Бухаріи и сѣверовосточную полосу Китая. Жителей описываютъ народомъ мирнымъ, любящимъ спокойствіе и удобство, который, не смотря на живой караванный торгъ съ сѣверомъ и западомъ, избѣгалъ всякаго общенія съ другими народами, обиталъ въ большихъ, богатыхъ городахъ и доставлялъ прекраснѣйшія шелковыя ткани: всѣ эти показанія и теперь еще какъ разъ приходятся къ Китайцамъ. — Индія, которая, по своимъ драгоцѣннымъ произведеніямъ, уже издревле была цѣлію и средоточіемъ караванной и морской торговли, представляетъ, благодаря перемежкѣ береговыхъ полосъ съ сплошными внутренними пространствами и громадныхъ горъ съ обширными низменностями, величайшее разнообразіе въ климатѣ, произведеніяхъ и народномъ бытѣ. Ограниченная съ сѣвера, сѣверозапада и сѣверовостока высочайшими хребтами, въ томъ числѣ Гималайскимъ въ 300 верстъ длины, съ горою Давалагири, а съ южныхъ сторонъ омываемая моремъ, Индія образуетъ въ географическомъ, климатическомъ и историческомъ смыслѣ цѣлый отдѣльный материкъ, предназначенный отъ природы къ развитію внутри себя особаго рода общественности. Между исполинскимъ, снѣговымъ хреб-

томъ и равниною Индіи естественно образовалась страна уступовъ, по которой текутъ съ высотъ Гималайи громадныя рѣки (съ сѣверной стороны хребта — Индъ и Сетледжъ, съ южной — Джемна, Гангъ и Брамапутра) и въ направленіи къ югозападу и къ юговостоку впадаютъ въ море. Западную границу составляетъ хребетъ Брагу съ плоскогорьемъ Келатскимъ, а восточную—богато надѣленный отъ природы Ассамъ. — Индійская низменность распадается на собственно такъ называемый Индустанъ, или страну Инда и Ганга, отъ Гималайи до бездорожнаго, лѣсистаго, населеннаго дикими животными хребта Виндъя, и отъ моря до моря къ западу и востоку, и на тропическое плоскогорье Деканъ. — Западный Индустанъ — это долина Инда (Синдъ) съ пятирѣчіемъ (Пенджабомъ), котораго преимущественно мугаммеданскіе теперь народы суть потомки древнихъ Индовъ; чрезвычайно плодоносный средній Индустанъ, съ священною рѣкою Гангомъ, былъ главнымъ сѣдалищемъ индійской образованности, религіи, промышленности и жрецевластія. Здѣсь находились важнѣйшіе города всего края, на Гангѣ—столицы самыхъ древнихъ царскихъ династій: Гастинапура и Пратистана, съ ихъ нѣкогда дивнымъ великолѣпіемъ, и Бенарессъ, вмѣстилище индійской мудрости, житейскаго образованія и учености; а на Джемнѣ древняя Индрапраста, предшественница Дельги, городъ Кришны Матура и древняя столица Агра, которая теперь въ развалинахъ. При сліяніи обѣихъ рѣкъ лежитъ городъ Аллахабадъ, куда, какъ и во многія другія мѣста, толпы народа ходятъ на поклоненіе. Восточный Индустанъ заключаетъ въ себѣ плодоносную и людную страну Бигаръ, полную древнеиндійскихъ воспоминаній, съ развалинами цвѣтущей прежде столицы Палиботры, при сліяніи Ссоны съ Гангомъ, повыше нынѣшней Патры, а въ южной своей части — многоводный, дивно-плодоносный, но влажный, жаркій и изнѣживающій Бенгалъ, съ главнымъ городомъ Калькуттой. На обширной дельтѣ, гдѣ Гангъ сперва сливается съ Брамапутрой, а потомъ опять расходится на многіе рукава, массы водъ образуютъ горячія болота, въ которыхъ растительность до того могуча, чащи бамбуковаго тростника такъ густы и непроходимы, что эта огромная полоса неизбѣжно должна оставаться за носорогомъ, слономъ и тигромъ, который въ ея болотистыхъ зарасляхъ находитъ себѣ настоящее приволье. Полуостровъ Деканъ состоитъ изъ внутренняго плоскогорья, изрѣзаннаго рѣчными долинами и дикими дебрями, и изъ плодоносныхъ низинъ, которыя тянутся вдоль побережья. Въ возвышенной внутренней части страны находимъ 1.

плодоносную Панджу съ рѣкою Кавери, съ мысомъ Кумари (Коморинъ), съ развалинами древнихъ городовъ и капищъ (пагодъ) и съ прежнею резиденціей раджи—Танджоромъ; 2 горнолѣсистый край Майсуръ съ знаменитою столицей Типпу-Сагиба и Гайдеръ-али — Серингапатамомъ; 2. долину рѣки Кистны (Кришны) съ древнимъ царствомъ Карнатою, гдѣ неподалеку отъ Гайдерабада, нынѣшняго мѣстопребыванія раджи, находились славные алмазные пріиски въ Голкондѣ и Эллорскій гротъ съ чудными каменосѣчными работами; 4. долину Годавери (Годавари), самой сѣверной и самой длинной рѣки Декана; здѣсь въ Берарѣ существовало древнежреческое браминское государство, котораго сѣверовосточное побережье Орисса, при Магарадѣ, сохраняетъ еще много капищъ и святынь. — На восточномъ берегу Декана (Коромандель), гдѣ Европейцы завели цвѣтущія торговыя поселенія (Мадрасъ, Пондишери и др.), были въ древности три индійскія царства, о величіи которыхъ свидѣтельствуютъ еще развалины семи пагодъ у селенія Магамаладжапуры, а западный берегъ, съ Гатскимъ хребтомъ, заключалъ въ себѣ четыре браминскихъ царства, въ томъ числѣ иззубренный моремъ береговой край Канкару съ славнѣйшими въ Индіи капищами, изсѣченными въ скалѣ на островахъ Элефантинѣ и Сальсеттѣ, и потомъ береговые же края Малабаръ и Калликутъ (Каликоду). Южная оконечность Индіи съ принадлежащимъ къ ней, богатымъ корицею островомъ Цейлономъ (Тапробана), благодаря своему плодоносію и дивному климату, была съ весьма давнихъ поръ цѣлію торговыхъ путешествій. Отъ островка Рамессвары тянутся до самаго Цейлона коралловые рифы, о которые море ударяетъ сильнымъ прибоемъ. Священная сага открываетъ въ нихъ слѣды того алмазнаго моста, которымъ будто бы проходила первая чета, когда была изгнана изъ рая, переносимаго сагою на тотъ очаровательный островъ.

IV. Аріана. Страны между Индіей и Персіей отъ Аравійскаго моря до Паропамиза (Гиндуку), въ предѣлахъ нынѣшнихъ Белуджистана и Афганистана, и по ту сторону горнаго хребта до береговъ Каспія, почти всѣ входили въ составъ великой персидской монархіи, но сдѣлались доступны и извѣстны Европейцамъ только благодаря походамъ Александра Великаго, основавшаго во всѣхъ этихъ краяхъ города, прозванные его именемъ (Александрія). Хотя онѣ состоятъ преимущественно изъ горныхъ мѣстностей и песчаныхъ степей, однакожь по нимъ все-таки ходили караваны. Страны эти были: 1. Гедрозія, 2. Дрангіана при р. Гильмендѣ (Эриманоѣ), 3. Ара-

хозія, къ востоку до Инда, съ кратчайшимъ путемъ сообщенія между Индіею и Персіей (Севестанъ, Кандагаръ и югозападный Кабулистанъ), 4. вольные, независимые обитатели южныхъ склоновъ Паропомиза (Пейшаверъ, Кабулъ и др.), носившіе общее названіе Паропамизцевъ (Paropamisadae) и покоренные только Александромъ Великомъ. 5. Плодоносная горная страна Арія (южный Хорасанъ съ Сеистаномъ). 6. Пароія, суровое, гористое ядро основаннаго около 256 г. царства Пароянскаго. 7. Карманія (Керманъ, Ларистанъ и Могистанъ) на югѣ гориста и обильна металлами, съ богатымъ и великолѣпнымъ главнымъ городомъ Керманомъ (Кармана) и съ островкомъ Ормусомъ, по которому прозванъ и здѣшній морской проливъ. — На сѣверъ отъ Паропамиза до Каспійскаго моря по рѣкамъ Оксу и Яксарту лежали: Бактрія (Балхъ), гористая, но плодоносная родина Ормуздова ученія. Городъ Бактра (Балхъ) теперь незначительное мѣсто; однѣ груды развалинъ обозначаютъ прежній его объемъ. Онъ лежитъ въ совершенно плоскомъ, но хорошо воздѣланномъ и унизанномъ селеніями краѣ; 18 большихъ каналовъ и теперь еще ведутъ съ горъ воду на тщательно обработываемыя поля; дороги и полевыя межи густо обсажены деревьями; вездѣ слышится журчаніе воды по многочисленнымъ канавамъ. Однакожь и здѣсь хлѣбородная полоса не доходитъ до р. Окса; миль за пять или за шесть ниже города начинается уже голая степь. Древніе Бактряне слыли воинственными и могли выставлять до 30,000 конниковъ въ поле. 2. Согдіана (Бухара съ частью Туркестана), гориста, но хорошо воздѣлана и обильна городами; изъ числа ихъ Самаркандъ въ очаровательномъ мѣстоположеніи. 3. Маргіана (часть Туркменіи) съ городами Антіохіей Маргіанской (нынѣ Мервъ), Низеей (Гератъ) и др. 4. Гирканія, гористый юговосточный берегъ Каспія, плодоносенъ и богатъ лѣсомъ.

V. Мидія и Персія. Сѣверная, или Малая Мидія на западномъ берегу Каспійскаго моря, отграниченная къ сѣверу Араксомъ, притокомъ Кура, была сурова, гориста и населена хищными племенами; южная, или Великая Мидія заключала въ себѣ превосходныя пастбища и изобиловала хлѣбомъ и плодами (лимонами, померанцами). Охваченный вѣнцомъ высокихъ горъ, этотъ край съ его нефтяными источниками, его горными пажитями, зеленѣющими лугами, нагими гребнями и снѣжными обвалами, конечно самая дикая, но вмѣстѣ и самая живописная альпійская страна западнаго Ирана. Въ то время какъ на хребтахъ высокихъ горъ снѣгъ лежитъ мѣстами девять мѣсяцевъ, во многихъ долинахъ царствуетъ непрерывная ве-

сна, а въ ущельяхъ поглубже можно найдти и знойное лѣто. Жители сначала были воинственны и мастерски стрѣляли изъ лука, но впослѣдствіи изнѣжились и стали вялы. Древнѣйшею столицей была Экбатана (нынѣ Гамаданъ), лѣтнее мѣсто пребыванія мидійскихъ царей, крѣпкое и вмѣстѣ очаровательное, съ тремя замками и семью оборонительными стѣнами. По словамъ Геродота, укрѣпленія были разноцвѣтныя. — Къ югозападу отсюда Сузіана (Хузистанъ), обширная, жаркая равнина, сливающаяся съ Вавилоніей, а отъ другихъ смежныхъ странъ отдѣленная высокими горами; вдоль морскаго берега плоска, болотиста и мало извѣстна; по ней бѣгутъ многіе притоки Тигра, въ томъ числѣ знаменитый своей прекрасною водой Хоаспъ. Жители равнинъ были миролюбивые земледѣльцы; обитатели горъ, напротивъ, — хищники и вольница. Суза (Шусанъ), зимняя резиденція лидійскихъ царей, построенная изъ кирпичей, связанныхъ горной смолою; Селевкія. — Персида (Фарсъ, Фарнстанъ), между караманскою степью и Персидскимъ заливомъ, въ сѣверныхъ частяхъ своихъ — дикая горная страна, вся въ крутизнахъ и глубокихъ ущельяхъ, между которыми попадаются однакожь тучныя пастбища, особенно для верблюдовъ; средняя часть края, по рѣкамъ Араксу и Куру отличалась умѣреннымъ климатомъ и составляла зеленую, плодоносную равнину, производившую отличное вино; тогда какъ, напротивъ, плоская южная часть, окончивавшаяся песчаною степью, была знойна и бѣдна плодами и деревьями, за исключеніемъ развѣ однѣхъ пальмъ. Температура южныхъ долинъ Аракса и Кура до того умѣряется вѣтромъ съ моря, что тамъ царствуетъ вѣчная весна, рощи миртъ, кипарисовъ и плодовыхъ деревъ чередуются съ виноградниками и цвѣтистыми лугами; нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ розъ, такого роскошнаго винограда, какъ въ долинѣ Шираза. Изъ числа городовъ знаменитѣйшими были окруженный тройной стѣною Персеполь, при Араксѣ, и Пасаргада съ гробницею Кира. Персы раздѣлялись на три племени, — кочевниковъ, земледѣльцевъ и воиновъ.

VI. Страны по Евфрату и Тигру: 1. Великая Арменія, богатая хлѣбомъ, виномъ и стадами; гориста; здѣсь между прочимъ лежитъ Араратъ съ истоками Евфрата. Города: сильно укрѣпленная Артаксата, при Араксѣ, и Тигранокерта, основанная Тиграномъ и населенная взятыми въ плѣнъ Греками. 2. Вавилонія, отграниченная съ сѣвера мидійскою стѣной, тучная, черноземная равнина, между спокойно льющимся Евфратомъ и сильно бушующимъ Тигромъ, пересѣчена множествомъ каналовъ и плотинъ; въ этомъ плодоносномъ

краѣ были искусственныя озера и, кромѣ Вавилона, много другихъ цвѣтущихъ и богатыхъ городовъ, каковы Селевкія на Тигрѣ, Вологезія, Апамея, Тередонъ (торговля ладономъ и другими аравійскими товарами), Хараксъ, Сназину и др., недалеко отъ мидійской стѣны — Кунакса (битва 400 г.). 3. Ассирія имѣла, кромѣ Ниневіи, Ктезифонъ, на берегу Тигра, людный и цвѣтущій городъ при Пароянскихъ царяхъ; Арбелу (гдѣ въ битвѣ при Гавгамелѣ была главная квартира Дарія), Аполлонію, Артемиту, Ситтаку и др. Къ сѣверу и востоку подпимаются ряды холмовъ, отѣненныхъ дубовыми и орѣховыми лѣсами; въ долинахъ произрастаютъ виноградъ, смоквы, маслины, гранаты и хлѣбъ. — 4. Месопотамія, плодоносная равнина съ тучными пажитями; города: а) въ западной полосѣ, Осроэнѣ: Эдесса, Батна[1] (рынокъ для индійскихъ товаровъ), Карра (пораженіе Красса Пароянами 53 г.), Никефорій, Киркезій и др.; в) въ восточной полосѣ, Мигдоніи: Низибъ, главный городъ, многолюдный и торговый; Дара, сильная крѣпость, Сингара, Гатра и др. Рѣки Тигръ и Евфратъ, прорѣзавъ горныя цѣпи Арменіи, дающія имъ начало, текутъ по довольно высокой степи, которой однообразіе прерывается каменными гребнями, увалами, озерами и плодоносными полосами, между тѣмъ какъ берега рѣкъ поросли яворами, кипарисами и обрамлены лугами. Чѣмъ площе становится край, тѣмъ болѣе раскидываются въ ширину прирѣчныя плодоносныя низины, а пространство между рѣками является тѣмъ пустыннѣе и безлѣснѣй; на немъ живутъ только кочевые пастухи да табуны дикихъословъ, стаи страусовъ и драхвъ. Подобно Египту и эти бездождныя страны получаютъ плодотворное орошеніе благодаря ежегодному разливу обѣихъ рѣкъ, который однакожь не такъ правиленъ въ своемъ ходѣ, какъ разливъ Нила. [Вмѣсто оплодотворяющей влаги, Тигръ часто выбрасываетъ на равнину разрушительныя волны и превращаетъ ее въ необозримое бурное море вплоть до болотистой дельты у своихъ устьевъ.

VII. Сирія, Финикія, Палестина. Въ противоположность крупнымъ, однообразнымъ формамъ Месопотаміи, гористый западный край отличается удивительною измѣнчивостью и разнообразіемъ. Узкая береговая полоса какъ будто сама высылала своихъ обитателей въ открытое море; превосходныя пристани, ограждаемыя бухтами и мысами, благопріятствовали мореплаванью, а обиліе металловъ и строеваго лѣса способствовало торговлѣ, которая здѣсь впервые открылась чело-

[1] Подлѣ самой Эдессы.

вѣку во всемъ своемъ величіи; чрезвычайное плодоносіе глубокихъ ложбинъ и горныхъ склоновъ, вызывало къ воздѣлкѣ хлѣба, винограда, овощей и плодовъ, тогда какъ верхнія долины и кряжи горъ были удобны для скотоводства и допускали пастушескую жизнь съ небольшимъ только подспорьемъ земледѣлія. Притомъ, сирійское побережье, благодаря морю и горному воздуху, благодаря мореплаванію и горной жизни, сильно противодѣйствуетъ ослабляющимъ вліяніямъ знойнаго восточнаго солнца; оно соединяетъ въ себѣ стихіи, обыкновенно поддерживающія жизнь и силу народа въ бодрости и свѣжести. Если море манитъ вдаль и воспитываетъ на волнахъ своихъ подвижное, предпріимчивое, дѣятельное населеніе, то строгая природа горъ и замкнутость долинъ нудитъ къ болѣе простому, ровному образу жизни, укрѣпляетъ привязанность къ тому, что̀ ведется искони, что унаслѣдовано отъ предковъ. Чѣмъ ближе между собой эти противоположности, тѣмъ сильнѣе должны онѣ дѣйствовать другъ на друга, тѣмъ глубже отражаются онѣ въ процессѣ духовной жизни. Сирійская горная и береговая страна распадается на слѣдующія части: 1. Сирія, на востокъ отъ Евфрата, къ сѣверу гориста съ плодоносными долинами, къ югу жарка и суха; вообще хорошо воздѣлана, покрыта многолюдными городами и отличается избыткомъ превосходныхъ южныхъ плодовъ; главная рѣка — Оронтъ, текущій съ Ливана. Она дѣлилась на сѣверную Сирію и Сирію полую (Келесирію), замѣчательную длиной лощину между Ливанскимъ и Антиливанскимъ хребтомъ. Изъ городовъ назовемъ Самосату на Евфратѣ (родину Лукіана); Іерополь съ великолѣпнымъ храмомъ; крѣпкую Селевкію, на скалѣ, неприступной съ трехъ сторонъ; Тапсакъ, древній торговый городъ на Евфратѣ; Пальмиру (Тадморъ) на обросшемъ пальмами оазисѣ сирійской пустыни; Апамею при Оронтѣ, окруженную превосходными пастбищами для коней и слоновъ, основанную подобно Лаодикеѣ и большей части здѣшнихъ городовъ Селевкидами; Эмезу, съ ея знаменитымъ храмомъ солнца (битва 273 по Р. Х.); Антіохію, около 18 верстъ въ окружности, заложенную Селевкомъ Никаторомъ въ живописномъ мѣстѣ, на южномъ берегу Оронта; Дафну, роскошное и безнравственное потѣшное жилище сирійскихъ царей, окруженное кипарисными и лавровыми рощами. Въ Келесиріи находились: Дамаскъ, древнѣйшая столица въ прекрасномъ мѣстоположеніи, славившаяся уже при Римлянахъ своими оружейными фабриками, Геліополь (Иліуполь, Баальбекъ), мѣсто торжественнаго поклоненія солнцу, съ великолѣпнымъ храмомъ, который построилъ Антонинъ Пій. — 2. Финикія (т. е. страна пальмъ). На югозападъ отъ Сиріи,

вплоть до крутой горы Кармила, простирался прибрежный край Финикія вдоль обильнаго кедрами Ливана, съ которымъ параллельно идетъ далѣе къ востоку Антиливанъ (съ высочайшею на всемъ этомъ хребтѣ горою Гермономъ). Воздухъ на этихъ высотахъ становится чище и прохладнѣе, уступы, поросшіе смоковницами и шелковичными деревьями, чередуются съ полосами винограда, на широкомъ хребтѣ громадныхъ горныхъ кряжей возвышается кедровый лѣсъ и даже передъ каменнымъ гребнемъ вершинъ стелятся еще зеленѣющіе скаты; тутъ бродятъ многочисленныя стада черныхъ козъ, тревожимыя шакалами, медвѣдями и львами, которые гнѣздятся въ пустынныхъ дебряхъ. Изъ числа независимыхъ финикійскихъ городовъ, съ республиканскимъ правленіемъ, но соединенныхъ между собою общимъ союзомъ, важнѣйшими были: Арадъ, Триполь, Библъ, Беритъ, работящій Сидонъ, могущественный Тиръ, Ака или Птолемаида и др. Рядомъ съ промышленными Финикіянами сидѣли въ Ливанѣ разныя воинственныя хищническія племена, Итурейцы, Сикаріи (бандиты), предки столь ужасныхъ въ крестовые походы ассасиновъ, и др. — 3. Палестина, къ югу отъ Сиріи и Финикіи, гористая, но плодоносная, изрытая дебрями и пещерами земля; по ней течетъ Іорданъ и простираются голые каменные отроги Ливана и Антиливана, образующіе нѣсколько замѣчательныхъ горныхъ кряжей, именно поросшій лѣсомъ, изрѣзанный разсѣлинами, но не лишенный и травянистыхъ пастбищъ Кармилъ, также лѣсистый, стоящій одинокимъ кеглемъ Ѳаворъ (Таборъ), Гаризимъ [1], извѣстный какъ главное гнѣздо идолослуженія, и др. Арабскіе поэты въ похвалу Ливану говорятъ, что на головѣ онъ носитъ зиму, въ нѣдрахъ осень, а лѣто покоитъ у себя въ ногахъ. Изъ озеръ особенно замѣчательны Мертвое море (асфальтовое озеро), гдѣ чахнетъ всякая растительность, гдѣ самая земля утратила плодотворную силу, гдѣ растенія превращаются въ пустоцвѣтъ и перегораютъ въ золу, и озеро Тиверіадское или Генисаретское. Страна, обильная виномъ, пальмами, хлѣбомъ, южными плодами, масломъ, медомъ и проч. раздѣлялась на четыре части: 1. Галилея, травянистое плоскогорье, надъ которымъ возвышаются лишь немногія вершины, какъ напримѣръ Ѳаворъ (7,000); города: Данъ (мѣсто египетскаго быкослуженія), Капернаумъ на Генисаретскомъ озерѣ; Тиверіада, любимое мѣсто пребыванія Ирода; Эмаусъ съ теплыми водами; Назаретъ, на холмѣ среди горной котловины изъ бѣлыхъ известковыхъ

---

[1] Въ Славянской Библіи — Гаризінъ.

скалъ; Мегиддо, древняя резиденція царей Хананитскихъ. 2. Самарія, плодоносная, отѣненная лѣсами лощина, заключала въ себѣ главнѣйше слѣдующіе города: столицу Самарію, разрушенную Салманасаромъ и снова отстроенную Иродомъ подъ названіемъ Севасты; Скиѳополь, населенный преимущественно язычниками; Іезраэль (Страдела), въ прекрасной равнинѣ, резиденція нѣкоторыхъ израильскихъ царей; Сихемъ (Неаполь), близъ Гаризима, главное гнѣздо идолослуженія. 3. Іудея, важнѣйшая часть края, на югѣ обитаемая переселившимися сюда Идумеями; мѣстность строгаго характера: на большихъ пространствахъ возвышаются только одинокія купы блеклыхъ маслинъ или сквозныя рощицы рѣдкихъ пальмъ; здѣсь были знаменитые города: Кесарія (Цезарея), морская пристань, изукрашенная Иродомъ, позже — мѣсто пребыванія римскаго губернатора; Іоппія, древній приморскій городъ; Лидда (Діосполь), Іерихонъ, древнѣйшій Хананитскій городъ, въ мѣстности, обильной пальмами, бальзамнымъ деревомъ и финиками; здѣсь, среди тропической атмосферы, десять мѣсяцевъ въ году спѣютъ виноградъ, смоквы и лучшіе южные плоды; Хевронъ, древній жреческій городъ, съ правомъ убѣжища; Виѳлеемъ, на возвышеніи, родина Давида и Іисуса Христа; Іерусалимъ построенъ на четырехъ крутыми падями раздѣленныхъ холмахъ и состоитъ изъ древняго и новаго города; послѣдній основанъ Иродомъ Агриппою. Древній Іерусалимъ раздѣлялся a) на верхній городъ, на холмѣ Сіонѣ, окруженный стѣною о 60 башняхъ; b) нижній городъ, на дугообразномъ холмѣ Акра, съ своей особою стѣной, и c) на храмовую гору Морію; жителей въ немъ было до полутораста тысячъ. Храмъ Соломоновъ болѣе отличался пестротою матеріала, драгоцѣннымъ деревомъ и блескомъ золота, нежели архитектурною красотой и величиною; вблизи лежитъ Масличная гора, отдѣленная отъ города долиною Кидрона. 4. Перея, за Іорданомъ, съ аммонитскими городами Кесаріей Панеей, Гадарой, Равваѳъ-Аммономъ (Филадельфіей), Раввавъ-Моавомъ (городомъ Моавитовъ), Пеллою и др. На югозападномъ берегу обиталъ древній воинственный народъ Филистимляне (Филистимы). Они жили подъ управленіемъ племеначальниковъ или царей въ пяти укрѣпленныхъ мѣстахъ — Газѣ, Аскалонѣ, Асдодѣ, Гаѳѣ и Экронѣ, занимаясь торговлею и морскимъ разбоемъ. Они покланялись творческой силѣ природы, которой посвящены были вода и племя рыбъ. Аскалонъ былъ главнымъ святилищемъ служенія національному божеству Дагону, съ человѣческой головой и рыбьимъ туловищемъ. На югъ отъ Палестины и Сиріи простирается полуостровъ

Аравія, край, подобный африканскому материку; ядро его состоитъ изъ высокаго и обнаженнаго плоскогорья, которое, среди безплодныхъ пустынь, песчаныхъ степей и голыхъ скалъ, лежащихъ подъ знойнымъ небомъ, представляетъ немного орошенныхъ водой ложбинъ (§ 257). За Аравіей, отдѣляясь отъ нея Пелузскимъ (Суэсскимъ) перешейкомъ и Чермнымъ моремъ, начинается африканская низина, Египетъ (§ 30).

§ 22. Восточный бытъ. Три вещи надобно имѣть въ виду при обсужденіи восточныхъ народовъ, — религію, государственныя и правительственныя формы и частную жизнь. 1. Религія. Что касается отношеній твари къ Создателю, объ этомъ народы Востока размышляли ревностно и глубоко и достигли такихъ выводовъ, далѣе которыхъ не пошелъ ни одинъ изъ другихъ народовъ міра. Востокъ колыбель всѣхъ религіозныхъ системъ, начиная отъ самаго строгаго, на древнѣйшемъ преданіи или на откровеніи основаннаго единобожія (монотеизма) до разнообразнѣйшаго многобожія (политеизма) и до философскаго всебожія (пантеизма). Зерномъ двухъ послѣднихъ направленій было поклоненіе солнцу и свѣтиламъ или обильное мистеріями обожаніе природы. Такъ какъ первоначальная сущность или сила, отъ которой истекло твореніе и которою вселенная поддерживается въ правильномъ своемъ ходѣ, непостижима для мыслящаго ума, то глубокомысленные люди стали искать символовъ для представленія этой первоначальной силы и естественно попали или на солнце съ прочими свѣтилами, дарующее свѣтъ и жизнь, или на незримыя силы природы, тайно дѣйствующія въ ея внутренности. Не смотря однакожь на это первобытное сходство, при неопредѣленности основныхъ понятій, политеистическія и пантеистическія формы религіи сложились во всѣхъ странахъ различно, и какъ масса народа нигдѣ не могла подвести чувственныя явленія подъ одно всеобщее понятіе, то самое разнообразіе природы и жизни человѣческой неизбѣжно вело къ размноженію до безконечности тѣхъ сверхъестественныхъ силъ, которыя потомъ представлялись уже отдѣльными существами и становились предметомъ поклоненія. Такая пестрота религіозныхъ понятій требовала богатаго обрядами и символами священнослуженія (культа) и многочисленнаго сословія жрецовъ, какъ истолкователей лежащаго въ этомъ разнообразіи единства и олицетворяемаго каждымъ символомъ понятія. И то и другое выработалось на Востокѣ вполнѣ, то-есть и безчисленные религіозные обряды, связанные съ жизнію природы и человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ и перемѣнахъ, и сильное обладаніемъ

тайной мудрости сословіе жрецовъ, которое всегда умѣло удержать за собою могучее вліяніе на жизнь государства и народа, хотя и вынуждено было уступить свѣтскую власть, отчасти или вполнѣ, свыкшимся съ оружіемъ воинскимъ родамъ и царственному ихъ предводителю. Наклонность къ религіознымъ созерцаніямъ и вѣра, что подвиги покаянія и самоистязанія приближаютъ человѣка къ божеству, породили ту отшельническую жизнь, которая первоначально укоренилась на Востокѣ. — Торговля, главный рычагъ цивилизаціи, была здѣсь въ самой тѣсной связи съ религіей и жречествомъ; славнѣйшія капища и оракулы, съ ихъ религіозными празднествами, служили станціями для каравановъ, рынками и складами для товаровъ, сборищами для купцовъ. — 2. Правительственныя формы Востока можно свести къ тремъ главнымъ разновидностямъ: къ господствующему у кочевыхъ народовъ патріархальному управленію племеначальниковъ, къ преобладанію аристократическаго іерархизма — въ государствахъ съ кастами, и къ неограниченному деспотизму — въ военныхъ монархіяхъ. Послѣдняя политическая форма, постепенно выработавшаяся изъ двухъ первыхъ и облекшая повелителя патріархальнымъ всемогуществомъ племеначальника и вмѣстѣ религіознымъ освященіемъ царя, опирающагося на касты, сдѣлалась подъ конецъ господствующею вездѣ; да и не трудно было при наклонности восточнаго человѣка къ нравственной лѣни (квіэтизму), вознести царскую власть на такую высоту, что облеченный ею пользовался чуть не божескимъ почитаніемъ. Въ отношеніи къ владыкѣ (деспоту) всѣ прочіе члены государства представляются рабами, безъ правъ личности и собственности [1]. Царь произвольно распоряжается имуществомъ и жизнію подданныхъ; онъ даетъ и отнимаетъ по своему хотѣнію и даже явиться передъ нимъ можно не иначе, какъ только простершись наземь и ударяя въ полъ челомъ; подобно блаженнымъ богамъ живетъ онъ въ веселіи и усладѣ, окруженный слугами, которые только и знаютъ, что исполнять его волю и поблажать его прихотямъ, обставленный всѣми благами и сокровищами, всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, не думая ни очемъ, кромѣ роскоши, нѣги и удовлетворенія своихъ сладострастныхъ пожеланій. Государственныя формы, въ которыхъ законы и права человѣческія не имѣютъ ни какого значенія, въ которыхъ преобладаютъ только деспотизмъ да рабство, — такого рода политическія формы лишены всякой

[1] Такого деспотизма никогда не бывало ни въ одной европейской странѣ, не исключая даже и Турціи.

жизненной силы, всякой способности къ прочному развитію, и оттого всѣ восточныя государства становились жертвой чуждыхъ завоевателей, причемъ ранняя ихъ образованность или погибала или приходила въ онѣмѣніе и задерживалась навсегда. — 3. Частная жизнь. По природѣ своей восточный человѣкъ направленъ болѣе къ созерцательному покою и наслажденію, чѣмъ къ дѣятельности. Слѣдствіемъ этого было то, что восточные народы никогда не достигали свободы и самостоятельности, — или безгласно повинуясь туземнымъ владыкамъ, или стеня подъ игомъ иноплеменныхъ завоевателей. Благодаря своимъ духовнымъ способностямъ, они скоро доходили до извѣстной степени общественнаго образованія, но за тѣмъ предавались лѣнивому наслажденію и мало по малу впадали въ дремоту и изнѣженность. Свойственный востоку обычай многоженства (полигаміи), которымъ ослабляется облагороживающій сожитіе брачный союзъ и подрывается бытъ семейный, источникъ чистоты домашнихъ нравовъ и самоотверженной дѣятельности, — этотъ несчастный обычай еще болѣе усиливалъ нравственное усыпленіе, а истощающее сладострастіе подавляло мужественную бодрость и доблесть воинскую. Это отозвалось и въ самомъ искусствѣ восточныхъ народовъ: какъ ни изумительна величавость ихъ сооруженій въ первомъ очеркѣ, какъ ни велика ихъ выдержка и терпѣливость въ выполненіи, какъ ни необычайна у нихъ техническая сноровка и чистота обдѣлки самаго твердаго матеріала въ ваятельныхъ произведеніяхъ, — искусство ихъ никогда не достигало однакожь ни гармонической красоты, ни стройности и симметріи свободно творящихъ народовъ, а ихъ поэзія, хотя и богатая чувствомъ, фантазіей и увлекательными образами, лишена той дѣятельной жизни и той идеальной человѣчности, по которымъ созданія Грековъ представляются до сихъ поръ недостижимымъ образцомъ. — Въ наукахъ, которыя большею частію оставались исключительнымъ достояніемъ жрецовъ, восточные народы не ушли далеко за первыя начала (кромѣ развѣ одного знанія небесныхъ свѣтилъ, связаннаго съ основой ихъ религіи), и даже превозносимыя иногда произведенія ихъ искусства и промышленности напоминаютъ скорѣе о ремесленнической ловкости, пріобрѣтенной большимъ навыкомъ и поддерживаемой кастовымъ и цеховымъ гнетомъ, а не о вольномъ созданіи изобрѣтательной мысли, не о дѣлѣ досужихъ, бойкихъ рукъ. Рабство тяготѣло какъ свинецъ на всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ восточнаго человѣка.

1. Китайцы.

§ 23. Китайцы по природѣ своей вовсе не способны ввести насъ въ ту историческую жизнь, въ которой сами они не принимали участія; тѣмъ не менѣе имъ справедливо даютъ мѣсто при самомъ входѣ въ исторію, во-первыхъ потому, что говоря въ общемъ смыслѣ, развитіе рода человѣческаго слѣдовало суточному движенію солнца и такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что народы крайняго Востока всѣхъ ранѣе вышли изъ состоянія полудикой естественности, а во-вторыхъ потому, что Китайцевъ, благодаря типическому ихъ характеру и неподвижному образованію, нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи. Они стоятъ въ преддверіи къ ней и, послѣ краткаго разсмотрѣнія ихъ основныхъ чертъ, оставляются уже въ сторонѣ, какъ непричастные общечеловѣческому дѣлу. — Въ неизмѣримой Китайской имперіи, которою владѣетъ теперь монгольское племя Манджуръ, живетъ съ незапамятныхъ временъ народъ монгольскаго происхожденія, сохраняющій нѣсколько тысячелѣтій неизмѣнно одинъ и тотъ же бытъ, одни и тѣ же учрежденія. Объ исторіи Китайцевъ можно однакожь мало сказать достовѣрнаго, потому что начало царскихъ родовъ своихъ возводятъ они въ миѳическую древность, а всѣ событія искажаютъ самодовольнымъ хвастовствомъ. За положительное можно принимать только то, что̀ сообщаютъ о тамошнемъ бытѣ и учрежденіяхъ европейскіе путешественники. Послѣ баснословной первобытной старины, къ которой принадлежали знаменитые законодатели и учредители государства Фо-ги, Яо, Шунь и Инь, начинается съ императоромъ (1100 г.) Вуваномъ династія Че-у, обладавшая престоломъ до половины 3 в. предъ Р. Х. Когда этотъ владѣтельный родъ нравственно истощился и «Поднебесью» угрожало всеобщее разложеніе, тогда сильный и неразборчивый на средства Ши-гуан-ди (ок. 230 г.) деспотическою рукой возстановилъ могущество императора и повелѣлъ истребить даже тѣ священныя книги, которыя составлены были Конфуціемъ изъ древнихъ хартій и преданій, такъ что впослѣдствіи ихъ пришлось собрать вновь только уже на память и по нѣкоторымъ случайно сохранившимся отрывкамъ.

Это было совершено династіею Хань (съ 206 по 263 нашей эры), подъ правленіемъ которой имперія достигла высшей степени могущества и расширенія. Въ 7 в. по Р. Хр. настала для Китая послѣдняя цвѣтущая эпоха при Дай-Цунѣ, снискавшемъ общую любовь народа своею добродѣтелью и мудростью. По прекращеніи его дома, династіи Танъ, началось въ 10 в. время упадка. Китайская исторія безотрадна по содержанію: сухой, утомительный однообразіемъ перечень внѣшнихъ событій, картина мятежей, династическихъ перемѣнъ и придворныхъ ужасовъ, ни сколько не возвышаются поэзіей, ни мало не оживляются народнымъ элементомъ, не согрѣваются ни какимъ интересомъ человѣческимъ. Оттого вся исторія Китая звучитъ «раздирающимъ стономъ тоски». — Китайская имперія и Китайцы имѣютъ видъ націи, живущей подъ благоустроенными политическими формами и обладающей высокою наружною образованностью; но эта часто преувеличиваемая образованность хватаетъ одни верхи, она не результатъ внутренняго творчества и живой духовной самодѣятельности, но лишь слѣдствіе долголѣтняго внѣшняго навыка и механической выучки, а потому и не имѣла ни какого вліянія на весь остальной міръ. Все въ Китаѣ установлено и уряжено законами, формами и обычаями издревле; свобода и самостоятельность, источникъ всякаго истиннаго образованія, здѣсь невѣдомыя блага, и оттого не замѣтно никакого успѣха въ народномъ развитіи. Это отсутствіе прогресса основано отчасти на неподатливомъ характерѣ народа, упорно держащемся привычной, исконной старины, частію происходитъ оно отъ того, что страна была отдѣлена отъ общенія съ другими народами и хребтами горъ, и морями, и длинною Китайскою стѣной, которую въ половинѣ 3 в. Ши-гуан-ди соорудилъ противъ кочевыхъ племенъ сѣвера, и что доступъ въ нее былъ упорно возбраняемъ всѣмъ чужеземцамъ; частію, наконецъ, этотъ застой обусловливается и деспотически-патріархальнымъ образомъ правленія. Облеченный безпредѣльною властью, богоподобно чтимый «сынъ неба», «священный владыка» — Богдоханъ и раздѣленное на девять разрядовъ аристократическое сословіе ученыхъ (мандариновъ) всѣми силами удерживаютъ презираемый и жестоко управляемый народъ при старомъ,

однажды заведенномъ порядкѣ, по возможности удаляя отъ него все новое. Китайцы не могли воспользоваться опытами чужеземцевъ, и поэтому, не смотря на раннее знакомство свое съ компасомъ, порохомъ и нѣкоторымъ родомъ книжной печати, не смотря на ихъ удивительное досужество и работячесть, отстали отъ всѣхъ другихъ народовъ въ образованіи, и даже промышленность ихъ не можетъ мѣряться съ промышленностью и мастерствомъ западныхъ странъ, какъ ни славились Китайцы издревле своими тканями, рѣзною работой, приготовленіемъ отличнаго фарфора, писчей бумаги и проч. Земледѣліе, состоящее подъ непосредственнымъ покровительствомъ богдохана, такъ что онъ даже собственноручно воздѣлываетъ и пашетъ извѣстную полосу земли, есть древнѣйшее и самое уважаемое занятіе, которое представляетъ начало порядка и нравственности въ сферѣ государственной и народной жизни Китайцевъ. Покоренныя земли чрезъ введеніе и поддержку въ нихъ хлѣбопашества, мирнымъ путемъ прикрѣплялись къ Китайской имперіи прочнѣе, нежели бы можно было привязать ихъ воинскими средствами. Рядомъ съ земледѣліемъ, котораго процвѣтаніе видно на обширныхъ хлѣбныхъ и рисовыхъ поляхъ и въ несмѣтномъ числѣ садовъ, Китайцы могутъ съ гордостью указать на свои чайныя плантаціи и шелководство, составляющія для нихъ источникъ большихъ доходовъ. Какъ императоръ слыветъ защитникомъ и поощрителемъ земледѣлія, такъ императрица имѣетъ особенное попеченіе о шелководствѣ. Въ выдѣлкѣ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей Китайцы опередили всѣ другіе народы. Но не смотря на все наружное образованіе, не смотря на всю механическую ловкость и хитрый умъ этого народа, онъ все-таки остался сухою вѣтвію на жизненномъ деревѣ исторіи человѣчества, набользамированною муміей, исписанною іероглифами и обернутою въ шелка. — Воспитаніе Китайцевъ имѣетъ въ виду не развитіе умственныхъ силъ къ самостоятельной мысли, а лишь заученіе того, что знали и какъ дѣлали предки; оттого и будится въ нихъ только разсудокъ да практическій житейскій умъ и изощряется одна память, тогда какъ воображеніе, поэзія, всѣ высшія порывы и чаянія души остаются безъ обработки и воспитанія. Всякая наука,

всякое дѣло въ государствѣ сведены въ правила, затверживаемыя наизусть, и каждый подвергается экзамену, будь онъ военный, членъ гражданскаго управленія или чиновникъ по судебной части. Какъ служащіе составляютъ цѣлую іерархію, основанную на подчиненности и безпрекословнымъ повиновеніи старшимъ, въ такомъ же точно классномъ порядкѣ состоятъ большіе и малые города, посады и селенія обширной, крайне населенной, кишащей жилыми мѣстами имперіи, такъ что самостоятельной общинной жизни нѣтъ и слѣда, и государство, при страшномъ сосредоточеніи, управляясь однимъ писарскимъ механизмомъ и состоя подъ надзоромъ цѣлой арміи смотрителей, походитъ на машину, движимую системой колесъ и шестерень. Это воспитаніе, этотъ бытъ, этотъ образъ правленія сдѣлали Китайцевъ немощными и трусами; пресмыкаясь въ рабствѣ, лишенные самодѣятельности, чувства чести и всякой духовной высоты, они проникнуты еще при этомъ высокомѣрнѣйшимъ чванствомъ и надменнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ другимъ народамъ. Языкъ ихъ, состоящій не изъ буквъ, а изъ особыхъ знаковъ или образовъ, выражающихъ каждый извѣстное понятіе, такъ труденъ и неподручень, благодаря этому идеографическому письму, что потребны многіе годы только для того, чтобъ выучиться читать по-китайски. Въ упомянутомъ нами древнемъ мудрецѣ Конфуціи (Конфу-цзе, 550—479), который собралъ и привелъ въ порядокъ древнія ученія, исторіи и преданія, и тѣмъ самымъ далъ твердую основу шаткому прежде обычаю, — въ Конфуціи чтятъ Китайцы основателя своей литературы, равно какъ и своей религіи, такъ тѣсно связанной у нихъ съ патріархальнымъ государственнымъ порядкомъ.

Конфуціевы ученія изложены въ 4-хъ священныхъ книгахъ (кинъ), которыя отчасти сочинены имъ самимъ, отчасти собраны изъ древнихъ писаній, преданій и обычаевъ, и пользуются у Китайцевъ величайшимъ уваженіемъ. Первая изъ нихъ, И-кинъ, посвящена философіи природы: вторая, Ли-кинъ, — книга обычаевъ и обрядовъ; третья, Ши-кинъ (книга пѣсней), — собраніе древне-китайскихъ народныхъ пѣсень, полныхъ граціи, достоинства и красоты; четвертая, Шу-кинъ, — основаніе законовъ, правовъ и государственной мудрости. Эти кины, особенно послѣдній, содержатъ въ себѣ, кромѣ древнѣйшей,

до миѳической эпохи восходящей исторіи, и кромѣ религіозныхъ заповѣдей, также предписанія о образѣ правительства, о государственномъ правѣ и полезныя наставленія для гражданской жизни состоящія изъ правилъ благоразумія, мудрыхъ изреченій и т. п. Религія, которая является у Китайцевъ только сознаніемъ взаимнаго обезпеченія общихъ правъ государственнымъ союзомъ, гдѣ каждый находитъ себѣ охрану какъ членъ цѣлаго, — религія состоитъ изъ множества обрядовъ и суевѣрныхъ заповѣдей съ одной стороны, и изъ нравственныхъ и философскихъ поученій съ другой. Для представленія о безплотномъ высочайшемъ существѣ нѣтъ у Китайцевъ даже особаго слова или знака. Религія ихъ не болѣе какъ система морали, которая вся сводится на одно основное правило безпредѣльной покорности дѣтей къ родителямъ, женъ къ мужьямъ и подданныхъ къ государямъ. Въ представленіи неба (тянь) лежитъ однакожь идея Бога, какъ безусловнаго единства и стройности или чина вселенной. Это высшее начало, совокупность вѣчнаго порядка природы, разума и всѣхъ законовъ, представляется дѣйствительнымъ, сознаваемымъ единствомъ въ особѣ императора. Онъ — сынъ неба, истинный намѣстникъ Бога на землѣ, и обязанность его постоянно блюсти законы. — Что касается до страннаго языка Китайцевъ, то у него нѣтъ грамматики въ собственномъ смыслѣ слова, потому что ему чужды склоненія, спряженія, равно какъ и все разнообразіе измѣненій и наращеній звука, чѣмъ другіе языки способны выражать такое множество всѣхъ возможныхъ отношеній; взаимная зависимость словъ между собою опредѣляется и обозначается только ихъ положеніемъ да вставочными частицами. Весь запасъ китайскаго языка состоитъ изъ 450 односложныхъ словъ, которыя, при произношеніи на четыре разныя интонаціи, даютъ до 1203 различныхъ значеній. При такой изумительной бѣдности корней, каждое, даже и совершенно одинаково произносимое слово, по необходимости должно имѣть очень разнообразныя значенія; число понятій, выражаемыхъ самыми общеупотребительными словами, простирается отъ 30 до 40 на каждое.

2. Индійцы.

§ 24. Арійцы. Въ горной странѣ Тибета, въ предѣлахъ истоковъ Дзихуна (Аму, Окса) и Жейхуна (Сыръ, Яксарта), съ незапамятныхъ временъ пасъ лошадей своихъ и стада рогатаго скота красивый и способный къ образованію народъ кочевниковъ, который самъ себя называлъ отлич-

нымъ или превосходнымъ, Арья. Когда, по склонности всѣхъ пастушескихъ народовъ къ скитанію, Аріійцы покинули свой родной край, то часть ихъ водворилась въ странахъ, лежащихъ на сѣверозападъ отъ хребта Гиндуку и прозванныхъ древними — Согдіаной, Бактріей, Гирканіей и Арахозіей, а другая часть потянулась далѣе, прошла югозападныя тѣснины этого хребта и овладѣла богатымъ и плодоноснымъ краемъ по берегамъ Инда (Синд'у). Первые, называвшіеся также Иранцами или, по ихъ священному языку, Зендскимъ народомъ, развили со временемъ ту дуалистическую религію (§ 8) и ту гражданственность, которую потомъ приняли отъ нихъ ихъ соплеменники-покорители, Мидяне и Персы; вторые, слывшіе у прочихъ народовъ древности подъ именемъ Индійцевъ или Инду, отъ главной рѣки обитаемаго ими края, были творцами той выработанной религіозной системы, тѣхъ оригинальныхъ формъ права и государственности, той замѣчательной санскритской литературы, которыхъ остаткамъ и преданіямъ удивляемся мы до сихъ поръ. Коренные жители той страны, темноцвѣтныя племена, отличавшіяся грубыми нравами и дикимъ образомъ жизни, были, при нашествіи Аріійцевъ, частію истреблены или загнаны въ лѣса, частію покорены и обращены въ холопей и невольниковъ. — Съ эпохи переселенія въ область Инда, что должно отнести къ третьему тысячелѣтію предъ Р. Х., и вплоть до 15 вѣка, Аріійцы жили въ «Пятирѣчіи» до священной рѣки Сарасвати. Раздѣленные на нѣсколько племенъ, вели они, подъ управленіемъ старѣйшинъ, родоначальниковъ и царей, осѣдлую пастушеско-земледѣльческую жизнь, чествовали бога-солнце Индру, бога небеснаго пространства, «все обтекающаго» Варуну (§ 8) и другія силы природы пѣснями и жертвоприношеніями и укрѣпляли свое мужество въ бояхъ и племенныхъ усобицахъ. Въ древнѣйшихъ частяхъ Ведъ уцѣлѣли еще нѣкоторыя изъ стародавнихъ пѣсенъ и воззваній, пѣвшихся на празднествахъ богамъ и на жертвенныхъ пирахъ въ память умершимъ: эти пѣсни переходили изъ рода въ родъ и сохранялись въ изустномъ преданіи. Раздѣленіе на касты было еще неизвѣстно; каждый отецъ семейства могъ приступать къ богамъ съ жертвой и молитвою; однѣ торжественныя жертвы, приносимыя царемъ за цѣлое племя, совершались

извѣстными жреческими родами, особенно угодными божеству и бывшими въ большомъ почетѣ у племеначальниковъ. Въ своемъ постепенномъ расширеніи на югъ, Индійцы можетъ-быть въ 14 и 13 столѣтіи достигли уже устьевъ Инда и завели на южномъ берегу моря торговыя связи съ Египтянами и Финикійцами. Ибо страна Офиръ, гдѣ финикійскіе мореходы забирали дорогіе камни, золото, обезьянъ, павлиновъ, сандалъ и слоновую кость, лежала на нижнемъ Индѣ (Абгира).

Патріархальный этотъ бытъ, съ наивнымъ поклоненіемъ природѣ, узнаемъ мы изъ гимновъ древнѣйшей части Ведъ, Ригведы, — собранія священныхъ пѣсенъ, которыми предки Индійцевъ, живя по берегамъ пяти рѣкъ, молили о благоденствіи себѣ и стадамъ своимъ, привѣтствовали появленіе утренней зари, славили битву молніеноснаго бога (Индры) съ темною силой и восхваляли помощь силы небесной, которая спасала ихъ въ бояхъ. Эти пѣсни расположены по родамъ пѣвцовъ, которымъ ихъ приписывали; онѣ не всѣ религіознаго содержанія, иныя принадлежатъ свѣтской поэзіи и переходятъ даже въ область шутки. Какъ Ригведа, такъ и три впослѣдствіи къ ней примкнувшія книги, были потомъ значительно распространены трудами жрецовъ и собраны въ три большіе отдѣла, — Самгиты, сборникъ настоящихъ пѣсенъ и молитвъ, Брахманы, которыя содержатъ въ себѣ древнѣйшія правила обрядовъ, словотолкованія, легенды и проч., и Сутры, въ которыхъ изложены важнѣйшія начала вѣроученія и правила жертвоприношеній и религіозныхъ обрядовъ. Книги вторая и третья, Самаведа и Яджуръ-веда, содержатъ въ себѣ стихиры, жертвенныя изреченія и молитвословія для богослужебныхъ цѣлей; и наконецъ позднѣйшій сборникъ, Атарваведа, можно считать дополненіемъ къ Ригведѣ. Онъ преимущественно наполненъ заговорами противъ губительнаго дѣйствія самихъ божествъ и противъ болѣзней и вредоносныхъ животныхъ, заклятіями на злыхъ враговъ, призываніями благотворныхъ силъ и т. д. Веды писаны на священномъ, уже мертвомъ теперь, языкѣ санскритскомъ, который отличается обиліемъ словъ, благозвучіемъ, гибкостью формъ, и былъ съ весьма раннихъ поръ предметомъ грамматическаго изслѣдованія въ школахъ браминовъ. Склоненія и спряженія санскрита развитѣе, богаче и разнообразнѣе греческихъ; правила благозвучія, словообразованія и словосочетанія его свидѣтельствуютъ о лингвистическомъ мастерствѣ, поистинѣ приводящемъ въ удивленіе. Замѣчательно сходство многихъ индійскихъ словъ и формъ съ словами и формами другихъ языковъ, на-

примѣръ греческаго, римскаго и т. д. Это сходство простирается почти на весь наличный запасъ корней и на всю систему грамматическаго организма.

§ 25. Арійцы на Гангѣ. а) Героическій періодъ. Второю степенью развитія было завоеваніе низменностей Ямуны (Джемны) и Ганга: начавшись приблизительно въ 14-мъ столѣтіи до Р. Х., оно положило основаніе героическому періоду, исполненному воинскихъ подвиговъ, о которыхъ воспоминаніе сохранилось еще въ древнѣйшихъ сказаніяхъ національнаго эпоса, Магабгараты и Рамаяны, и въ именахъ нѣкоторыхъ княжескихъ и царственныхъ родовъ. Въ узкой полосѣ земли, на рубежѣ пустыни, гдѣ священная Сарасвати раздѣляетъ область Инда и область Ганга, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій происходила кровопролитная борьба, предшествовавшая прочному завоеванію этого благословеннаго края Арійцами. Не только черное первобытное населеніе было побѣждено мечемъ послѣ упорныхъ усилій и частію истреблено, частію порабащено, частію прогнано завоевателями въ лѣса и горы; но и самые завоеватели были вытѣсняемы далѣе на востокъ изъ мѣстъ, столь дорого ими пріобрѣтенныхъ, новыми приливами Арійцевъ съ запада. Эта кровавая борьба произвела полный переворотъ въ нравахъ и образѣ жизни завоевателей. Вмѣсто мелкихъ распрей и хищныхъ набѣговъ, которые совершались на Индѣ для пріобрѣтенія стадъ или пастбищъ, предпринимались теперь походы съ завоевательною цѣлью, давались сраженія, совершались ратные подвиги; родоначальники превращались въ военныхъ царей, подлѣ которыхъ стояло воинственное служебное дворянство; первобытныя религіозныя пѣсни Ведъ уступали мѣсто воинскимъ и героическимъ пѣснямъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выработался индійскій эпосъ. Въ то же время, порабощеніемъ прежнихъ обитателей страны положено было основаніе строгому раздѣленію на касты. Послѣ завоеванія, арійскія племена основали различныя царства. На Ямунѣ поселились Матсьи, Суразены и вооруженный дубьемъ пастушескій народъ Ядава, и построили города Индрапрасту и Матгуру; между Ямуною и Гангомъ жили Панчалы и состоявшее въ союзѣ съ ними, героическое племя Куру въ своей столицѣ Гастинапурѣ; далѣе къ востоку поселились Ко-

салы вокругъ блестящей столицы Айодъя; Варанаси (Бенаресъ) былъ мѣстопоселеніемъ Касіевъ; на нижнемъ Гангѣ поселились Магадги и Видеги. Паталипутра (Палиботра), при впаденіи Соны въ Гангъ, впослѣдствіи прославилась какъ средоточіе древне-индійской образованности и великолѣпія.

Къ эпохѣ завоеванія относится происхожденіе героическихъ сказаній и воинскихъ пѣсней, составляющихъ основу и древнѣйшее содержаніе двухъ большихъ эпопей — Магабгараты и Рамаяны. Онѣ долгое время распространялись и пополнялись изустнымъ преданіемъ и наконецъ были сложены въ одно цѣлое искуснымъ собирателемъ. Такимъ собирателемъ и составителемъ Магабгараты считается Вьяса, а Рамаяны — Вальмики; но оба, подобно Гомеру, лица миѳическія. Такъ какъ каждое поколѣніе дѣлало новыя дополненія и поправки въ эпическихъ сказаніяхъ, и старалось приладить ихъ къ духу, степени образованія и религіознымъ понятіямъ своего времени, то индійскій эпосъ не только безмѣрно разросся въ своемъ объемѣ, и превратился въ нестройную массу вслѣдствіе позднѣйшихъ разнообразныхъ прибавленій, но и подвергся значительнымъ измѣненіямъ относительно языка, формы и понятій и нерѣдко искаженъ въ самыхъ существенныхъ частяхъ своихъ. Первоначально воинскій и героическій характеръ его, въ рукахъ браминовъ, былъ вытѣсненъ религіознымъ и жреческимъ воззрѣніемъ и растянутъ до безконечности вставными религіозными и нравственными поученіями. Въ Магабгаратѣ, напримѣръ, повѣствованіе о «великой войнѣ» прерывается знаменитымъ разговоромъ Бгагавадъ-Гита (божественная пѣснь), въ которомъ Кришна передаетъ Арджунѣ 18 пѣсней сряду, въ виду сражающихся войскъ, о глубокихъ философскихъ и нравственныхъ вопросахъ. Въ Магабгарату вставлены также многіе другіе эпизоды и «индійскія саги», какъ напримѣръ извѣстный расказъ: «Наль и Дамаянти», идиллическій расказъ о вѣрной Савитри и др.; а зерно и главное содержаніе поэмы составляетъ «сказаніе о великой войнѣ», или борьба между двумя родственными родами героевъ, Куру и Пандава. Дурьіодгана, царь Гастинапурскій, глава рода Куру, сначала подѣлилъ царство между сыновьями Панду, своими родственниками, изъ которыхъ главную роль играютъ Юдгиштира и Арджуна. Но Юдгиштира проигралъ свое царство и всѣ свои сокровища Дурьіодганѣ, вслѣдствіе чего сыновья Панду уходятъ въ лѣсъ, гдѣ обѣщаютъ оставаться тринадцать лѣтъ. Наученные хитрымъ Кришною, который впослѣдствіи былъ прославленъ подъ именемъ «пріобрѣ-

тателя коровъ» (Говинда) и котораго геройскіе подвиги и любовныя похожденія съ пастушками расказаны въ принадлежащей позднѣйшему времени полу-лирической, полу-драматической поэмѣ Гита Говинда, сыновья Панду нарушили свое клятвенное обѣщаніе и начали большую войну съ родомъ Куру, въ которой вскорѣ приняли участіе всѣ арійскія племена. Куру, изъ коихъ особенно замѣчательны престарѣлый герой Бгишма и поэтическая личность Карны, сначала имѣютъ перевѣсъ, но подъ конецъ противники побѣждаютъ ихъ съ помощію хитрости и коварной измѣны Кришну, управляющаго колесницею Арджуны. — Между тѣмъ какъ древнѣйшія пѣсни Магабгараты проникнуты воинственнымъ духомъ, и герои ихъ, «никогда не показывавшіе тыла въ бою, а всегда поражаемые въ грудь», мѣрялись силами между собою, въ Рамаянѣ на первомъ планѣ выставлены пассивныя добродѣтели: вѣрность, послушаніе, любовь къ родителямъ и любовь супружеская. Рама — олицетвореніе добродѣтели, полное выраженіе индійскихъ понятій о нравственности; въ этомъ образѣ рыцарскіе военные подвиги освящены высшими доблестями: благочестіемъ, преданностію долгу, кроткою покорностію судьбѣ; оттого героическія сказанія Рамаяны очевидно принадлежатъ позднѣйшему времени. Рама, добродѣтельный царскій сынъ въ странѣ Аиодья (Аудъ), лишенъ престола кознями своей мачихи и удаляется въ лѣсъ съ женою Ситой, которая не хочетъ покинуть его. Здѣсь борется онъ противъ духовъ-великановъ (Ракшаса) и чудищъ юга и этою борьбою возбуждаетъ гнѣвъ могущественнаго царя великановъ Раваны на Ланкѣ (островъ Цейлонъ). Изъ мести увозитъ Равана на островъ жену Рамы — Ситу. Чтобы возвратить жену, Рама соединяется съ обезьянами или лѣсными людьми, подъ которыми, какъ и подъ Ракшасами, нарушающими благочестивыя дѣла отшельниковъ, должно разумѣть дикія племена первобытныхъ обитателей Декана. Вспомоществуемый царемъ обезьянъ Ганумaномъ, Рама переходитъ на островъ Цейлонъ по мосту изъ коралловыхъ скалъ, послѣ страшнаго боя побѣждаетъ царя великановъ Равану и возвращаетъ свободу вѣрной своей Ситѣ. Между тѣмъ исполнились четырнадцать лѣтъ изгнанія, — Рама возвращается въ Аиодью, и правитъ царствомъ счастливо и мудро, такъ что правленіе его открываетъ собою золотой вѣкъ. — Какъ въ Магабгаратѣ историческою основою поэмы служитъ завоеваніе долины Ганга, такъ въ Рамаянѣ такою основою служитъ распространеніе Арійцевъ въ южной части полуострова. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Рамаянѣ содержатся древнѣйшія легенды и воспоминанія о первыхъ попыткахъ колонизаціи Декана и соединенной съ ними упор-

ной борьбѣ противъ дикихъ первобытныхъ его обитателей; не сомнѣнно и то, что святые отшельники и мудрецы, поддерживавшіе походъ Рамы и основывавшіе святилища въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ проходилъ, были первыми двигателями мирнаго распространенія арійской религіи и образа жизни, и что они положили основаніе будущимъ царствамъ и городамъ. Сита значитъ «борозда пашни», а Рама— «плугоноситель», чѣмъ ясно обозначается аллегорическое отношеніе между ними.

б) Арійцы подъ властью браминовъ. Завоевательная борьба повидимому поколебала и сломила народныя силы Индійцевъ. Оттого сословію жрецовъ не трудно было, по наступленіи мира и спокойствія, вытѣснить ослабленное военное сословіе изъ его прежняго общественнаго положенія, тѣмъ болѣе что разслабляющій климатъ и необычайное плодородіе въ новыхъ поселеніяхъ на Гангѣ и Ямунѣ болѣе благопріятствовали спокойному, религіозному настроенію и мирнымъ занятіямъ, нежели развитію воинскаго духа и военной дѣятельности. Эти обстоятельства, въ соединеніи съ пассивнымъ характеромъ народа, сильно помогли браминамъ въ ихъ стремленіи подчинить всю его внутреннюю и внѣшнюю жизнь жреческому закону. Они мало по малу вытѣснили древнюю естественную религію, замѣнивъ ее пантеистическимъ, эманаціоннымъ ученіемъ о Брамѣ, какъ душѣ міра (см. § 8); они препятствовали свободному развитію народныхъ силъ строгимъ раздѣленіемъ народа на касты, причемъ присвоили себѣ первое мѣсто, и опутали жизнь безчисленными обрядовыми законами, жертвоприношеніями и очищеніями; они сообщили земной жизни мрачный оттѣнокъ чрезъ устрашающее ученіе о перерожденіяхъ и мученіяхъ ада, и подавили всякое живое начало въ человѣкѣ, всякій радостный порывъ; они указывали на мрачную аскетическую жизнь, исполненную искусственнаго покаянія и самоистязаній, на умерщвленіе плоти и всякаго чувственнаго удовольствія чрезъ погруженіе въ созерцаніе воображаемаго божества, какъ на вѣрнѣйшій путь къ освобожденію души отъ тѣлесныхъ оковъ и къ возвращенію изъ бѣдственной земной жизни въ небесное отечество. Въ тоже время они усиливались привести въ порядокъ и вполнѣ усвоить себѣ новое міросозерцаніе во всей его величествен-

ной односторонности посредствомъ ученаго формализма и схоластической умственной дѣятельности, полной замысловатыхъ діалектическихъ уловокъ.

По ученію Ведъ, были три чистыя касты: 1) Брамины, вышедшіе изъ устъ Брамы, 2) Кшатріи (воины) — изъ рукъ Брамы, и 3) Ваисьи (земледѣльцы, купцы и ремесленники), — изъ ногъ Брамы. Эти три касты могутъ читать священныя книги (Веды), участвовать въ жертвоприношеніяхъ и считаются дважды рожденными, т. е. возродившимися. Четвертая каста, судры, черпокожіе покоренные обитали Индіи, имѣвшіе совершенно другой языкъ, но принадлежавшіе къ сферѣ браминской жизни и вѣроученія, должны быть слугами другихъ и пользуются ихъ презрѣніемъ. Они исключены отъ религіознаго общенія съ народомъ и лишены освященія посредствомъ священнаго пояса, которое составляетъ исключительное достояніе трехъ первыхъ кастъ. Изъ этой касты брали рабовъ и слугъ. Въ настоящее время она сдѣлалась въ Индіи кастою, занимающеюся ремеслами и земледѣліемъ. Брамины считаются людьми священными и неприкосновенными; они не подлежатъ тѣлесному наказанію ни за какое преступленіе, между тѣмъ какъ нанесенное имъ оскорбленіе остается вѣчнымъ пятномъ на душѣ оскорбителя и подвергаетъ его жесточайшимъ временнымъ и вѣчнымъ наказаніямъ. Браминъ охраняетъ религію, читаетъ и толкуетъ Веды, совершаетъ жертвоприношенія, молитвы и очищенія, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, печется о наукахъ и искусствахъ, даетъ совѣты царямъ, и во всемъ этомъ долженъ быть образцомъ мудрости, справедливости и нравственной чистоты. Оттого имѣетъ онъ право на такое же почитаніе, какое воздается богамъ.

Кшатріи, къ которымъ принадлежали цари, составляли военное дворянство, завѣдывавшее обороною страны и вообще военными дѣлами. Владѣя огромными помѣстьями, получая богатое вознагражденіе отъ царей, снабженные оружіемъ и всѣми боевыми принадлежностями, они жили беззаботно, развлекаясь ратными упражненіями, охотою и воинскими пѣснями. Въ противоположность неимѣвшимъ знатныхъ предковъ ваисьямъ, жрецы и воины составляли два первенствующія сословія.—Но кромѣ этихъ чистыхъ кастъ, опирающихся на правомѣрное происхожденіе отъ ровныхъ браковъ, были еще смѣшанныя и нечистыя касты, къ которымъ причислялись какъ потомки дикихъ первобытныхъ обитателей Индіи, оставшіеся чуждыми браминской образованности, такъ и всѣ рожденные отъ недозволенныхъ браковъ: касты эти такъ размножились съ теченіемъ времени, что въ настоящее время

ихъ не менѣе сорока. Самою униженною и презрѣнною считалась каста чандаловъ, занятія которыхъ состояли въ уборкѣ падали и исполненіи смертной казни надъ преступниками. Чандалы извѣстны подъ названіемъ паріевъ, безгранично презираемыхъ въ Индіи. Они не смѣютъ жить въ городахъ, мѣстечкахъ и селеціяхъ, даже близко отъ такихъ мѣстъ; все, къ чему только прикоснулись они, считается нечистымъ; нечистою слыветъ даже вода, по которой пробѣжала одна тѣнь чандала. Каждый, кому случится увидѣть его, признаетъ себя оскверненнымъ. Если чандалы покажутся на дорогѣ, по которой проходятъ брамины или только свита браминовъ, то ихъ преслѣдуютъ, разгоняютъ и убиваютъ, какъ дикихъ звѣрей, чтобы не дышать однимъ воздухомъ съ ними. Говорятъ, будто отъ нихъ происходятъ Цыгане. Хотя, съ одной стороны, такое строгое раздѣленіе народа по наслѣдственнымъ сословіямъ и занятіямъ до нѣкоторой степени имѣло слѣдствіемъ сохраненіе національныхъ его особенностей и развитіе земледѣльческой и ремесленной промышленности; за то, съ другой стороны, оно способствовало порабощенію народа и угнетенію низшихъ классовъ высшими.

в) Индійское государство и законодательство. Брамины подчинили своему закону не только религію и область вѣры, наложивъ на нихъ печать своего особеннаго спиритуализма, но старались еще подвести подъ свое воззрѣніе и приноровить къ своимъ правиламъ государство и законодательство, т. е. гражданскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ этою цѣлію составили они собраніе законовъ, будто бы данныхъ самимъ Ману и имѣющихъ божественное происхожденіе; эти законы должны были имѣть силу во всѣхъ индійскихъ государствахъ и держать народъ въ повиновеніи и покорности посредствомъ жестокихъ наказаній и строгаго деспотизма, основаннаго на чиновническомъ и полицейскомъ порядкѣ. Законы Ману присвоиваютъ индійскимъ царямъ, принадлежащимъ къ воинской кастѣ, высшую степень полновластія; но за такое содѣйствіе деспотизму, брамины потребовали себѣ всякаго рода преимуществъ: ихъ собственность была освобождена отъ налоговъ, они составляли совѣтъ царя и руководили его рѣшеніями по управленію и законодательству. Индійская нація никогда не была связана какимъ нибудь общимъ интересомъ; подобно тому, какъ существовали порознь отдѣльныя касты, все ин-

дійское царство распалось на множество государствъ, между которыми не было никакой внѣшней связи. Отдѣльныя государства состояли въ свою очередь изъ множества разрозненныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ, которыя едва соединялись въ окружное управленіе, и то лишь ради сбора податей и главнаго надзора. Налоги были до того обременительны, что походили на грабежъ: не только взималась значительная подать со всѣхъ естественныхъ произведеній, но и торговля подверглась страннымъ таможеннымъ и другимъ поборамъ; ремесленники и поденщики должны были работать безплатно одинъ день въ мѣсяцъ для казны. Къ этому присоединялись поголовная подать и такъ называемыя добровольныя приношенія. Такія политическія и общественныя условія конечно не могли способствовать развитію политическаго смысла въ индійскомъ народѣ; народъ отвернулся отъ безотрадной дѣйствительности, въ которой всякая радость подавлялась мрачнымъ деспотизмомъ, соединеннымъ съ тяжкими налогами, съ произволомъ и наглостію чиновниковъ, и искалъ счастія и спасенія въ области вѣры и фантазіи, въ мірѣ воображенія и мечтаній.

Законы Ману, котораго называли то первымъ человѣкомъ, то первымъ царемъ, то первымъ мыслителемъ и святымъ жрецомъ, заключаютъ въ себѣ: 1) правила, предписываемыя Ведами; 2) «обычаи добрыхъ», т. е. обычное право и древніе юридическіе обычаи отдѣльныхъ мѣстностей, въ особенности священной страны на берегахъ Ямуны; 3) изреченія и поученія древнихъ жрецовъ и мыслителей. Начинаясь сказаніемъ о мірозданіи, эта книга говоритъ о воспитаніи, потомъ переходитъ къ законамъ о бракѣ, домашнимъ обязанностямъ, постамъ и очищеніямъ, богопочитанію, управленію и законодательству, исполненію законовъ, торговлѣ, смѣшаннымъ кастамъ, покаянію и примиренію съ божествомъ, и оканчиваетъ переселеніемъ душъ и загробною жизнію. Всѣ законы Ману раздѣлены на двѣнадцать книгъ; отдѣльные законы изложены въ стихотворной формѣ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ они принадлежатъ 7-му вѣку до Р. Х. Законы Ману сравниваютъ царей съ богами. «Брама создалъ царя, взявъ части изъ сущности осьми хранителей вселенной, которыя и соединяются въ особѣ царя. Какъ Индра блистаетъ лучезарнымъ сводомъ небеснымъ, такъ царь превосходитъ блескомъ всѣхъ смертныхъ; какъ Индра четыре мѣсяца льетъ воду съ неба, такъ и царь

должень благодѣяніями осыпать свой народъ. Подобно Сурьѣ (богу солнца), сіяетъ царь во всѣхъ глазахъ и сердцахъ, и никто не смѣетъ воззрѣть на ликъ его. Какъ Сурья въ теченіе осьми мѣсяцевъ тянетъ своими лучами сырость изъ земли, такъ и царь властенъ брать правомѣрныя подати съ своихъ подданныхъ. Какъ Вайу (вѣтеръ) облетаетъ землю и всѣхъ тварей и проникаетъ ихъ, такъ всюду должна проникать царская власть. Какъ Яма въ подземномъ царствѣ, такъ и царь долженъ быть справедливымъ повелителемъ; какъ Яма, когда приходитъ время наказывать, караетъ и враговъ и друзей своихъ, и тѣхъ, кто поклоняется ему, и тѣхъ, кто его презираетъ, такъ и царь долженъ судить своихъ подданныхъ. Какъ богъ Варуна, объемлющій вселенную, подъ конецъ все-таки опутываетъ и задерживаетъ виновныхъ, такъ и царь долженъ заключать преступниковъ въ тюрьму. Какъ Агни, царь есть священное пламя; онъ долженъ истреблять огнемъ своего гнѣва всѣхъ преступниковъ, цѣлыя семьи со всѣмъ ихъ имуществомъ и стадами, и долженъ быть неумолимъ къ своимъ министрамъ. Какъ люди радуются при видѣ бога луны (Чандры), такъ радуетъ ихъ ликъ добраго повелителя; какъ Рувера посылаетъ изобиліе, такъ награждаетъ дарами благосклонный царскій взоръ.»

г) **Браманизмъ и буддизмъ.** Среди спокойной и однообразной жизни на Гангѣ, брамины все болѣе и болѣе погружались въ умозрѣнія объ отношеніи міра къ Брамѣ. Они разорвали всякую связь между духомъ и матеріей, между тѣломъ и душою; приписывая дѣйствительное бытіе только сверхъ-естественному, и признавая исключительною задачею земной жизни созерцаніе Брамы, они дошли до фантастическихъ ученій и грезъ о ничтожествѣ міра явленій и всенаполняющемъ разливѣ божественной жизни. Они приписывали гораздо больше важности безмятежному созерцанію и спокойной думѣ, чѣмъ развитію духовныхъ и физическихъ силъ человѣка на благо всему человѣчеству, и высокомѣрно избѣгали всякаго общенія съ низшими классами народа. Они старались разрѣшить задачу земнаго бытія рабскимъ исполненіемъ безчисленныхъ заповѣдей, установленій и правилъ на всѣ случаи жизни, покаяніемъ и самоистязаніемъ, ханжествомъ безъ всякаго духовнаго напряженія и высокихъ нравственныхъ стремленій, очищеніемъ, воздержаніемъ отъ мясной пищи (такъ какъ по ученію о душескитательствѣ и въ животныхъ

могли быть человѣческія души), умерщвленіемъ плоти и чувственныхъ пожеланій, и черезъ все это надѣялись сдѣлаться причастными вѣчнаго спокойствія въ Брамѣ. Такимъ образомъ Индійцы на Гангѣ стали совершенно чужды дѣйствительной и дѣятельной жизни, и «міръ фантазіи сдѣлался ихъ отечествомъ, небо ихъ родиной». Умозрѣніе браминовъ достигло наконецъ той высоты, которая угрожала погибелью всякой реальной и практической жизни, когда Будда (ум. 540 г.), «пробужденный», царскій сынъ изъ Капилавасту на предгорьяхъ Гималайи, явился основателемъ новаго ученія, которое вскорѣ сильно распространилось и оказало огромное вліяніе на понятія всего Востока. Будда однимъ ударомъ уничтожилъ браминскую систему, отвергая существованіе всѣхъ небожителей и самого Брамы, не признавая спасительной силы Ведъ, проповѣдуя вмѣсто суроваго аскетизма, жертвоприношеній и очистительныхъ правилъ, нравственное ученіе о снисхожденіи, милосердіи, любви къ человѣку и ко всѣмъ тварямъ; онъ разрушилъ также порядокъ, основанный на кастахъ и высокомѣріи высшихъ сословій, ученіемъ о равенствѣ между всѣми людьми. Но дѣйствуя все-таки въ кругѣ индійскихъ понятій, онъ тоже полагалъ цѣль земной жизни въ умерщвленіи всѣхъ страстей и пожеланій, въ бездѣйственномъ существованіи, исполненномъ страдательныхъ добродѣтелей. Будда отрекся отъ своего высокаго происхожденія, удалился въ лѣса, прикрытый нищенскою одеждой, и тамъ стремился постигнуть вѣчную истину, предаваясь самому тяжкому покаянію и умерщвленію плоти. Достигнувъ наконецъ желаннаго просвѣтленія, онъ выступилъ учителемъ и основателемъ новой религіи; но онъ не жилъ, подобно мудрецамъ-браминамъ, въ одиночествѣ и въ пустынѣ, а ходилъ съ нѣсколькими учениками по долинѣ Ганга, проповѣдуя свое ученіе о всеобщемъ страданіи и его исцѣленіи. Онъ обращался не къ высшимъ сословіямъ, какъ дѣлали брамины, но ко всему народу безразлично, какъ къ «дваждырожденнымъ», такъ и къ судрамъ и чандаламъ; онъ училъ объ «одномъ законѣ милосердія для всѣхъ», и тѣмъ сильно привлекъ къ себѣ низшихъ и угнетенныхъ, ожидавшихъ отъ него освобожденія изъ-подъ ига тѣхъ общественныхъ условій, которыя неразлучны съ принудитель-

нымъ раздѣленіемъ людей на касты, по происхожденію ихъ. Ученіе о равенствѣ между людьми, о достиженіи вѣчнаго покоя посредствомъ добродѣтельной и человѣколюбивой жизни, и освобожденіе отъ фантастическихъ системъ и ханжества высокомѣрныхъ браминовъ произвели сильное впечатлѣніе въ Индіи. Увѣровавшіе ученики, странствуя по примѣру обожаемаго учителя въ желтой нищенской одеждѣ, быстро разнесли ученіе Будды по всему пространству отъ Гималайи до Цейлона, и повсюду были сооружены ими въ безчисленномъ множествѣ памятники (ступы) въ честь учителя, съ общежительными постройками для послѣдователей новаго ученія, отрекшихся отъ міра (бикшу). Брамины тревожно слѣдили за возраставшими успѣхами буддизма. Они пытались противодѣйствовать ему, стараясь сдѣлать свою религіозную систему доступнѣе для народа и сблизить ее съ міромъ дѣйствительнымъ развитіемъ догмата о воплощеніяхъ (см. § 8); они передѣлали народный эпосъ въ этомъ смыслѣ и расширили его глубокомысленной бесѣдою Бгагавадъ-Гиты. Буддизмъ имѣлъ также огромное вліяніе на индійское искусство. Куполообразныя ступы, извѣстныя у Европейцевъ подъ именемъ пагодъ и построенныя буддистами въ память учителя надъ тѣлесными его останками, которые признавались за святыню, побудили и служителей Брамы строить храмы и жилища въ честь своихъ боговъ и украшать ихъ живописью и символическими изображеніями. Такъ возникли, доселѣ возбуждающіе общее удивленіе, горные и пещерные храмы — эллорскій, сальсетскій, элефантинскій и другіе. Но ни въ раздѣленіи на касты, ни въ правилахъ аскетизма, ни въ безчисленныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ брамины не допустили никакой перемѣны; оттого ихъ усилія вытѣснить буддизмъ не имѣли успѣха. Даже многіе цари (прежде всѣхъ Асока) обратились къ буддизму. Наконецъ удалось однако браминамъ возбудить противъ буддистовъ кровавыя гоненія, которыя вскорѣ приняли страшные размѣры и имѣли слѣдствіемъ почти совершенное истребленіе буддистовъ въ верхней Индіи. О свирѣпости этого преслѣдованія, повидимому достигшаго высшей степени въ шестомъ столѣтіи по Р. Х., сви-

дѣтельствуетъ слѣдующее повелѣніе одного царя: «Кто отъ моста до снѣжныхъ горъ не душитъ буддистовъ, не щадя при этомъ ни стараго, ни малаго, тотъ самъ будетъ задушенъ!» наказывалъ царь слугамъ своимъ. Мостъ, о которомъ говорится здѣсь, есть проливъ, отдѣляющій Цейлонъ отъ Декана, а снѣжныя горы — вершины Гималайи; стало быть, преслѣдованіе обнимало весь полуостровъ. Приверженцевъ, утраченныхъ здѣсь буддизмомъ, съ избыткомъ замѣнили новые на островѣ Цейлонѣ, въ Тибетѣ, Китаѣ и другихъ краяхъ, гдѣ сильно распространилось это ученіе; но быстро распространяясь, оно принимало въ себя чуждые элементы и чрезъ приспособленіе къ иноземнымъ религіознымъ понятіямъ мало по малу приближалось къ тому искаженному состоянію, въ какомъ мы видимъ его теперь. Религіозная система буддистовъ тоже наполнилась безчисленнымъ множествомъ божествъ, догматическая сторона ихъ ученія превратилась въ дикій, чудовищный мистицизмъ, ихъ религіозныя сочиненія размножились до безконечности, самая религія стала великолѣпно обстановленнымъ, но безжизненнымъ исполненіемъ обрядовъ и формальностей, а ученіе о достоинствѣ аскетическаго жречества и бездѣйственной жизни отшельниковъ (бикшу) въ домахъ религіозныхъ общинъ (вигара) породило властолюбивую и сильную іерархію.

Многочисленные жрецы, считавшіе праздную созерцательность святою и высшею заслугою, удалились отъ практической жизни и общенія съ народомъ, основали отшельническіе ордена и братства и стремились къ достиженію святости чрезъ воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій, безбрачіе, отчужденіе всякаго земнаго имущества и соблюденіе множества суевѣрныхъ обычаевъ, формальныхъ молитвъ (съ помощію четокъ) и благочестивыхъ обрядовъ (процессій, самоистязаній, хожденій на богомолье). Самое многочисленное сословіе жрецовъ-буддистовъ — въ Тибетѣ, гдѣ принадлежатъ къ нему половина жителей и пользующійся божескими почестями духовный и свѣтскій владыка Далай-Лама. Вошло въ обычай класть останки Будды въ драгоцѣнные ящики и ставить около нихъ или надъ ними памятникъ (ступа), обыкновенно въ формѣ цилиндра съ куполомъ. О магадъяскомъ царѣ Асокѣ (около 250 г. до Р. Х.) расказываютъ,

что онъ велѣлъ вскрыть восемь ступъ, первоначально содержавшихъ въ себѣ останки Будды (за исключеніемъ одной, стоявшей въ Рамагрѣ) и раздѣлить каждую изъ семи частей Будды еще на 12,000, такъ что всѣхъ частей составилось 84,000. Потомъ, когда эти части были опять положены въ золотые, серебряные, хрустальные и лазуревые ящики, Асока роздалъ ихъ 84,000-мъ городовъ и мѣстечекъ своего царства, велѣлъ построить надъ каждымъ ящикомъ по ступѣ и, сверхъ того, при каждой ступѣ имѣть монастырь (вигару). Но и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были освящены присутствіемъ Будды и гдѣ онъ проповѣдывалъ, училъ и совершалъ чудеса, были построены памятники и святилища; говорятъ, царь Асока даже велѣлъ соорудить ступы надъ останками главнѣйшихъ учениковъ Будды, вслѣдствіе чего еще больше распространилось поклоненіе тѣламъ умершихъ. На этихъ памятникахъ сосредоточилось все благоговѣніе буддистовъ. На стѣнахъ почти всѣхъ ступъ изображали Будду въ сидячемъ положеніи, со скрещенными руками, съ выраженіемъ спокойной задумчивости или поученія на лицѣ. Изображенія были окружены надписями, заключавшими въ себѣ изреченія Будды и главныя правила его ученія. Усердіе, съ какимъ вѣрующіе стремились поклоняться ликамъ Будды и его избранниковъ и прославлять память его постройками, сообщило сильное движеніе индійской архитектурѣ и пластикѣ и возбудило соревнованіе браминовъ. Такъ возникли огромные пещерные храмы въ Карли, Агантѣ, Эллорѣ и другихъ мѣстахъ. Большія храмовыя и подземныя сооруженія въ Эллорѣ (въ центрѣ верхней Индіи), Сальсеттѣ (около Бомбея) и на островѣ Элефантѣ (въ Бомбейскомъ заливѣ), гдѣ въ скалахъ высѣчены ярусами и рядами, на протяженіи многихъ верстъ, храмы, жилища, галереи съ изваяніями и надписями, и башнеобразныя ступы, доселѣ возбуждаютъ изумленіе путешественниковъ и свидѣтельствуютъ о могущественномъ вліяніи жреческаго сословія и самоотверженномъ напряженіи народныхъ силъ въ пользу религіи. Особенно замѣчательны священные памятники Эллоры. «Эллорскія работы, сказано въ одномъ изъ новѣйшихъ путешествій, далеко превосходятъ всѣ другіе памятники въ этомъ родѣ оконченностію рисунка и исполненіемъ. Гроты, храмы и жилища высѣчены въ скалистой горѣ, простирающейся полукружіемъ больше чѣмъ на цѣлый часъ ходьбы, и содержатъ въ себѣ, сверхъ украшеній и скульптурныхъ издѣлій, ихъ покрывающихъ, безчисленное множество такихъ искусныхъ и трудныхъ работъ, которыя могли быть исполнены лишь въ теченіе необъятнаго періода времени, съ настойчивостію и терпѣніемъ, превышающими всѣ наши понятія». Но ни постройки, ни

скульптура Индійцевъ не имѣютъ художественнаго достоинства. «Ихъ архитектурныя формы тяжелы, напыщенны, загромождены и притомъ совершенно неопредѣленны; въ нихъ не преобладаетъ ни прямолинейная, ни криволинейная, ни куполообразная, ни прямоугольная форма, но почти всегда встрѣчается смѣшеніе ихъ», а въ изваяніяхъ господствуетъ мягкость, любящая излишнюю полноту тѣлесныхъ формъ, что безъ яснаго обозначенія скелета и мускуловъ, особенно при чрезмѣрной величинѣ фигуръ, производитъ впечатлѣніе вялости и немощной чувственности.

§ 26. Позднѣйшая образованность Индіи. Когда, вслѣдствіе похода Александра Великаго, Индія пришла въ болѣе близкое соприкосновеніе съ западно - азіятскимъ и греческимъ образованнымъ міромъ, индійская жизнь уже склонялась къ упадку, и творческая дѣятельность ея угасла. Духъ отвлеченности и безплоднаго умствованія произвелъ и внесъ въ самый бытъ множество системъ и, утомленный, отдыхалъ теперь, оставляя потомству чудныя свои созданія, какъ готовыя, законченныя формы для внутренней и внѣшней жизни. Правда, религіозныя воззрѣнія еще подверглись съ теченіемъ времени нѣкоторымъ перемѣнамъ; подъ вліяніемъ греческаго духа двинулись впередъ наука и искусство; торговля и промышленность Индіи значительно развились вслѣдствіе сношеній съ образованными государствами александрійской эпохи; но производительная сила Индіи была истощена, и основныя формы быта остались неизмѣнными. Наступила та неподвижность, тотъ духовный застой, которые рано или поздно обнаруживаются во всѣхъ государствахъ Востока, плодомъ тлетворнаго деспотизма и окаменѣлаго дѣленія на касты. Все новое въ литературѣ и философіи было только дальнѣйшимъ развитіемъ и распространеніемъ старыхъ основныхъ понятій. Формы вѣры и богослуженія расходились между собою болѣе и болѣе, секты размножались въ такой же мѣрѣ, какъ и касты, и многобожіе дошло до такого пестраго разнообразія, что первоначальное единство міра Брамы совершенно утратилось. Къ этому времени размноженія сектъ принадлежатъ Пураны, богословскія и философскія поученія, обрядовыя и аскетическія правила и легенды, которыя, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ принадлежатъ 11 или 12 вѣку нашего лѣтосчисленія, но конечно заимствованы изъ болѣе древнихъ писаній. Напротивъ, нѣкоторыя науки были предметомъ ревностнаго

занятія и изслѣдованія. Грамматика рано была отлично обработана и всего болѣе входила въ преподаваніе браминовъ; астрономія процвѣтала подъ вліяніемъ Халдеевъ и Грековъ, которые вѣроятно занесли въ Индію познаніе зодіака; врачебная наука была предметомъ старательнаго изученія; алгебра и десятичная система возникли въ Индіи, и оттуда перешли въ Европу черезъ посредство Арабовъ. Брамины не имѣли большой склонности и способности къ исторіи; однако лѣтописи буддистовъ не лишены достоинства. Въ области поэзіи тоже явились замѣчательныя произведенія у Индійцевъ позднѣйшаго времени. Драма, которая рано была извѣстна Индійцамъ въ соединеніи съ пляскою и музыкой, достигла высокаго совершенства подъ вліяніемъ греческой образованности. Цвѣтистая, прелестная картина судьбы, Сакунтала, или «Роковой перстень», драма поэта Калидасы, жившаго во 2 вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, возбудила такой восторгъ при своемъ первомъ появленіи въ англійскомъ переводѣ, что вскорѣ была переведена на всѣ языки образованной Европы. Въ эпоху македонскаго владычества въ Индіи уже были извѣстны басня, въ которой дѣйствующими являются животныя, и развившійся изъ нея эпосъ, тоже съ животными вмѣсто дѣйствующихъ лицъ. Сборники индійскихъ басенъ и сказокъ проникли въ Европу черезъ посредство Грековъ, Персовъ и Арабовъ. Содержаніе многихъ самыхъ извѣстныхъ европейскихъ басенъ и значительнаго числа арабскихъ сказокъ «1001 Ночи», заимствовано у Индійцевъ. — Пляска, «образъ безостановочно кружающейся, мимолетной жизни міра», вошла въ составъ позднѣйшаго индійскаго богослуженія. Она преимущественно исполнялась публичными танцовщицами — баядерами на торжественныхъ религіозныхъ празднествахъ. — Промышленность и торговля, которымъ брамины не давали большаго значенія, предоставляя ихъ ваисьямъ, съ теченіемъ времени достигли значительнаго развитія, причемъ обнаружилось единственное хорошее вліяніе дѣленія на касты. Исключенные изъ высшей духовной жизни и не встрѣчая внѣшнихъ препонъ, ваисьи посвящали всю свою дѣятельность ремесламъ и передавали свое искусство потомкамъ. Они изобрѣли способъ превращать желѣзо въ

сталь, и металлическія ихъ работы изъ мѣди, золота и серебра уже возбуждали удивленіе Грековъ; индійскія хлопчато-бумажныя, шерстяныя, а можетъ быть и шелковыя ткани высоко цѣнились во всемъ древнемъ мірѣ; съ большимъ искусствомъ обдѣлывались также драгоцѣнные камни. Не менѣе сильно развилась сухопутная и морская торговля Индіи, особенно при содѣйствіи царскаго деспотизма, который для удовлетворенія собственной страсти къ пышности и роскоши, а также для увеличенія своихъ доходовъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, значительно поощрялъ торговыя сношенія. Проводились торговыя дороги, учреждались складочныя мѣста, для внѣшней торговли открывались гавани. Большіе обозы и караваны перевозили въ отдаленные города или къ морскому берегу, для дальнѣйшей отправки, какъ дорогія естественныя произведенія страны, — золото и драгоцѣнные каменья, сандальное дерево и шафранъ, ладанъ, елей и жемчугъ, такъ и произведенія искусства и трудолюбія, — шелковыя ткани, багряницы, красильныя вещества и металлическія издѣлія; торговыя общества, пользуясь гильдейскими правами и ведя обширныя коммерческія дѣла, скопляли огромныя богатства, которыми не рѣдко возбуждали алчность царей и чиновниковъ. Но къ чему служили индійскому народу всѣ дары природы и искусства? Порабощенный духомъ кастъ и деспотизмомъ, напуганный трепетнымъ ожиданіемъ перерожденій и наказаній ада, измученный исполненіемъ религіозныхъ формальностей и правилами мертваго ханжества, раздробленный на множество государствъ и народцевъ безъ всякой общей связи между ними, онъ былъ лишенъ живительнаго и возвышающаго чувства свободы и любви къ отечеству. Робкій и невоинственный, онъ сталъ добычею всѣхъ завоевателей и съ тупою покорностію судьбѣ склонялся подъ всякое чужеземное иго. Исполненный, въ то же время, высокомѣрнаго презрѣнія ко всему иностранному, онъ упорно охранялъ наслѣдованныя отъ предковъ учрежденія и правила, и въ каждой попыткѣ освободить его отъ роднаго суевѣрія и жестокихъ обычаевъ, видѣлъ лишь враждебное посягательство на священныя свои права. Даже обычай, возлагающій на вдову трагическую обязанность добро-

вольно бросаться въ огонь, чтобъ слѣдовать за умершимъ мужемъ въ царство мертвыхъ, до сихъ поръ не могъ быть устраненъ совершенно. Надѣленная лучшими дарами природы и неисчерпаемыми богатствами, Индія съ древнѣйшихъ временъ слыла страною чудесъ всякаго рода, и оттого издавна была цѣлію большихъ завоевательныхъ походовъ и отважныхъ предпріятій, обѣтованнымъ царствомъ преданій, сказокъ и поэзіи.

3. Вавилоняне и Ассирійцы.

§ 27. Въ плодоносныхъ областяхъ, орошаемыхъ Евфратомъ и Тигромъ, и въ изобилующей лугами отлогой Месопотаміи (междурѣчіи) жили искони симитскіе народы, въ томъ числѣ Вавилоняне и Ассирійцы. Первобытные обитатели, пастухи и земледѣльцы, поселившіеся послѣ великаго потопа въ этой богатой сказаніями рѣчной области, вѣроятно были рано покорены горнымъ народомъ Арменіи, Халдеями. Можно предполагать, что часть Халдейскаго народа спустилась съ каменистыхъ высотъ Арменіи вдоль по теченію рѣкъ въ среднюю рѣчную область, и что потомъ часть его пошла далѣе на югъ и заселила плодоносную мѣстность при низовьи Евфрата (Синеаръ, Сеннааръ). Отсюда воинственные старѣйшины сильнаго горнаго народа покорили древнихъ обитателей равнины и основали обширное царство, столицею котораго сталъ Вавилонъ, а властители называются халдейскими царями. Основателемъ Вавилонскаго царства съ столицею Вавилономъ, построенною въ видѣ четыреугольника и пересѣкаемою Евфратомъ, считается Нимродъ, или Невродъ (2100 г.), «исполинъ ловецъ предъ Господомъ Богомъ.» Сто лѣтъ спустя, Нинъ (2000 г.), царь (древней) Ассиріи, основалъ, какъ думаютъ, большой городъ Ниневію, на Тигрѣ, и покорилъ своему владычеству (древнюю) Вавилонію, Мидію, Арменію и другія страны. Супруга Нина, прославленная сказаніями Семирамида, царствовавшая по убіеніи мужа, считается завоевательницею и героинею, которая побѣдоносно проникла до самой Индіи, украсила Ниневію и Вавилонъ величественными постройками, и снабдила свое царство ис-

кусственными дорогами, каналами и всякаго рода сооруженіями. Когда она безвѣстнымъ образомъ исчезла съ земли, въ царствованіе сына ея Нинія и неспособныхъ, изнѣженныхъ его преемниковъ, Ассирійское государство мало по малу приходило въ упадокъ; наконецъ въ 9-мъ вѣкѣ до Р. Х. выродившееся потомство Семирамиды было низвергнуто Белетаромъ, смотрителемъ царскихъ садовъ, и среди сильныхъ междоусобій на ниневійскомъ престолѣ воцарилась новая династія. При ней Ассирійское царство достигло полнаго развитія. Воинственные цари обратили свое оружіе на западъ и завоевали Сирійскій край, вплоть до Ливанскаго хребта и Средиземнаго моря. Царь Фулъ (770 г.) обложилъ данью царство Ефрема или «десяти колѣнъ» (см. § 42, 43) и захватилъ съ собою оттуда огромныя богатства; преемникъ его Тиглатъ Пилесаръ (740 г.) овладѣлъ великолѣпнымъ Дамаскомъ и взялъ тяжкую дань съ царя Іудейскаго, а воинственный Салманасаръ (720 г.) покорилъ финикійское побережье до самаго Египта и переселилъ обитателей побѣжденнаго Самаритянскаго царства во внутренность своихъ владѣній. Преемникъ Салманассара Санхерибъ, или Сеннахиримъ (712 г.) угрожалъ Іудейскому царству тою же участію; но нежданныя бѣды заставили его поспѣшно возвратиться въ Ниневію, гдѣ онъ вскорѣ былъ убитъ своими сыновьями: «и бысть ему кланяющуся въ храмѣ Месераха (Нисроха) бога своего, и Адрамелехъ и Сарасаръ сынове его убиша его мечемъ.» Но сынъ его Ассаргаддонъ (675 — 626 г.) отмстилъ своимъ безчеловѣчнымъ братьямъ, принудивъ ихъ бѣжать изъ царства. Послѣ Санхериба и Ассаргаддона Ниневійское царство пришло въ упадокъ. Тогда мидійскій царь Кіаксаръ (см. § 45) и Халдей Набополассаръ Вавилонскій задумали завоевать его общими силами. Съ многочисленнымъ войскомъ двинулись они къ Ниневіи, но были неоднократно отражены послѣднимъ царемъ Сарданапаломъ (626—606 г.), который при всемъ своемъ, вошедшемъ въ поговорку сладострастіи, любви къ нѣгѣ и роскоши, обнаружилъ большую храбрость въ этой борьбѣ на жизнь и смерть, пока разлившаяся рѣка не обрушила часть городской стѣны и не проложила дороги непріятелю. Отчаявшись въ сво-

емъ спасенія, Сарданапалъ велѣлъ зажечь укрѣпленный царскій чертогъ и сгорѣлъ съ своими женами и сокровищами. Ниневія была разрушена до основанія (606 г.), и Ассирійское царство раздѣлено между побѣдителями. «Воздремашася пастуси твои, царь Ассирійскъ, успи сильныя твоя, воздвигошеся людіе твои на горы и не бяше пріемлющаго», восклицаетъ пророкъ Наумъ; «нѣсть цѣльба сокрушенію твоему, разгорѣся язва твоя: вси слушащіе вѣсть твою восплещутъ руками о тебѣ: понеже на кого не найде злоба твоя всегда» [1]. «Како бысть во изчезновеніе, пажить звѣрямъ», говоритъ другой пророкъ (Софонія); всякъ мимоходяй сквозѣ его позвиждетъ и воздвигнетъ руцѣ свои» [2]. Сказаніе о женоподобіи и изнѣженности Сарданапала, при которомъ погибла Ассирія, какъ и сказаніе о мужескомъ характерѣ Семирамиды, основавшей это царство, повидиму составилось вслѣдствіе смѣшенія религіозно-миѳическихъ и историческихъ преданій. Отрывочныя, разбросанныя свидѣтельства древности даютъ намъ сказочное описаніе величія и пышности прежней столицы Ниневіи, превосходившей будто бы всѣ города Востока обширностію, высотою и толщиною стѣнъ, числомъ домовъ и чертоговъ, а дивныя развалины великолѣпныхъ зданій и произведеній искусства съ богатыми скульптурными украшеніями и клинообразными [3] надписями, съ длинными жертвенными шествіями стройныхъ фигуръ, украшенныхъ курчавыми бородами и женственною одеждой на барельефахъ, съ крылатыми существами, превосходно выполненными въ техническомъ отношеніи, доказываютъ вѣрность вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ и говорятъ о военныхъ дѣяніяхъ и царскомъ могуществѣ древнихъ владыкъ, а также объ искусствѣ, роскоши и образованности обитателей

---

[1] Наумъ, глава 3, ст. 18 — 19.

[2] Софонія, гл. 2, ст. 15.

[3] Такъ называется древне-восточное письмо, сложившееся изъ клинообразныхъ знаковъ; это простѣйшія и первобытнѣйшія изъ письменъ; всѣ знаки этого письма сводятся на два: на перпендикулярно стоящій, или лежащій клинъ большей или меньшей величины, и на угловатый клинъ. Условнымъ соединеніемъ и повтореніемъ этихъ знаковъ выражались извѣстныя буквы и слоги.

ассирійской столицы. Эти развалины найдены при новѣйшихъ раскопкахъ на правомъ берегу Тигра, противъ Мосула, близь селеній Нимрудъ, Куюнджукъ и др.

Долго считали свидѣтельства древнихъ о величіи и обширности города Ниневіи баснословными и преувеличенными; но раскопки, произведенныя въ новѣйшее время, именно плодотворныя открытія Англичанина Лейярда, убѣдительнѣйшимъ образомъ подтвердили точность этихъ свидѣтельствъ. Лейярдъ считаетъ развалины при Нимрудѣ, Куюнджукѣ, Хорсабадѣ и Карамлесѣ, образующія продолговатый четыреугольникъ, частями одного и того же города; такъ какъ пространство, обнимаемое этими остатками древности, почти соотвѣтствуетъ пространству, которое Діодоръ Сицилійскій приписывалъ Ниневіи, и трехдневному странствію пророка Іоны, то Лейярдъ и допускаетъ, что свидѣтельства древности о величинѣ Ниневіи правдоподобны, и не видитъ въ нихъ никакого преувеличенія. Четыре названныя группы развалинъ были, по его мнѣнію, дворцами, изъ коихъ каждый составлялъ средоточіе особаго квартала; кварталы были построены въ разное время и имѣли разныя названія. «Каждый кварталъ былъ въ извѣстное время мѣстопребываніемъ царя, каждый былъ окруженъ стѣною и укрѣпленіями и заключалъ въ себѣ, кромѣ жилыхъ домовъ, сады и земли, отведенныя подъ охоту. Они походили на райскіе сады и парки персидскихъ царей позднѣйшаго времени. Промежутки заняты были домами частныхъ лицъ, стоявшими посреди садовъ, рощъ и пашень. Древнѣйшею частію города была вѣроятно мѣстность при впаденіи Заба въ Тигръ, гдѣ нынѣ селеніе Нимрудъ. Позднѣйшіе цари расширили городъ новыми дворцами; во всякомъ случаѣ дворцы хорсабадскій и куюнджукскій принадлежали позднѣйшему времени. Небольшія жилища частныхъ лицъ (построенныя изъ высушеннаго, а не изъ жженаго кирпича), наполнявшія собою промежуточныя пространства, быстро пришли въ упадокъ; матеріалъ, изъ котораго они были построены, смѣшался съ землею, такъ что по прошествіи немногихъ лѣтъ на поверхности ея отъ нихъ не осталось и слѣда; но земледѣльцу стоитъ только коснуться почвы своимъ плугомъ, чтобы напасть на слѣды прежнихъ жилищъ». Обширность, которую приписывали Ниневіи въ эпоху ея высшаго процвѣтанія (продолжаетъ Лейярдъ), нельзя считать преувеличенною, если принять въ соображеніе особенности восточныхъ городовъ. Относительно населенія они представляютъ не такія условія, какія находимъ въ городахъ европейскихъ. Уже одно затворничество женщинъ въ особыхъ домахъ требовало сравнительно-бо́льшаго

числа жилищъ. Не говоря уже о томъ, что при домахъ были сады и пашни, мы знаемъ изъ Діодора Сицилійскаго и Курція, что даже въ обнесенной стѣною части Вавилона было довольно мѣста, чтобы въ случаѣ осады, производить хлѣбъ для населенія, и сверхъ того были тамъ плодовые и другіе сады. Изъ свидѣтельства Іоны, что въ городѣ водилось много рогатаго скота, можно заключить, что въ немъ было даже достаточно пастбищъ; скульптурныя изображенія показываютъ, что значительная часть населенія жила въ шатрахъ, внутри города, — обычай, доселѣ сохранившійся въ Багдадѣ, Мосулѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ, а для такихъ жилищъ нужно гораздо большее пространство, чѣмъ для хижинъ и мелкихъ построекъ. Города Испагань и Дамаскъ съ садами и предмѣстьями, вѣроятно, мало уступали Ниневіи объемомъ въ лучшія времена свои.

§ 28. Халдеи. Съ тѣхъ поръ господствовали (Ново-) Вавилоняне (Халдеи), особенно при сынѣ Набополассара, воинственномъ и деспотическомъ Небукаднезарѣ (Навуходоносоръ, 604—561 г.), который разбилъ египетскаго царя Нехао при Кархемисѣ (Цирцезіумѣ) на Евфратѣ, обложилъ данью островной городъ Тиръ, Финикію и Сирію, покорилъ Іудейское царство съ главнымъ городомъ Іерусалимомъ и разсѣялъ его жителей. Подчинивъ своему владычеству все пространство отъ Тигра до Средиземнаго моря, Небукаднезаръ расширилъ и украсилъ Вавилонъ построивъ дворцы и другія зданія, которыя могли выдержать сравненіе съ египетскими. На случай наводненія велѣлъ онъ вырыть, выше Вавилона, большой водоемъ; заложилъ на восточной сторонѣ Евфрата новый городъ и дворецъ, обезопасилъ и украсилъ все это высокими стѣнами и безчисленными башнями, воротами и храмами. Такъ называемыя «висячіе сады Семирамиды», одно изъ семи чудесъ древняго міра, тоже были устроены Небукаднезаромъ на высокихъ искусно расположенныхъ террасахъ, въ честь его супруги. Но и величіе Вавилоніи вскорѣ миновалось при сладострастныхъ и изнѣженныхъ преемникахъ Небукаднезара. Прошло еще поколѣніе, и господствующимъ народомъ сдѣлались Мидяне, которымъ вскорѣ наслѣдовали Персы.

Халдейскіе цари снабдили Вавилонъ удивительными постройками и сдѣлали его «гордою красою Халдеевъ, всюду славимымъ мѣстомъ». Обводная стѣна въ 350 футовъ вышины и 37 футовъ ширины ко-

ружала весь городъ, расположенный по обоимъ берегамъ Евфрата и, какъ полагаютъ, имѣвшій около 60 верстъ въ окружности. Два царскихъ дворца на берегахъ рѣки и высокая, четыреугольная, богато-украшенная статуями, живописью и золотыми издѣліями, башня бога-солнца Ваала или Бела, служившая въ тоже время обсерваторіею и поднимавшаяся въ видѣ осьми ярусной постепенно съуживающейся пирамиды на высоту 600 футовъ, были самыми замѣчательными зданіями Вавилона вмѣстѣ съ славившимися во всемъ древнемъ мірѣ висячими садами. Вавилоняне употребляли для построекъ жженый кирпичъ, который не могъ, подобно египетскому граниту, устоять въ теченіе тысячелѣтій противъ всесокрушающей силы времени. Особенно замѣчательны были вызванныя естественными условіями края гидравлическія сооруженія необыкновенныхъ размѣровъ: мосты, каналы, плотины, набережныя, водоемы и т. д., «вавилонскія водотечи», у которыхъ нѣкогда печально сидѣли уведенные изъ отечества Евреи, помышляя о Сіонѣ. Пышность двора возбудила успѣхи промышленности, которая поэтому занялась преимущественно предметами роскоши, тонкими тканями и красильнымъ мастерствомъ, драгоцѣнными коврами и т. п. Поклоненіе солнцу и звѣздамъ привело вавилонскихъ жрецовъ (Халдеевъ) къ астрономическимъ наблюденіямъ. Они вычислили теченіе солнца и раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ по знакамъ зодіака; опредѣлили орбиты планетъ и посвятили имъ семь дней недѣли; они приносили жертвы «созвѣздіямъ и всему сонму небесному». Но такъ какъ они соединяли съ этимъ астрологическія гаданія, усматривали въ созвѣздіяхъ неба волю боговъ, предсказывали по часу рожденія судьбу человѣка и опредѣляли по непрерывно измѣняющемуся стоянію планетъ время удобное для каждаго дѣла, каждаго предпріятія, то естественно попали на ложный путь и впослѣдствіи скитались по свѣту въ качествѣ фигляровъ, колдуновъ, ворожей и снотолкователей. Первая прочная система мѣръ и вѣсовъ, а также начатки геометріи и врачебной науки приписываются Халдеямъ, отъ которыхъ они перешли къ другимъ восточнымъ народамъ, даже къ Грекамъ. Вмѣстѣ съ богомъ солнца Беломъ (Вааломъ), властителемъ неба и свѣта, создавшимъ вселенную и человѣка и указавшимъ пути звѣздамъ, Вавилоняне поклонялись высшему женственному божеству—богинѣ луны Милиттѣ, символу рожденія и размноженія въ природѣ, сопровождая это поклоненіе самыми неприличными обрядами, при которыхъ дѣвушки должны были одинъ разъ въ жизни приносить въ жертву свою дѣвственность. Вообще Халдеи славились безнравственностію

и сладострастіемъ. Богатство, доставляемое необыкновеннымъ плодородіемъ почвы и обширною торговлей, сильно способствовало развитію страсти къ роскоши и пышности у Вавилонянъ. Они умащали тѣло миррою (аравійская благовонная смола), носили шерстяное платье, бѣлые плащи, и длинные волосы, обвитые спущенною низко повязкою. Раздѣленіе на касты рано должно было уступить вліянію безграничнаго деспотизма; однако преобладаніе жрецовъ было такъ сильно даже въ позднѣйшее время, что весь народъ (какъ пришедшій съ сѣвера, такъ и жившій въ Вавилоніи съ незапамятныхъ временъ) назывался по имени ихъ Халдеями. Жреческіе роды и царское колѣно того племени, которое основало Вавилонское царство, по видимому сохранились въ наибольшей чистотѣ и наименѣе смѣшались съ древнѣйшими обитателями края. Жреческое достоинство переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну. Жрецы исключительно обладали знаніемъ небесныхъ явленій и грамоты (клинообразнаго письма), изобрѣтенной ими съ незапамятныхъ временъ.

Путешественники страшными чертами описываютъ нынѣшнее состояніе Вавилона. Въ настоящее время эта благодатная страна состоитъ подъ грубымъ, тлетворнымъ турецкимъ владычествомъ, и почти никто не пользуется ею; древній садъ Господень превратился въ обширный притонъ для разбоя; но развалины городовъ и пограничныхъ насыпей, слѣды каналовъ и оросительныхъ сооруженій свидѣтельствуютъ о томъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи былъ этотъ край въ прежнее время. Вавилонъ палъ, великолѣпныя его зданія обратились въ мусоръ и обломки, больше чрезъ постепенный упадокъ и чрезъ убыль народонаселенія, утратившаго собственныхъ царей и принужденнаго служить чужеземнымъ властителямъ, чѣмъ вслѣдствіе непріятельскаго завоеванія. Уже въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ обнесенный стѣною Вавилонъ, водились, по свидѣтельству св. Іеронима, дикіе звѣри, во исполненіе пророчества (Іез. гл. 13). И нынѣ шаги человѣка, пробирающагося среди этихъ развалинъ, тревожатъ стаи дикихъ животныхъ изъ логовищъ. Массы обломковъ и груды мусора, представляющіяся здѣсь взору путешественника, утратили всякій слѣдъ своего прежняго великолѣпія, сохранившійся на многихъ другихъ остаткахъ древнѣйшихъ памятниковъ, но достаточно колоссальны для того, чтобы внушить странствующему изслѣдователю полное убѣжденіе, что онъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ всемірно-знаменитый Вавилонъ.

4. Египтяне и Эѳіопы.

§§. 29. Мероэ и Аммоній. Въ Нубіи, гдѣ двѣ горныя рѣки: Бѣлая, которой неизвѣстные истоки находятся въ снѣжной горѣ, лежащей неподалеку отъ экватора, и стекающая съ абиссинскаго плоскогорья Синяя рѣка, сливаются въ одну рѣку Нилъ и бѣгутъ потомъ по поперечной горной плоскости, черезъ безчисленные пороги, съ незапамятныхъ временъ существовало образованное государство посреди дикаго населенія Негровъ и гладковолосыхъ Ливійцевъ, изъ которыхъ иные были охотники, иные рыболовы (ихтіофаги), иные пасли стада, сами живя въ землянкахъ и пещерахъ (троглодиты). Это образованное государство, называвшееся Мероэ, имѣло кастовое устройство, при которомъ господствующіе жрецы избирали царя изъ среды своей и въ случаѣ его попытки освободиться отъ ихъ вліянія лишали его власти и жизни, ссылаясь на изреченія оракула: то было соединенное съ обширною торговою дѣятельностію жреческое государство, отъ котораго многія подобныя же государства произошли, по видимому, благодаря выселившимся изъ него колоніямъ; таковы именно храмовая держава Аммоній съ знаменитымъ въ цѣломъ свѣтѣ оракуломъ овнорогаго Юпитера Аммона (Амуна), на прекрасномъ оазисѣ Ливійской пустыни, цвѣтущемъ пальмовыми, масличными и финиковыми рощами, жреческая колонія на горѣ Баркалѣ, къ востоку отъ Нила, съ пирамидами, стоящими у деревни Мераве, и въ особенности, если вѣрить изстари укоренившемуся мнѣнію, — жреческое государство Ѳивы, высоко чтимая метрополія прибрежныхъ жителей Нила. Во всѣхъ этихъ государствахъ видимъ отвѣтственнаго передъ кастою жрецовъ жреческаго царя (фараона), какъ намѣстника бога-солнца, во главѣ раздѣленнаго на касты гражданскаго общества (іерократія, жрецевластіе).

О древней силѣ и славѣ этой эѳіопской державы, которой столица Мероэ была по видимому средоточіемъ и главнымъ складомъ торговли между сѣверною Африкой, Аравіей, Вавилоніей и Индіей, свидѣтельствуютъ обширныя развалины прежнихъ храмовыхъ построекъ, остатки колоннъ, памятниковъ, пирамидъ, сфинксовъ и разнообразныхъ изваяній, находимые въ великомъ множествѣ въ Сеннаарской долинѣ, въ вы-

нёшнемъ округѣ Шенди и въ друг. мѣстахъ.—При сходствѣ гражданственности Мероэ и Египта, взаимныя отношенія этихъ двухъ державъ представляются дѣломъ несомнѣннымъ; но египетскія ли учрежденія происходятъ изъ Мероэ, или Мероэ обязанъ своимъ образованіемъ жителямъ Нильской долины, или наконецъ Ѳивы и принильскіе края хотя и получили начала гражданственности отъ Мероэ, но потомъ опередили свою метрополію, и достигнувъ высшаго образованія, снова подѣлились имъ съ Эѳіопіей, — мнѣнія насчетъ этого различны. Предположеніе, что египетская образованность распространялась изъ Мероэ внизъ по Нилу, лишено всякаго основанія; новѣйшія изслѣдованія ведутъ къ положительному заключенію, что по всѣмъ признакамъ цивилизація низовой страны постепенно проникла къ верху. Египетскій бытъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ природы края и свойствъ рѣки, что не возможно искать началъ его ни въ какой другой мѣстности, кромѣ Нильской долины. Мероэ былъ, безъ сомнѣнія, колоніею Ѳивъ. — Египетъ съ сопредѣльными краями Африки былъ въ древнее, какъ и въ новѣйшее время, предметомъ общей любознательности и служилъ заманчивой цѣлію для путешествій.

§ 30. Раздѣленіе Египта. Египетъ уже съ раннихъ поръ раздѣлялся на три части. I. Верхній Египетъ (Ѳиваида) съ Нильскими порогами у острововъ Филэ, Элефантины и въ др. мѣстахъ и съ замѣчательными, величавыми развалинами Ѳивъ по обоимъ берегамъ рѣки; въ томъ числѣ храмъ-чертогъ Карнакскій, съ исполинскими массами колоннъ, съ остатками колоссальныхъ фигуръ и статуй изъ цвѣтнаго песчаника, изящнаго мрамора, краснаго и чернаго гранита. Къ нему отъ развалинъ Луксора, другаго большаго дворца фараоновъ, ведетъ на протяженіи 6,000 футъ самая величественная дорога, гдѣ либо и когда либо устроенная людьми,—это аллея изъ громадныхъ сфинксовъ, размѣщенныхъ попарно, одинъ отъ другаго на разстояніи десять футъ. Къ достопамятностямъ верхняго Египта принадлежатъ далѣе: колоссальная Мемнонова колонна, статуя древняго царя Аменофа, которая, при солнечномъ восходѣ, издавала, какъ увѣряютъ, гармоническіе звуки; изсѣченныя въ скалѣ, среди страшной пустыни, сорокъ царскихъ гробницъ съ громадными сводами и храминами, подземный некрополь (катакомбы) съ могильными склепами, съ переходами въ видѣ лабиринта и съ цѣлыми сокровищами древнихъ утварей, нарядовъ, украшеній, мумій, папирусныхъ свитковъ и т. д. Въ долинѣ царскихъ гробницъ, гдѣ творчество исполинской природы проявилось въ самой дикой игрѣ стихій, замираетъ все живое, и смерть — настоящій девизъ этого невозму-

тимаго затишья. Мѣстности мрачнѣе этой цари не могли избрать для вѣчнаго успокоенія: здѣсь какъ будто въ самомъ дѣлѣ отворяются врата преисподней. — II. Средній Египетъ съ главнымъ городомъ Мемфисомъ, съ развалинами лабиринта, строенія, состоявшаго изъ многихъ перепутанныхъ между собою ходовъ, съ группами пирамидъ, изъ которыхъ особенно удивительна своею громадностью и высотою (450 парижск. футовъ) построенная царемъ Хеопсомъ близъ деревни Гизе, и съ озеромъ, вырытымъ по повелѣнію царя Мерида, которое названо его именемъ и служило повидимому для обезпеченія правильности Нильскихъ разливовъ. — III. Нижній Египетъ, прозванный дельтою по своей треугольной формѣ, которой очертаніе составляли два большіе рукава Нила и морской берегъ съ третьей стороны; здѣсь главнымъ городомъ былъ Геліополь (Иліуполь), затменный впослѣдствіи Александріею; исторически замѣчательны еще Саисъ, Навкратисъ и Бузирисъ, будто бы служившій мѣстопребываніемъ баснословному тирану этого имени, который умерщвлялъ всякаго заѣзжаго чужеземца. — Нилъ, отъ послѣднихъ пороговъ спокойно и безъ притоковъ катящій тихія струи къ морю между высокихъ береговъ, своими правильными разливами служитъ источникомъ плодоносія здѣшней почвы. Когда снѣгъ таетъ на вершинахъ высокихъ горъ и масса водъ возрастаетъ отъ срочныхъ тропическихъ ливней, тогда около лѣтняго солнцестоянія рѣка начинаетъ прибывать и поднимается три мѣсяца сряду, съ половины іюня до половины сентября. Уже въ іюлѣ выступаетъ она изъ береговъ, а въ августѣ, когда вода почти достигла крайней высоты, футовъ 20 надъ меженнымъ уровнемъ, отпираютъ плотины и проводятъ разливъ по каналамъ, которыми человѣческій трудъ еще въ глубокой древности изрѣзалъ выше лежащія части края для того, чтобы орошеніе достигало и отдаленныхъ мѣстностей. Въ это время Египетъ похожъ на море, изъ котораго города и возвышенности выникаютъ подобно островамъ. По миновании дождей, рѣка постепенно возвращается въ берега, оставляя повсемѣстно видѣвъ ила превосходное удобреніе, которое она постоянно уноситъ съ собою въ своемъ верховомъ теченіи по гористымъ краямъ. Въ октябрѣ почва обсыхаетъ, наступаетъ посѣвъ, и весь край быстро покрывается зелеными всходами, которые придаютъ ему видъ необозримаго огорода или сада. Поэтому Греки справедливо называли египетскую низменность «даромъ Нила»; безъ него она сдѣлалась бы добычею пустыни. Египетъ слылъ у древнихъ настоящею житницей. — Въ Нильской странѣ, какъ и въ Индіи (§ 24), высшія касты были изъ поколѣнія кавказской породы,

отличавшагося и умственными способностями и красивѣйшимъ тѣлосложеніемъ, тогда какъ низшія касты вѣроятно принадлежали къ племени, которое составляло переходъ отъ кавказской къ собственно негритянской породѣ. У Египтянъ въ религіозныхъ понятіяхъ, во многихъ отрасляхъ знанія (въ землемѣріи, звѣздочетствѣ), въ учрежденіяхъ и обычаяхъ такъ много сходства съ нѣкоторыми азіатскими народами, какъ симитскаго корня, такъ и Индійцами, что нѣтъ кажется возможности отрицать вліянія Азіи на образованіе Нильскихъ побережцевъ. Это вліяніе можно допустить однакожь только для древнѣйшихъ временъ, прежде нежели гражданственность и особенный бытъ Египтянъ твердо установились. Впослѣдствіи же, какъ самое положеніе страны, огражденной горами, пустынею и моремъ, такъ и необщительный, враждебный всему чужому народный характеръ, должны были противодѣйствовать иноземнымъ вліяніямъ, откуда бы они ни проникали.

Начала египетской исторіи почерпаются отчасти изъ отрывковъ одного историческаго и религіознаго сочиненія, которое египетскій жрецъ Манеѳонъ (Μανεθώ) составилъ въ 3 в. до Р. Х. по храмовымъ записямъ, но при этомъ обнаружилъ много незнанія и великую неточность, отчасти изъ греческихъ и другихъ писателей, отчасти изъ остатковъ древности, покрытыхъ изображеніями и надписями, наконецъ изъ описаній путешественниковъ.

§ 31. **Фараоны.** У самаго верховья дельты, гдѣ рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, существовало древнѣйшее государство, котораго средоточіемъ былъ городъ Мемфисъ. Отъ Менеса (ок. 3,000 г.), который слыветъ основателемъ этого города, до вторженія Гиксовъ, чуждаго пастушескаго народа, симитской отрасли, упоминается рядъ царей, украсившихъ Мемфисское государство огромными сооруженіями, особенно вдоль скалистаго кряжа къ западу, гдѣ склепы усопшихъ съ ихъ памятниками и царскія гробницы съ пирамидами тянулись на цѣлые десятки верстъ. Знаменитѣйшія имена царей изъ рода мемфисскихъ фараоновъ были Хефренъ и Хеопсъ (2500 г.), строители самыхъ высокихъ пирамидъ; Сезортозистъ (2300 г.), который впервые обратилъ свое оружіе на югъ и сдѣлалъ данниками себѣ Нубійцевъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ колонна, найденная у верхнихъ нильскихъ пороговъ, и Мерисъ (2200 г., третій изъ владѣтельнаго дома Аменемга), который, какъ увѣряютъ, для регулированія нильскихъ наводненій положилъ

начало названному по немъ озеру близъ Мемфиса (въ долинѣ Фаюмъ); ему же приписываютъ громадную и великолѣпную постройку дивнаго лабиринта, царскаго чертога, состоящаго изъ безчисленнаго множества покоевъ, дворовъ и сѣней, поверхъ земли и подъ землею, гдѣ всѣ части и округи государства находили себѣ общее средоточіе для совершенія торжествъ и жертвоприношеній. Вскорѣ по смерти Мерида — расказывали Египтяне — вторгнулись въ Нильскую страну кочевыя племена изъ Сиріи и Сѣверной Аравіи (ок. 2100 г.), покорили все царство и жестоко и насильственно властвовали надъ народомъ, собирая съ него дань. Болѣе 500 лѣтъ длилось это иго, наложенное пастушескимъ народомъ Гиксовъ, пока наконецъ нѣкоторымъ царямъ верхняго Египта (Ѳивъ) удалось освободить родимый край. Долго сопротивлялись Гиксы нападеніямъ враговъ въ укрѣпленномъ станѣ у восточнаго устья Нила, огражденномъ водою и болотами; наконецъ царь Ѳутмозисъ (ок. 1580 г.) принудилъ ихъ окончательно удалиться. Мѣсто, гдѣ былъ ихъ станъ, прозвано сначала Абарисъ (твердыня евреевъ), а потомъ Пелузіумъ (филистимлянскій городъ). Съ той поры Ѳивы сдѣлались столицею фараоновъ. Ѳутмозисъ построилъ Карнакскій чертогъ, который обломками колоннъ и остатками стѣнъ донынѣ возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ. Одинъ изъ преемниковъ его, Аменофъ (около 1500 г.), прославилъ свое имя побѣдоносными походами на югъ и востокъ и основаніемъ великаго чертога и храма Луксорскаго, къ западу отъ Карнака, на искусственной насыпи у самаго берега рѣки. Второй преемникъ его Сеѳъ (1445—1396) простеръ завоеванія далѣе, какъ видно по изображеніямъ храма, построеннаго имъ въ Нубіи; его сынъ Рамсесъ Великій (1396—1328), котораго Греки назвали Сезострисомъ, былъ знаменитѣйшимъ воиномъ изъ всѣхъ царей Египта. Онъ наложилъ дань на Эѳіоповъ и побѣдоносно проникалъ съ своими полками и боевыми колесницами въ Сирію, Малую Азію и Месопотамію. Еще много вѣковъ послѣ смерти Рамсеса памятники съ надписями свидѣтельствовали въ покоренныхъ имъ земляхъ о его высокомъ могуществѣ и властительномъ величіи. При этомъ онъ изукрасилъ свое царство чертогами и храмами, которыхъ преж-

нее великолѣпіе видно еще и теперь по удивительнымъ обломкамъ колоннъ, статуй и другихъ изваяній. Четвертымъ его преемникомъ былъ Рамсесъ или **Рамсинитъ** Богатый (ок. 1270 г.), строитель огромной сокровищницы или казнохранилища; память о немъ сохранилась у народа въ сказкѣ о хитромъ ворѣ [1]. Четырехсотлѣтнее владычество фараоновъ въ Ѳивахъ было для Египта временемъ славы и величія. Побѣдоносное оружіе ихъ много разъ проникало за древніе рубежи края въ Нубію, Донголу, до самыхъ Негровъ, въ Сирію и Ливію; неоднократно видалъ египетскія войска Евфратъ, а однажды явились они и на западномъ берегу Малой Азіи. Ни одинъ изъ этихъ властителей не забывалъ посвятить свою добычу богу Аммону въ Ѳивскихъ храмахъ, ни одинъ не забывалъ украшать столицу новыми постройками. Стовратыя Ѳивы, этотъ исполинскій городъ, раскинутый по обоимъ берегамъ Нила, съ безчисленными дворцами и капищами, монументами и могильными склепами, былъ чудомъ древности, точно такъ, какъ его развалины возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ и въ наше время. Но громадныя, изумительныя сооруженія Мемфиса и Ѳивъ суть въ тоже время краснорѣчивые памятники порабощенія народа и деспотизма его владыкъ. Только повергшись ницъ дозволялось приближаться къ царскому величеству; даже военачальники, намѣстники, жрецы пресмыкались въ прахѣ предъ повелителемъ, котораго каждый взглядъ могъ ежеминутно нести смерть или жизнь любому изъ подвластныхъ. Въ возвеличеніи царскаго могущества Египтяне пошли далѣе всѣхъ другихъ народовъ міра: они оказывали царямъ прямо божескія почести. По ученію жрецовъ, сначала властвовали въ Египтѣ сами боги, а потомъ фараоны заступили мѣсто боговъ. Цари, по ихъ словамъ, не только божественнаго происхожденія, но и дѣйствительные боги края. Фараонъ былъ неограниченнымъ главою и государства и религіи съ ея жречествомъ, источникомъ всякаго права и закона; строгая обрядность и блестящій, многочисленный придворный штатъ устраняли его отъ всякаго соприкосновенія съ подданными.

§ 31 *б*. Но и могущество Ѳивъ въ свою очередь миновало. Край

---

[1] Геродотъ, кн. II, гл. 121.

былъ покоренъ эѳіопскими царями, которые властвовали надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Тиргака (ок. 700 г.), одинъ изъ этихъ царей, воевалъ въ Сиріи и Палестинѣ, бился съ храбрыми Ассирійцами на берегахъ Евфрата и Тигра. По смерти его Египтяне ободрились и свергли съ себя иго иноплеменниковъ, послѣ чего главы двѣнадцати храмовыхъ округовъ подѣлили между собою царскую власть и учредили такъ называемую додекархію, или двѣнадцативластіе (ок. 695 г.). Ей положилъ конецъ Псамметихъ Саисскій, который, съ помощью наемныхъ Іонійцевъ и Карянъ, одолѣлъ своихъ соправителей и одинъ забралъ въ руки всю власть. Онъ и его преемники сѣли въ Нижнемъ Египтѣ и вступили въ связи съ Греками и Финикійцами. Псамметихъ призвалъ Греческихъ наемниковъ, поощрялъ ихъ къ водворенію въ нижнемъ Египтѣ (Навкратисъ — колонія этихъ Грековъ) и благопріятствовалъ чужеземному образованію и военному устройству на счетъ туземнаго. Раздраженные этою новизною, болѣе двухсотъ тысячь Египтянъ жреческой и военной касты выселились въ Нубію и основали тамъ, выше Элефантины, особое государство, подъ державною рукою царя Мероэ. Съ тѣхъ поръ египетскій бытъ сталъ значительно измѣняться отъ внѣшнихъ вліяній, и даже первоначальная четверица кастъ пріумножилась тремя новыми кастами (пастуховъ, нильскихъ судовщиковъ, и толмачей или переводчиковъ).—Сынъ Псамметиха Нехо или Нехао (616—600) шелъ по стопамъ отца. Онъ поощрялъ торговлю и мореплаванье; старался открыть новые пути сообщенія продолженіемъ стараго канала отъ Средиземнаго моря къ Аравійскому заливу; положилъ начало морской силѣ Египта и указалъ финикійскимъ мореходамъ обогнуть южную оконечность Африки. Нехо возобновилъ также военные походы древнихъ фараоновъ въ Азію. Сирія и Палестина были уже покорены и огромное войско съ множествомъ боевыхъ колесницъ прошло чрезъ Сирійскую степь къ предѣламъ Месопотаміи, какъ вдругъ страшное пораженіе, нанесенное Египтянамъ при Киркезіи (Кархемишѣ), у Евфрата, Навуходоносоромъ (Небукаднезаромъ, § 28), положило конецъ завоевательнымъ предпріятіямъ. При второмъ преемникѣ Нехо, фараонѣ Гофрѣ (ум. 570 г.), котораго Греки называютъ Апріэсомъ, всѣ

новыя пріобрѣтенія были опять утрачены; и когда онъ предпринялъ неудачный походъ на торговый греческій городъ Кирену въ сѣверной Африкѣ, египетскіе воины подняли противъ царя мятежъ, оскорбившись предпочтеніемъ, какое онъ оказывалъ наемнымъ Іонійцамъ и Карянамъ, умертвили его и возвели на престолъ фараоновъ храбраго полководца Амазиса (570 — 526). Однакожь надежды Египтянъ на изгнаніе чужеземцевъ не сбылись. Амазисъ пошелъ по слѣдамъ своихъ предмѣстниковъ; и онъ поощрялъ водвореніе греческихъ торговцевъ и наемниковъ, и онъ поблажалъ эллинской образованности, эллинскимъ правамъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Въ Нижнемъ Египтѣ распространилось богатство, роскошь, довольство; торговля пришла въ цвѣтущее состояніе; великолѣпными сооруженіями и памятниками искусства Саисъ могъ соперничать съ Мемфисомъ и Ѳивами. Но дни этого величія были изочтены. Едва отошелъ Амазисъ на вѣчный покой въ храмовой чертогъ Саисскій, какъ славный искони Египетъ подвергся нашествію персидскаго царя Камбиза (§ 48). Сынъ Амазиса Псамминитъ, въ кровавой битвѣ при Пелузіи (Суэсѣ), лишился и побѣды и царства; съ того времени Персы господствовали надъ Египтомъ двѣсти лѣтъ, хотя и не могли установить прочной внутренней связи между имъ и Персіей. Сколько ни неистовствовалъ Камбизъ противъ египетскихъ обычаевъ, учрежденій и религіозныхъ обрядовъ, — угнетенный народъ твердо оставался при своемъ, и отвращался всего чужаго, обнаруживая неоднократными, но всегда безуспѣшными возстаніями, до какой степени ненавидѣлъ онъ эту насительственную власть. Особенно въ половинѣ 5 вѣка старались Египтяне, въ союзѣ съ Ливійцами и при помощи Аѳинъ, освободиться отъ Персидскаго ига (§ 85, примѣчаніе); и хотя подъ конецъ они вынуждены были уступить сильнѣйшему врагу, однакожь порывъ ихъ къ независимости тѣмъ не менѣе достоинъ славы; онъ даже славнѣе многихъ подвиговъ египетскаго народа въ дни его могущества и величія. Впослѣдствіи Персовъ вытѣснили Греки и Македоняне, а эти въ свою очередь должны были уступить мѣсто Римлянамъ; но египетскій народъ не смѣшался съ ними, онъ сохранилъ свой древній бытъ, свои учрежденія, хотя, со-

крушенный долгимъ рабствомъ, служилъ поневолѣ и тѣмъ и другимъ. Даже и въ наше время у христіанъ Коптовъ, которыхъ языкъ и образъ жизни напоминаютъ еще первобытныя туземныя племена, нѣтъ ровно ничего общаго съ ихъ могаммеданскими властителями.

§ 32. Памятники искусства и учрежденія Египтянъ. Египетъ съ древнѣйшихъ временъ обладалъ множествомъ городовъ и селеній и отличался высокою цивилизаціей. Науки, искусства и ремесла находили тамъ себѣ прилежныхъ дѣятелей, такъ что Нильская страна почиталась искони таинственною калыбелью всего человѣческаго образованія. Египтяне были очень свѣдущи въ астрономіи, то-есть въ вычисленіи свѣтилъ и естественномъ раздѣленіи года на періоды; только эти знанія свои они злоупотребляли для разныхъ астрологическихъ бредней и предсказаній. На нихъ тяготѣло иго кастъ, иго духовнаго застоя, имъ не доставало свободнаго развитія, и вотъ отчего они оставались цѣлые вѣка на одной и той же ступени, и всегда другимъ народамъ суждено было довершать то, что собственно только началось въ Египтѣ. Такъ напримѣръ ваятельныя произведенія, бывшія тамъ плодомъ мрачнаго идолопоклонства и отличавшіяся типическимъ выраженіемъ и невозмутимо спокойною осанкой, только у Грековъ достигли свободы и настоящей красоты; Греками же возведены въ доступную всѣмъ науку врачеваніе, геометрія и другія знанія, которыя у Египтянъ были исключительнымъ достояніемъ одной жреческой касты. — Такъ какъ религія Египтянъ поставляла загробную жизнь души въ зависимость отъ цѣлости трупа, то у нихъ господствовалъ обычай бальзамировать тѣла усопшихъ, чтобы предохранить ихъ отъ тлѣнія, и потомъ беречь эти муміи въ крытыхъ переходахъ и могильныхъ склепахъ, устроенныхъ наподобіе горныхъ шахтъ. Царскія гробницы укрѣплялись при этомъ пирамидами, которыхъ вдоль каменнаго хребта на западѣ считалось болѣе тридцати, отъ 20 до 450 футовъ вышиною каждая. Строеніе начиналось внутреннею, высѣченною въ скалѣ гробницей, а надъ нею возводился потомъ изъ каменныхъ же плитъ родъ четвероугольнаго холма, заостреннаго къ вершинѣ. Каждый царь закладывалъ свою пирамиду тотчасъ по вступленіи на престолъ, и сначала въ маломъ видѣ, чтобы постоянно расширять ее впослѣдствіи. По мѣрѣ того какъ наростали года его правленія, пирамида постоянно утолщалась новыми слоями каменныхъ плитъ. Когда онъ умиралъ, тогда доканчивали уже только послѣднюю начатую имъ настилку, и такимъ образомъ величина памятника всегда соотвѣтствовала долговѣчности каж-

даго царя. По перенесеніи туда тѣла, устье гробницы закладывали каменными плитами, мѣстами преграждая большими камнями и самый ходъ къ нему внутри пирамиды. Вкругъ царскаго гроба располагались потомъ могильные склепы родственниковъ и ближнихъ царя. Надъ пирамидою Хеопса работало, говорятъ, сто тысячъ человѣкъ въ теченіе сорока лѣтъ. Подобнымъ же образомъ ѳивскіе цари тотчасъ по возшествіи на престолъ приступали къ изсѣченію горной скалы для уготовленія себѣ гробницы и продолжали пробивать новые ходы, лѣстницы и пещеры до тѣхъ поръ, пока смерть ихъ не прерывала работы; тогда гробъ помѣщался въ «золотой покой» и входъ къ нему закладывался каменными глыбами. Такъ возникъ ѳивскій Некрополь, или «городъ смерти», гдѣ безчисленное множество гробницъ высѣчено рядами въ горной скалѣ какъ ячейки въ пчелиномъ ульѣ; къ нимъ вели вверхъ и внизъ пробитыя въ сердцѣ кряжа прямыя и кривыя лѣстницы, штольны, ходы и галлереи. — Жрецы достигли въ Египтѣ великаго могущества, благодаря наклонности народа къ религіозному суевѣрію, проявлявшемуся въ несмѣтномъ множествѣ боготворимыхъ существъ (§ 8), святынь и капищъ, въ цѣлой бездиѣ религіозныхъ праздниковъ, молитвенныхъ, очистительныхъ и обрядныхъ правилъ, всякаго рода священныхъ обычаевъ и разнообразныхъ жертвоприношеній. Жрецы стояли во главѣ всего религіознаго быта Египтянъ, они были неизбѣжными руководителями въ безчисленныхъ священнодѣйствіяхъ, которыми, начиная отъ обрѣзанія до похоронъ, сопровождалась вся жизнь человѣка; они занимали судебныя и другія общественныя должности и были единственными знатоками и ревнителями искусствъ и наукъ, удерживая ихъ помощью священнаго фигуральнаго письма (іероглифовъ) исключительно въ рукахъ своего сословія. Фигуральное письмо было трехъ родовъ: іероглифическое, іератическое и демотическое. Два первыя попадаются преимущественно на обелискахъ, или съуженныхъ къ верху четырехгранныхъ столбахъ изъ цѣльнаго гранита, которые ставились у предсѣній храмовъ (у такъ называемыхъ пилонъ), да еще въ многочисленныхъ надписяхъ, которыми покрыты были памятники, стѣны капищъ и гробницы; послѣднее, то-есть демотическое письмо, употреблявшееся въ гражданскомъ обиходѣ, всего чаще встрѣчается на свиткахъ или столбцахъ, выдѣланныхъ изъ водянаго растенія папируса. О высокомъ могуществѣ жреческой касты и опиравшейся на нее ѳеократической власти царя свидѣтельствуютъ также и пещерные храмы, которые изсѣчены фараонами въ скалахъ верхней долины Нила и украшены богатыми скульптурными изображеніями

ратныхъ подвиговъ этихъ царей. Напротивъ того, порабощенный народъ отличался въ Египтѣ отсутствіемъ веселости, бодраго, доблестнаго духа и воинскихъ качествъ. Недостатокъ личной свободы отнималъ у него чувство чести и самоуваженія, — этотъ главный источникъ настоящей нравственности. Житейское счастіе Египтянъ ограничивалось кругомъ однѣхъ семейныхъ радостей, ихъ нравственность — домашними добродѣтелями: все прочее было для нихъ недоступно.

Примѣчаніе. Обелиски составляли часть громадныхъ храмовыхъ сооруженій, заключавшихъ въ себѣ колоннады, башнеобразные пилоны, храмины и т. д., и украшенныхъ сфинксами и всякаго рода изваяніями; на нихъ выставлялись іероглифическія надписи касательно происхожденія и назначенія построекъ. Многіе изъ обелисковъ перевезены Римлянами въ Римъ, гдѣ и теперь еще стоятъ въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ Парижѣ есть также одинъ обелискъ, именно Луксорскій. По части ваянія Египтяне создали такія же чудеса, какъ и по части архитектуры, хотя религіозный характеръ ихъ искусства и вынуждалъ художниковъ придавать сидящимъ или стоящимъ статуямъ нѣмое, торжественно-важное положеніе, отнимавшее у нихъ движеніе и жизнь. Не льзя не удивляться технической сноровкѣ египетскихъ мастеровъ, умѣвшихъ изъ самаго твердаго камня, порфира и гранита, выработать чудесныя произведенія и особенно показавшихъ свое искусство въ колоссальныхъ сфинксахъ, — этихъ символахъ высшихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; тѣмъ не менѣе, имъ была чужда настоящая цѣль искусства — облагороженіе чувственнаго явленія, возведеніемъ его въ область красоты. Въ ихъ обронныхъ или рельефныхъ работахъ, равно какъ и въ живописи, отличающейся свѣжестью и яркостью красокъ, находимъ мы самыя разнообразныя картины семейной и общественной жизни этого народа: стѣны капищъ, гробницы мумій, саркофаги, памятники и проч. покрыты этого рода изображеніями [1]. — Іероглифы, въ чтеніи которыхъ первые удачныя попытки сдѣланы французскимъ ученымъ, Шамполліономъ, или представляютъ дѣйствительные очерки выражаемыхъ предметовъ, или обозначаютъ то, чего нельзя непосредственно изобразить, соотвѣтственными символическими фигурами (напримѣръ левъ означаетъ великодушіе или

[1] Значительная часть ихъ срисована стараніями европейскихъ путешественниковъ и издана съ большею или меньшею отчетливостью во множествѣ любопытнѣйшихъ собраній — Розеллини, Вилькинсона, Лепсіуса и другихъ.

силу), а иногда и фонетическими, звуковыми знаками, причемъ ставились начертанія предметовъ, которыхъ пѐрвые звуки заключали въ себѣ именно ту букву, какую слѣдовало изобразить (наприм. барка или баранъ вмѣсто *б*). Іератическимъ называлось сокращенное фигуральное письмо, извѣстное только между жрецами, а демотическимъ — та простая звукопись, которая была въ общемъ употребленіи. — По части наукъ и литературы Египтяне не создали ничего прочнаго, существеннаго; источники поэзіи — чувство и творческая фантазія преобладали у нихъ не столько, какъ хитрость и разсудительность; за то въ ремеслахъ, земледѣліи и садоводствѣ были они очень искусны. Въ обработкѣ дерева, глины, камней и металловъ превосходили они большую часть другихъ народовъ; они знали приготовленіе стекла и выдѣлку кожи и пользовались произведеніями земли своей, особенно кустомъ папируса, для самыхъ разнообразныхъ работъ (онъ употреблялся у нихъ на бумагу, на веревки, на паруса и проч.); всего знаменитѣе были ихъ ткани изъ бумажныхъ и льняныхъ нитей (виссонъ). Домашній бытъ ихъ изобиловалъ всякой утварью, а художественные сосуды, украшенія и разныя принадлежности, выдѣлываемые изъ благородныхъ и простыхъ металловъ, доказываютъ, что Египтянамъ не чужда была и роскошь. Но по всему видно, что тутъ проявлялась одна механическая сноровка, которая, достигнувъ извѣстной степени, на ней и остановилась, не производя уже ничего новаго и постоянно держась того, что̀ однажды вошло въ привычку у рабочихъ. — Замѣчательна заботливость Египтянъ о погребеніи мертвыхъ тѣлъ и о сбереженіи мумій въ прохладныхъ усыпальницахъ. Эти усыпальницы или кладбища располагались всегда по уединеннымъ мѣстамъ, которыхъ природа соотвѣтствовала тишинѣ могилы; онѣ устроивались крѣпко и надежно, чтобъ обезпечить ненарушимый покой усопшимъ и предохранить гробы отъ оскверненія; ни сила природы, ни воля человѣка не должны были имѣть доступа къ погребеннымъ тѣламъ. Въ прочныхъ, несокрушимыхъ гробницахъ должны были покоиться умершіе Египтяне. Поэтому каждый строилъ гробницы своимъ ближнимъ и заранѣе подготовлялъ свою собственную въ такомъ прочномъ и изукрашенномъ видѣ, какъ только могъ. — Бальзамировка труповъ, въ которую главнымъ матеріаломъ входилъ извѣстнаго рода горный асфальтъ, производилась, смотря по сану и достатку умершаго, съ употребленіемъ бо̀льшихъ или мѐньшихъ издержекъ. Послѣ бальзамировки, каждая часть тѣла обвивалась нѣсколько разъ тончайшими матеріями, а потомъ все тѣло завертывалось въ одѣяло. Въ повязкахъ на животѣ и груди находятъ золотыхъ и се-

ребряныхъ идоловъ, особенно изображенія Озириса, божественныхъ жуковъ и т. д. На муміи дорогаго приготовленія дѣлались чахлы изъ склеенной бумажной ткани и гипса; на мѣстѣ лица рисовалось его изображеніе, а на прочихъ частяхъ тѣла выставлялись разные іероглифы; часто на совсѣмъ готовую уже мумію надѣвали богатыя ожерелья и другія украшенія. Затѣмъ клали ее въ гробъ изъ смоковнаго дерева, а этотъ вставляли иногда въ гранитный саркофагъ съ разными изваяніями и уже въ такомъ видѣ помѣщали стоймя въ могильную пещеру. Эти могильныя пещеры (катакамбы), составлявшія принадлежность каждаго египетскаго города и устроенныя въ каменныхъ горахъ на западной сторонѣ Нила, справедливо называютъ сокровищницею искусствъ и знаній домашняго быта древнихъ Египтянъ, потому что вся роскошь полагалась не въ частныя жилища, эти «ночлеги» смѣняющихся поколѣній, а въ гробницы, — долговѣчное мѣстопребываніе неразлучной съ тѣломъ души.

5. Финикіяне.

§ 33. Мореплаваніе. Торговля. Промышленность. Колоніи. Между берегомъ Средиземнаго моря и кедрообильнымъ Ливаномъ (ср. § 21. VII) жилъ мореходный, торговый народъ Финикіяне. Важнѣйшими городами ихъ были Сидонъ, «торжище народовъ», и богатый, могущественный Тиръ, состоявшій изъ древняго береговаго города и изъ позднѣйшаго, выстроеннаго на противолежащемъ каменномъ островкѣ съ великолѣпными портовыми и гидравлическими сооруженіями. Промышленный духъ и живая дѣятельность навели этотъ народъ на разныя открытія, каковы стекло, крашенье багрецомъ и буквописаніе. Финикіяне отличались также въ литейномъ искусствѣ, въ ткачествѣ, архитектурѣ, но особенно въ горномъ дѣлѣ и обработкѣ металловъ превосходили они всѣ другіе народы. Благопріятное положеніе страны естественно влекло ихъ на море. Ихъ красивыя суда посѣщали не только побережья и острова Средиземнаго моря, развозя издѣлія самихъ Финикіянъ и произведенія отдаленнаго Востока, но пускались даже и за Геркулесовы столбы (Гибральтаръ), вымѣнивали олово на островахъ Бриттовъ и янтарь у прибалтійскихъ жителей и предпринимали смѣлыя плаванія въ южную Аравію и

Индію (Офиръ). Черезъ ихъ руки шли золото и жемчугъ Востока, тирскій багрецъ, слоновая кость и львиныя кожи изъ внутренней Африки, аравійскій ладанъ, египетскія льняныя ткани, глиняная посуда и благородныя вина Греціи, кипрская мѣдь, испанское серебро, англійское олово, желѣзо съ острова Эльбы. Увѣряютъ даже, что, по порученію египетскаго царя Нехо (§ 21), они въ трехгодичномъ плаваніи обогнули южную оконечность Африки. Они учредили поселенія (колоніи) на Критѣ и Кипрѣ, на островахъ Эгейскаго моря, въ южной Испаніи (Тартессъ, Гиспалисъ и богатый Гадесъ, нынѣ Кадиксъ) и въ сѣверной Африкѣ. Не менѣе дѣятеленъ былъ караванный торгъ Финикіянъ съ древними цивилизованными странами на Евфратѣ, съ счастливою Аравіей и Египтомъ. Они сдѣлали все, что можно сдѣлать мужествомъ, изобрѣтательностью, одушевленіемъ для полнаго развитія торговли и связанныхъ съ нею мореходства, фабричной промышленности, колонизаціи и для обоюднаго сближенія между Западомъ и Востокомъ. Высшей степени блеска достигнулъ Тиръ въ правленіе царя Хирама, Соломонова современника (ок. 1000). Великолѣпные чертоги и храмы, громадныя крѣпостныя работы украшали и защищали городъ, а торговля, при дружественномъ содѣйствіи іудейскаго царя, пришла въ самое цвѣтущее состояніе. Но Тиряне односторонне развивали свои силы. Стремясь болѣе къ мирному стяжанію и торговой наживѣ, нежели къ славѣ, военному почету и завоеваніямъ, они не разъ покорялись у себя дома чужевластію и данничеству, а вчужѣ, при заведеніи колоній, преслѣдовали однѣ купеческія цѣли и рѣдко вступали въ открытый бой. Эта уклончивость происходила не отъ трусости: плаваніе по неизвѣстнымъ водамъ на вооруженныхъ судахъ конечно требуетъ мужества, а что въ немъ не было недостатка у Финикіянъ, они это доказывали много разъ. Тутъ замѣтно отсутствіе гражданскаго духа, и оно-то, при живѣйшемъ впрочемъ чувствѣ народности, при величайшей привязанности къ родному городу, было главною отличительною чертою въ характерѣ Финикіянъ. Свобода не манила ихъ, они были равнодушны къ властительству и жили они, какъ говоритъ книга судей, съ упованіемъ, по обычаю Сидонянъ, обладая въ тишинѣ и надеждѣ своими со-

кровищами. — Когда родъ Хирамовъ изведенъ былъ первосвященникомъ богини Астарты, и послѣдній соединилъ въ своей семьѣ царское достоинство съ саномъ жреца, тогда междоусобія овладѣли Тиромъ. Правнукъ первосвященника, Пигмаліонъ, умертвилъ своего дядю, мужа сестры своей Элиссы, которую обыкновенно называютъ Дидоною, и этимъ злодѣйствомъ побудилъ ее выселиться изъ Тира съ частію недовольныхъ согражданъ. На сѣверномъ африканскомъ берегу противъ острова Сициліи, основали они торговый городъ Карѳагенъ, скоро затмившій славу роднаго края. Сказаніе о воловьей кожѣ, будто бы взятой за мѣру при отводѣ земли подъ новоучрежденный городъ, явно намекаетъ на характеръ Финикіянъ, которые славились хитростью и лукавствомъ искони.

Финикійское побережье, заселенное пришлымъ смѣшаннымъ народомъ различнаго происхожденія (Финикіянами и Филистимами), простиралось не болѣе какъ верстъ на двѣсти въ длину и отъ 30 до 35 въ ширину, такъ что его можно принимать почти только за окраину Сиріи. Не смотря на то, оно было унизано множествомъ городовъ, изъ которыхъ, кромѣ названныхъ, слѣдуетъ еще особенно замѣтить Арадъ, Триполь, Библъ и Беритъ, такъ что весь этотъ приморскій край скорѣе походилъ на одинъ сплошной городъ. А это, вмѣстѣ съ множествомъ пристаней и съ цѣлыми флотами купеческихъ судовъ должно было возбуждать самое высокое понятіе о богатствѣ, могуществѣ и предпріимчивости обитателей. Народъ, такой дѣятельный какъ Финикіяне, не былъ способенъ переносить ни стѣсненій кастоваго устройства, ни безграничнаго деспотизма царей; каждый изъ финикійскихъ городовъ (которые первоначально всѣ основаны выходцами изъ Сидона) составлялъ вмѣстѣ съ своей округою независимую общину, во главѣ которой стоялъ наслѣдственный царь, ограниченный родовою знатью и жрецами. Общій городовой союзъ, подъ предводительствомъ сначала Сидона, потомъ Тира, служилъ оплотомъ противъ внѣшнихъ опасностей. Въ колоніальныхъ городахъ высшее управленіе также находилось въ рукахъ совѣта, составленнаго изъ древнихъ именитыхъ родовъ. — Въ числѣ финикійскихъ издѣлій важнѣйшими были ткани (сидонскія одежды), крашеный товаръ (тирскія багряницы, то-есть шерстяныя и льняныя ткани, выкрашенныя въ темнокрасный цвѣтъ, добываемый изъ раковинъ-багрянокъ, и въ другіе цвѣта, получаемые отчасти изъ разнаго рода раковинъ, отчасти изъ рас-

тительныхъ соковъ) и стеклянныя издѣлія; впрочемъ они искусно выдѣлывали всякую утварь и украшенія изъ слоновой кости, золота и другихъ металловъ, а къ числу развозимыхъ ими товаровъ принадлежали пряности, мѣха, масло, вино, хлѣбъ и невольники, — послѣдніе потому, что торговля Финикіянъ вышла первоначально изъ морскаго разбоя и соединеннаго съ нимъ захвата попадавшихся подъ руку людей. — Колонизаціи ихъ, предпринятыя сперва отъ избытка населенія, а потомъ уже продолжавшіяся ради наживы и торговыхъ интересовъ (съ 14 по 11 столѣтіе) преимущественно направлялись къ благопріятнымъ для торговли и промышленности островамъ и берегамъ. У Финикіянъ были древнѣйшія поселенія на островахъ Кипрѣ (Амаѳъ, Киттіонъ), Критѣ, Родосѣ, Ѳазосѣ, Лемносѣ, Самоѳракѣ и друг.; нѣсколько позже водворились они въ Сициліи, Сардиніи, Мальтѣ и на Балеарахъ; но важнѣйшія колоніи ихъ возникли на сѣверо-африканскомъ берегу (Гиппона, Утика, Карѳагенъ) и въ обильной серебромъ и золотомъ Испаніи, гдѣ заняли они южныя части нынѣшней Андалузіи по сю и по ту сторону пролива, отъ устья Аны (Гвадіаны), по обоихъ берегамъ Бетиса (Гвадалквивира) до предѣловъ Гранады и Мурціи, разработывая тамъ рудники и пуская въ оборотъ туземныя произведенія (вино, медъ, шерсть, масло). Чудно звучатъ сказанія о богатствахъ, вывозимыхъ Финикійцами изъ Испанской страны, гдѣ рѣки катятъ олово, гдѣ въ изобиліи золото и всякія руды. Янтарь, изъ котораго они дѣлали разныя украшенія, ожерелья и красивые сосуды, могъ доходить къ нимъ отъ обитателей Балтійскаго моря не прямо, а изъ вторыхъ рукъ. — О выработкѣ религіозныхъ понятій Финикіяне заботились не такъ ревностно, какъ другіе восточные народы; богослуженіе ихъ соединялось отчасти съ безнравственностью, отчасти съ кровавою строгостью въ исполненіи обрядовъ, и повидимому имѣло въ виду скорѣе возбуждать, нежели обуздывать любострастіе и жестокость. Нравы богатыхъ финикійскихъ купцовъ были сластолюбивы до крайности, и жизнь ихъ, направленная къ стяжанію и барышу, лишена глубокой нравственной основы. Отъ этого поклоненіе Ваалу, древнему богу-солнцу, и служеніе Ашерѣ, богинѣ плодоносія и производительный силы естества, были исполнены сладострастныхъ и развратныхъ обрядовъ. Подобно тому какъ Милиттѣ въ Вавилонѣ, финикійскія и кипрскія дѣвицы жертвовали богинѣ плодородія своею чистотой. Но если это служеніе разврату возмущаетъ своей безнравственностью, то душа наполняется ужасомъ при видѣ страшныхъ обрядовъ поклоненія губи-

тельнымъ, всеистребляющимъ силамъ войны, огневому богу Молоху и копіеносной Астартѣ. Мощному и гнѣвному Молоху, для умилостивленія его, клали въ раскаленныя руки дѣтей и юношей, то-есть то, что̀ было всего дороже, и заглушали стоны шумомъ флейтъ и литавръ, а строго-дѣвственной Астартѣ сидонской приносили въ жертву дѣвственницъ, и при шумныхъ торжествахъ ея изступленные жрецы бичевали себя и уродовали собственное тѣло. Эти чувственно-развратные и вмѣстѣ аскетически-кровавые обряды представляютъ вѣрный отпечатокъ всего воззрѣнія Симитовъ, колеблющагося между сладострастнымъ наслажденіемъ и изувѣрнымъ губительствомъ, между низкимъ раболѣпствомъ и жестокосердою строптивостью, между изнѣженностью гаремнаго усыпленія и подвигами дивной воинской отваги. Однимъ изъ главныхъ божествъ у Финикіянъ былъ совпададающій съ греческимъ Геракломъ Мелькартъ (царь, властелинъ земли), богъ-солнце, ставшій человѣкомъ, которому воздвигнуты были великолѣпные столпы въ Тирѣ и Гадесѣ, и которому корабельщики, проходя Геркулесовыми столбами, приносили торжественныя жертвы на каменной горѣ Кальпѣ. И ему, такъ же какъ Гераклу, приписывали различныя работы, дальнія странствованія и основаніе многихъ городовъ. Служеніе Адонису, связанное съ печальными и радостными торжествами и аллегорически представлявшее собою замираніе и возрожденіе природы, существовало у Финикіянъ обще съ Сирійцами. Смерть прекраснаго юноши Адониса, погибшаго отъ дикаго вепря въ дни дождливой и бурной осени, воспоминалась семидневнымъ печальнымъ торжествомъ, а возрожденіе его весною прославлялось самыми веселыми и сладострастными праздниками. — Въ искусствѣ и наукѣ Финикіяне также отставали отъ другихъ образованныхъ народовъ древности. Извѣстія о древнемъ финикійскомъ историкѣ Сахуніатонѣ ни сколько не достовѣрны, и то, что̀ выдается за уцѣлѣвшіе отрывки его сочиненій, есть безъ всякаго сомнѣнія подлогъ. — Сирія съ древнѣйшимъ городомъ Дамаскомъ, такъ называемымъ «глазомъ востока», и съ великимъ богатствомъ туземныхъ произведеній, имѣетъ значеніе только какъ посредница торговли. Сирійскія храмовыя мѣстности служили въ одно время и рынками и гульбищами для многолюдныхъ съѣздовъ.

§ 34. **Исторія.** Въ борьбѣ съ воинственными народами верхней Азіи Финикіяне являли мужество и патріотизмъ свойственные всѣмъ свободнымъ державамъ древности. Когда ассирійскій царь Салманасаръ (§ 27) покорилъ и прину-

дилъ къ дани ихъ материковые города (722 г), тогда тотъ Тиръ, что̀ лежалъ на островѣ, все еще оказывалъ ему рѣшительное сопротивленіе. Онъ отражалъ всѣ нападенія врага и, подъ защитой крѣпкаго своего положенія на грозной скалѣ, цѣлыя пять лѣтъ отстаивалъ свою независимость, хотя жители, отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ берегомъ и не допускаемые непріятельскою стражей ни къ рѣкѣ, ни къ водопроводамъ, могли только съ трудомъ доставать скудное количество необходимой воды изъ чистернъ и копаныхъ колодцевъ. Вскорѣ торговый флотъ Тирянъ снова овладѣлъ морями. Даже вавилонскій царь Навуходоносоръ, покорившій материковую часть Финикіи и переселившій жителей древняго Тира, подобно Іудеямъ, во внутренность своего царства, даже и онъ не могъ одолѣть стойкости Тира-острова. Напрасно затѣялъ онъ вести противъ несокрушимаго города многотрудныя работы, такъ что по словамъ пророка Іезекіиля (29, 18), у осаждавшихъ стала «всяка глава плѣшива и всяко рамо наго»; въ надеждѣ на свою крѣпость, городъ сопротивлялся тринадцать лѣтъ, а потомъ сдался мощному врагу только на уговорѣ; «и мзда не бысть ему и силѣ его на Тира (т. е. отъ Тира), за работу, ею же работаша нань.» Однакожъ эти повторенные удары повидимому сломили наконецъ силу Тирянъ: когда вскорѣ потомъ Персы покорили себѣ верхнеазійскія земли, тогда и Тиръ утратилъ свою свободу и независимость. Финикія сдѣлалась персидскою областью. Именитые роды и старинныя купеческія фирмы Тира большею частію переселились въ безопасную и цвѣтущую отрасль его, — Карѳагенъ, гдѣ водворили свою смышленость, свои капиталы и свои преданія. Въ половинѣ 4 в. предъ Р. Х. гнетъ чуждыхъ намѣстниковъ породилъ въ Финикіи возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Сидонъ. Оно не удалось. Сидонъ подпалъ власти персидскаго царя Оха, и когда царь повелѣлъ казнить знатнѣйшихъ гражданъ, жители сами зажгли городъ и сгорѣли въ немъ съ своими сокровищами. Тиръ просуществовалъ нѣсколько долѣе. Но когда Македонянинъ Александръ ниспровергъ Персидское царство, и Тиръ, вспомянувъ свое прежнее величіе, отважился противустать побѣдителю, онъ послѣ семимѣсячной осады взялъ городъ и разорилъ его вконецъ (§ 115). Тиръ никогда уже

не оправился отъ этого удара. Его торговля, его морская сила перешли въ Александрію.

6. Народъ Израильскій.

А. ЭПОХА ПАТРІАРХОВЪ (праотцевъ).

§ 35. Тогда какъ весь свѣтъ познавалъ и чтилъ невидимое Божество только въ силахъ и явленіяхъ природы и тверди небесной, въ Месопотаміи существовалъ пастушескій народъ семитскаго происхожденія, сохранявшій вѣру въ единаго Бога, который, какъ творецъ и вседержитель, являлся ему превыше всѣхъ измѣненій естества. По словамъ преданія Аврамъ (Авраамъ), одинъ изъ родоначальниковъ этого кочеваго народа, внявъ гласу Іеговы, покинулъ съ своими стадами, рабами и рабынями и съ племянникомъ Лотомъ родныя пастбища и водворился въ «низинѣ» Ханаанъ (Палестинѣ), гдѣ они продолжали свою пастушескую жизнь и гдѣ туземцы прозвали ихъ Евреями, то-есть пришельцами со стороны. Исаакъ, котораго Сарра родила Аврааму въ глубокой старости, остался продолжать родъ свой на мѣстѣ, тогда какъ Исмаилъ, сынъ Авраама отъ наложницы Агари, удалился въ пустыню и сдѣлался, по преданію, родоначальникомъ Арабскаго племени. Исаакъ женился на Ревеккѣ, одной изъ единовѣрныхъ ему сродственницъ, и прижилъ съ нею двоихъ сыновей, Исава и Іакова. Исавъ сталъ звѣроловомъ, а Іаковъ остался при отцовскихъ шатрахъ и предпочелъ пастушескій образъ жизни. Благодаря материнской хитрости, младшій сынъ Іаковъ былъ, вопреки заведенному порядку, объявленъ главою племени, но овладѣть своимъ наслѣдіемъ удалось ему только послѣ долгой службы у дяди своего Лавана. Во время этой службы, долготерпѣніемъ, вѣрностью и хитростью Іаковъ пріобрѣлъ себѣ въ жены двухъ дочерей Лавана, Лію и Рахиль, и разбогатѣлъ стадами. Онъ въ чистотѣ продолжалъ родъ свой, тогда какъ Исавъ, соединяясь съ дочерьми туземцевъ, сдѣлался родоначальникомъ особаго племени — Эдомитовъ. У Іакова было двѣнадцать сыновей, и какъ изъ всѣхъ ихъ онъ особенно любилъ Іосифа, рожденнаго милою ему Рахилью,

то другіе братья, изъ зависти, замыслили преступное дѣло— избавиться отъ брата, и продали его каравану, съ которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать въ Египетъ. Здѣсь Іосифъ не поддался искушеніямъ грѣха и пребылъ твердъ въ добродѣтели; за это Богъ наградилъ его счастіемъ и мудростью. Своимъ искусствомъ толковать сны снискалъ онъ милость у Фараона и достигъ высокихъ званій и почестей. Іосифъ воспользовался этимъ положеніемъ и къ благу народа, избавивъ цѣлый край отъ голода (учрежденіемъ запасныхъ житницъ), и вмѣстѣ къ возвышенію царской власти, скупивъ въ руки Фараона всѣ поля (кромѣ жреческихъ), такъ что народъ съ тѣхъ поръ обработывалъ землю изъ оброка (на правѣ наслѣдственнаго откупа), платя за нее пятое зерно. Іосифъ пріобрѣлъ этимъ такой вѣсъ, что ему дозволено было вызвать къ себѣ отца и братьевъ, которымъ въ Нижнемъ Египтѣ отведена тучная пастбищами земля Гесемъ (Гозенъ). Здѣсь въ окрестностяхъ Геліополя пасли они нѣсколько вѣковъ наслѣдственныя стада свои. Іосифъ, образецъ нравственности и добродѣтели по чистотѣ жизни, остался любимымъ типомъ восточной поэзіи и саги даже и въ позднѣйшія времена. По прозванію Іакова: Израиль (Богоборецъ)[1], сами Евреи стали обыкновенно называться Израильтянами.

Религія Израильтянъ есть единобожіе, совершенно различное съ религіозными понятіями язычниковъ. Между тѣмъ какъ языческія божества, при всей придаваемой имъ личности, все-таки единосущны тѣмъ силамъ природы, которыя ими представляются, Богъ израильтянскихъ патріарховъ превыше всякаго естества; онъ повелѣваетъ не только имъ, но и силами духовными, онъ творецъ неба и земли, единый самосущій (сый), святой, награждающій добро и карающій зло. — Вотъ имена двѣнадцати сыновей Іакова: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Иссахаръ, Завулонъ, Данъ, Нефоалимъ, Гадъ, Асиръ, Іосифъ и Веніаминъ. — Исторія патріарховъ — столь же истинная, какъ и умилительная картина простоты нравовъ и чистосердечія мирныхъ кочевниковъ; ничего подобнаго не имѣемъ мы изъ такой отдаленной эпохи. Благородный образъ Іосифа выдается среди всѣхъ прочихъ особенно свѣтло. Онъ истинно прекрасенъ, какъ человѣкъ, остающійся

---

[1] См. сказаніе о борьбѣ Іакова съ Богомъ, кн. Бытія, XXXII, 28.

вѣрнымъ себѣ среди величайшихъ бѣдствій и распространяющій благо и счастіе далеко вокругъ себя, — живой примѣръ того, что добро, какъ невозмутимая сила отдѣльной личности, и вмѣстѣ какъ воля Всевышняго, все-таки сильнѣе всякаго зла въ мірѣ. Онъ спокоенъ и не теряется передъ незаслуженнымъ несчастіемъ; вѣрный слуга своему египетскому владыкѣ, онъ не поддается опаснымъ соблазнамъ и достигаетъ наконецъ награды за свою доблесть мудрымъ истолкованіемъ сновъ, — такимъ даромъ, который высоко цѣнился на Востокѣ. Поземельное устройство, относимое еврейскимъ преданіемъ къ Іосифу, господствовало у Египтянъ во всѣ времена при разныхъ правительствахъ. Іосифъ, повидимому, ввелъ только болѣе строгую и добросовѣстную отчетность въ исполненіи.

Б. ОБРАЗОВАНІЕ ПАТРІАРХАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ.

§ 36. **Исходъ изъ Египта.** Сначала въ обильномъ пажитями Гесемѣ Израильтянамъ было хорошо. Но когда умеръ Іосифъ и воцарился новый фараонъ, не знавшій (или не хотѣвшій знать) о его услугахъ Египту, тогда ненависть къ чужеземцамъ и презрѣніе къ пастушескому занятію увлекли Египтянъ къ жестокосердію противъ кочевыхъ инородцевъ. Начали тѣснить Израильтянъ тяжкими полевыми работами и урочными повинностями; они должны были выстроить фараону запасные города Пиѳонъ (Пиѳомъ) и Рамесси (Рамсесъ), добывать глину и поставлять кирпичь въ огромныхъ массахъ; и когда, не смотря на гнетъ, они все-таки размножались до такой степени, что Египтяне стали наконецъ опасаться ихъ возрастающей силы, тогда фараонъ отдалъ приказаніе топить въ Нилѣ всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ. Эта судьба постигла бы и **Моисея** (1500 г.), если бъ царевна, вышедши съ прислужницами на берегъ въ то самое время, когда ковчежецъ съ положеннымъ въ него младенцемъ остановился въ тростникѣ, не сжалилась надъ ребенкомъ и не взяла его ко двору, гдѣ онъ былъ тщательно воспитанъ и наученъ всякой мудрости. Умерщвленіе одного Египтянина, который въ глазахъ Моисея избилъ еврея-работника, побудило царскаго питомца на сороковомъ году жизни бѣжать отъ казни въ Аравійскую степь гдѣ на священной горѣ Синаѣ онъ былъ вдохновленъ высокимъ замысломъ стать избавителемъ своего народа отъ египетскаго

порабощенія. Фараонъ сначала не хотѣлъ отпустить Евреевъ и еще усилилъ возложенныя на нихъ тягости, но когда ниспосланныя на его землю десять казней распространили вездѣ страхъ и ужасъ, онъ согласился наконецъ на исходъ, требуемый Моисеемъ и братомъ его Аарономъ. Въ память удаленія изъ Египта и соединеннаго съ тѣмъ избіенія египетскихъ первенцевъ (послѣдней изъ казней), Іудеи установили впослѣдствіи праздникъ пасхи (пассахъ)[1], принося при этомъ въ жертву пасхальнаго агнца, «препоясанные въ путь и съ жезлами, или посохами, въ рукахъ». Попытка Египтянъ силою воротить Евреевъ по переходѣ ихъ за Чермное море навлекла погибель преслѣдовавшимъ. Волны покрыли все войско фараона, съ конями и боевыми колесницами, а сестра Моисея Маріамь (Мирьямъ) и сопровождавшія ходъ Израиля женщины воспѣли «со тимпаны и лики» хвалебную пѣснь Іеговѣ, котораго мощная десница сокрушила супостатовъ и затопила въ тростникѣ морскомъ полчища и колесницы фараоновы. «Послалъ еси духа твоего, покры я море: погрязоша яко олово (т. е. свинецъ) въ водѣ зѣлнѣй».

§ 37. Законодательство Моисеево. Долго водилъ Моисей ропчущій и непокорный народъ по пустынѣ Аравійской, да укрѣпится ихъ тѣло, да возвратится въ сердца ихъ нравственность и чувство свободы, и да возрастетъ молодое, закаленное въ путевыхъ трудахъ поколѣніе, у котораго достало бы мужества и силы добыть обѣтованную землю съ оружіемъ въ рукахъ. Въ теченіе странствія, Моисей, котораго душевное величіе, твердость и непоколебимое упованіе на Бога расло съ опасностями, установилъ религію, нравы и государственный нарядъ Евреевъ посредствомъ закона, полученнаго имъ на страшной горѣ Синаѣ (Хоривѣ) отъ самого Іеговы. Іегова является здѣсь царемъ и владыкой Израиля; волю свою возвѣщаетъ онъ въ законахъ, которые хранились въ ковчегѣ завѣта, во святомъ святыхъ скиніи, и которыхъ объяснителями были священники подъ начальствомъ главы своего, первосвященника.

---

[1] То-есть прехожденія Іеговою жилищъ еврейскихъ, заранѣе отмѣченныхъ жертвенною кровью, тогда какъ грозная рука его поражала всѣхъ первенцевъ въ жилищахъ Египтянъ, которыя остались безъ заповѣданныхъ отмѣтъ.

Послѣдній этотъ санъ быть родовымъ достояніемъ Аарона и его потомковъ. Рядомъ съ ними стояли левиты, какъ священнослужители, наставники, законовѣды и врачи. Племеначальники и родовые старшины руководили во имя Іеговы свѣтскимъ управленіемъ. Во главѣ каждаго колѣна стоялъ князь, окруженный родовыми старшинами. Эти старѣйшины были судьи и совѣтники каждаго колѣна. Однакожь постановленія, касавшіяся всѣхъ членовъ, объявлялись цѣлому колѣну, собранному вокругъ старшинъ и принимались или отвергались одобрительнымъ или отрицательнымъ откликомъ предстоящихъ. Племеначальники и родовые старшины составляли вмѣстѣ съ Моисеемъ и Аарономъ верховный совѣтъ, въ которомъ числилось отъ 70 до 72 членовъ. Жертвоприношенія и праздники (пасха, пятидесятница, праздникъ кущей или сѣней) соединяли свѣтлыми узами Іегову съ избраннымъ его народомъ, а субботній (то-есть каждый седьмой) и юбилейный (каждый пятидесятый) годы должны были устранять чрезмѣрное неравенство имуществъ. Вмѣсто кочевой жизни Моисей установилъ земледѣліе главнымъ занятіемъ для своего народа.

На Синаѣ положилъ Іегова торжественный завѣтъ съ Израильтянами, обѣщая содѣлать ихъ святымъ народомъ, царствомъ священнымъ, если они будутъ его достояніемъ, вѣрными слугами ему и покорными исполнителями его закона. Сущностію этого закона были десять заповѣдей, высшія начала права и нравственности, къ которымъ, какъ ближайшее ихъ развитіе, примыкали потомъ обрядовые, гражданскіе и уголовные законы. Іегова, творецъ, вседержитель и правитель міра, вмѣстѣ съ тѣмъ верховный владыка и царь; поэтому служеніе инымъ богамъ (идолопоклонство) есть не только нарушеніе союза, заключеннаго Іеговою съ народомъ, который посвященъ ему существовавшимъ у Евреевъ искони обрѣзаніемъ, но вмѣстѣ и преступленіе противъ царскаго величества, — преступленіе, за которое прямо полагается смерть. Передъ Іеговою равны всѣ члены союза; оттого у Израильтянъ не могло укорениться ни рабство, ни разность въ правахъ состоянія; кабала у нихъ была добровольная и притомъ временная, потому что всякая принудительная связь расторгалась въ субботній годъ, или ужь въ юбилейный непремѣнно. Собственно рабами могли быть только плѣнные да закупы, и то лишь изъ чужеземцевъ. Въ силу того основнаго начала, что верховный обладатель страны, Іегова, опредѣлилъ каждому члену союза его поземельный участокъ, послѣдній въ сущности ни какъ не можетъ быть отчу-

жденъ; владѣлецъ вправѣ продать только пользованіе имъ на опредѣленное время; чрезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ вся поземельная собственность возвращалась опять къ первоначальному владѣльцу и всѣ долговыя взысканія теряли свою силу и уничтожались. Въ юбилейный годъ поля не воздѣлывались, запрещено было убирать даже и то, что расло на нихъ само собою, потому что все тогда считалось общимъ достояніемъ. — Средоточіемъ единобожнаго поклоненія Іеговѣ Моисей поставилъ народную святыню, священный шатеръ, или Скинію, — переносный храмъ, какого именно требовалъ бродячій образъ жизни первобытныхъ Евреевъ. Она состояла изъ трехъ частей: 1. изъ доступнаго одному первосвященнику святилища (святая святыхъ), гдѣ стоялъ кивотъ или ковчегъ завѣта акаційнаго дерева (отъ древъ негніющихъ) съ скрижалями закона; 2. изъ отдѣленной завѣсою части, гдѣ стоялъ семисвѣщный свѣтильникъ, алтарь кадильный и трапеза съ двѣнадцатью хлѣбами предложенія, и 3. изъ двора съ алтаремъ всесожженія и жертвенною умывальницей. Помазанный первосвященникъ въ великій день всеобщаго очищенія долженъ былъ приносить искупительную жертву за грѣхи всего народа. Точное соблюденіе жертвенныхъ и очистительныхъ правилъ имѣло великую важность и внушалось строжайшимъ образомъ.

§ 38. Раздѣлъ земли. Великому пророку и законодателю не суждено было довершить свой подвигъ водвореніемъ Израильтянъ въ обѣтованной землѣ. Съ вершины горы Нававъ (Небо) обозрѣлъ онъ прекрасныя поля Іордана и здѣсь окончилъ свое жизненное поприще. «Не отемнѣстѣ очи его, не истлѣста устнѣ его», — сказано о немъ въ писаніи. Передъ кончиной избралъ онъ себѣ въ преемники Іисуса, сына Навина (Нуна), отъ колѣна Ефремова, увѣщевалъ собравшійся народъ крѣпко держаться Бога отцовъ своихъ и наказывалъ имъ истребить Хананеевъ. Этою крутою мѣрой хотѣлъ онъ предохранить Израильтянъ отъ впаденія въ идолопоклонство. Но едва, подъ предводительствомъ храбраго Іисуса, побѣдили они Амореевъ и нѣкоторыя другія племена, какъ уже прекратили военныя дѣйствія и потребовали раздѣла покоренной земли. Раздѣлъ, какъ наказывалъ Моисей, совершился по жребію между потомками двѣнадцати сыновей Іакова, и участки распредѣлены между колѣнами и родами, при чемъ сыновья Іосифа Ефремъ и Манассія получили поровну, а потомкамъ Левія не отведено ни какого отдѣльнаго

участка, а даны лишь нѣсколько городовъ для жительства да десятина отъ всѣхъ полевыхъ сборовъ. Египтяне и другіе иноплеменники, приставшіе къ Евреямъ на пути, были также пріурочены каждый къ извѣстному роду и колѣну. Колѣна Рувимово, Гадово и половина Манассіина выбрали себѣ пастбища къ востоку отъ Іордана, остальныя водворились къ западу отъ этой рѣки. Колѣно Ефремово, выставившее вождя и всѣхъ лучше дѣйствовавшее въ битвахъ, сѣло между Іорданомъ и морскимъ берегомъ, въ срединѣ завоеванной страны, по зеленѣющимъ холмахъ и тѣнистымъ долинамъ; колѣна Іудино и Симеоново основались въ горно-каменистой части, на югъ; самый сѣверный отдѣлъ края, около финикійскаго города Ланса, достался Данову колѣну, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій его захватить себѣ пограничную горную полосу у Филистимлянъ; на травянистомъ гербѣ здѣшняго плоскогорья, около горы Ѳаворъ и озера Хеннероѳъ (Киннеротъ), утвердились послѣ долгой борьбы четыре колѣна — Иссахара, Завулона, Асира и Неѳѳалима; между Іевусеями, въ окрестностяхъ Іерусалима, поселилось колѣно Веніаминово. Единство ихъ вскорѣ было нарушено, и каждому колѣну пришлось выдерживать борьбу съ Хананеями на свой страхъ. Война эта сопровождалась величайшими ужасами; постепенное покореніе туземцевъ требовало жестокихъ мѣръ и еще усилило въ Израильтянахъ ненависть къ иноплеменству. — Обитатели праваго берега Іордана продолжали вести пастушескую жизнь, между тѣмъ какъ другіе скоро привыкли къ правильному землепашеству, къ воздѣлкѣ винограда, смоквъ, маслины и научились у Финикіянъ первымъ начаткамъ ремеслъ, торговли и городской жизни. Иные предпочли даже спокойное и обезпеченное положеніе на службѣ у финикійскихъ купцовъ многотрудной жизни у себя дома, на свободѣ.

§ 39. Судьи (1300—1100). Израильтянамъ вскорѣ пришлось раскаяться, что они не послушались предсмертнаго совѣта своего законодателя. Моавиты, Мадіаниты, Аммониты, Филистимляне и другія, непокоренныя еще, сильныя племена не давали имъ спокойно пользоваться ихъ владѣніемъ; кровавыя и опустошительныя войны порождали грубость и одичалость; не рѣдко даже забывали Израиль-

тяне Бога живаго, который избавилъ ихъ отъ рабства, и впадали въ идолослуженіе, пока несчастія и военные разгромы не возвращали ихъ снова къ лучшимъ помысламъ. Тогда являлись у нихъ доблестные мужи, поражавшіе враговъ въ битвахъ и возстановлявшіе нравы завѣтной старины. Мужи эти называются въ Библіи судьями. Знаменитѣйшими изъ нихъ, кромѣ героини Девворы [1], были Гедеонъ, Іефѳай и Сампсонъ сильный. Ихъ подвиги жили въ устахъ народа; о принесеніи Іефѳаемъ въ жертву Богу единственной дочери, о геройской борьбѣ Гедеона съ кочевыми племенами южной степи, о богатырскихъ подвигахъ и страшной гибели Сампсона у Филистимлянъ, расказывали другъ другу земледѣльцы, сидя подъ тѣнію смоковницъ и пальмъ, и настухи, расположась на ночь подъ звѣзднымъ небомъ, и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ пѣлась у сѣверныхъ колѣнъ прекрасная побѣдная пѣснь Давворы, сложенная на пораженіе Сисары, асорскаго военачальника, и на смерть, которую нанесла ему коломъ своего шатра отважная Іаиль, жена Хавера. Но Израиль подвергся еще тяжкимъ испытаніямъ. Филистимляне одержали надъ нимъ великую побѣду и захватили даже кивотъ завѣта. Узнавъ объ этомъ несчастіи, престарѣлый первосвященникъ Илій испугался дотого, что упавъ навзничъ у воротъ Силома, переломилъ себѣ хребетъ. Побѣдители покорили затѣмъ всю землю по сю сторону Іордана, отняли у Израильтянъ оружіе и начали жестоко притѣснять ихъ. Такою же долей угрожали Аммониты колѣнамъ, сидѣвшимъ по ту сторону Іордана. Тогда Саулъ, воинственный мужъ изъ колѣна Веніаминова, призвалъ народъ къ битвѣ и сталъ во главѣ его. Онъ побѣдоносно отразилъ нападеніе Аммонитовъ и удачно воевалъ съ Филистимлянами. Въ то же время, преемникъ Илія, первосвященникъ Самуилъ, человѣкъ благочестивый и полный любви къ отечеству, успѣлъ возстановить древній завѣтъ Израиля съ его Богомъ, пробудить національное чувство и прежнее уваженіе къ Моисееву законодательству. Изъ основанныхъ или по крайней мѣрѣ преобразованныхъ имъ училищъ про-

---

[1] Деввора, жена-пророчица, жена Лафидоѳова; сія судяше Исраилю въ то время. Книга Судей, IV, 4.

роческихъ, въ которыхъ учились закону, музыкѣ и пѣнію, выходили мужи, вдохновляемые ревностію къ вѣрѣ, любовью къ свободѣ и отечеству.

B. ѲЕОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХІЯ.

§ 40. Саулъ и Самуилъ. Самуилъ внушилъ народу силу, самоувѣренность и воинскую отвагу, но въ тоже время возвысилъ и священновластіе. Сыновья его не пошли путемъ отца, они предались лихоимству, и Израильтяне, страшась новыхъ опасностей для своей свободы, захотѣли, по примѣру сосѣднихъ народовъ, имѣть царя, который, какъ всегдашній глава, водилъ бы ихъ на битву и побѣду. Напрасно маститый первосвященникъ старался отклонить отъ этого желанія, противорѣчившаго закону Моисея; напрасно изображалъ онъ имъ въ самыхъ яркихъ краскахъ страданія и гнетъ, которые ожидаютъ ихъ подъ правленіемъ царя: Израильтяне настаивали на своемъ требованіи, и Самуилъ былъ вынужденъ помазать на царство избраннаго народомъ Саула. Саулъ съ величавою наружностью соединялъ храбрость, боевую опытность и воинское счастье; но такъ какъ онъ утверждалъ свою власть болѣе на войскѣ и на ратной силѣ, чѣмъ на священныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ онъ не строго соблюдалъ уставы Моисея, вопреки имъ собственноручно приносилъ жертвы и, послѣ побѣды надъ Амаликитами, не послушалъ велѣнія Іеговы умертвить все, что ни досталось ему въ добычу, то онъ навлекъ себѣ отверженіе. Самуилъ и возвеличенное имъ священство негодовали на воинственнаго государя, который въ гордомъ сознаніи своихъ ратныхъ подвиговъ и своей царской власти, вознамѣрился идти своимъ собственнымъ путемъ, и первосвященникъ тайно помазалъ на царство молодаго пастуха Давида, изъ колѣна Іудина, человѣка предпріимчиваго и преданнаго священнымъ учрежденіямъ. Съ той поры нашелъ на Саула духъ мрачной задумчивости, и одинъ Давидъ своей игрою на гусляхъ могъ развеселять его. Но отчасти изъ зависти къ военной славѣ, пріобрѣтенной Давидомъ въ битвахъ съ Филистимлянами, отчасти въ тайномъ предчувствіи будущаго его назначенія, Саулъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ молодаго пастуха, не смо-

тря на тѣсную дружбу его съ Сауловымъ сыномъ Іонаѳаномъ и на бракъ съ одною изъ царскихъ дочерей. Среди опасностей и бѣдъ, Давидъ избѣжалъ однакожь всѣхъ гоненій противника. Съ дружиной вольницы велъ онъ удалую военную жизнь и состоялъ даже нѣсколько времени у филистимскаго царя на службѣ. Когда же наконецъ Саулъ, ужасъ враговъ и щитъ Израиля, послѣ несчастной битвы съ Филистимлянами бросился въ отчаяніи на собственный мечъ, тогда Давидъ сталъ царемъ колѣнъ Іудина и Веніаминова, гдѣ законодательство Моисея пустило самые крѣпкіе корни. Шесть лѣтъ провелъ онъ потомъ въ Хевронѣ данникомъ Филистимлянъ, между тѣмъ какъ сынъ Саула Іевосѳей властвовалъ надъ остальными колѣнами. Ослабленный отпаденіемъ знатнаго полководца Авенира, Іевосѳей терялъ однакожь болѣе и болѣе во мнѣніи подданныхъ и наконецъ погибъ измѣною своихъ собственныхъ клевретовъ, послѣ чего Давидъ признанъ былъ царемъ отъ всего народа, а домъ Сауловъ истребленъ въ конецъ. Давидъ вскорѣ сдѣлалъ Израильтянъ господствующимъ народомъ въ Ханаанѣ.

§ 41. Давидъ и Соломонъ. Правленіе Давида составляетъ самую блистательную эпоху еврейской исторіи. Счастливыми войнами расширилъ онъ свое царство на югъ до Чермнаго моря и на востокъ — до Евфрата, завоевалъ сирійскій городъ Дамаскъ и навсегда сокрушилъ силу Филистимлянъ; вмѣстѣ съ храбрымъ полководцемъ своимъ Іоавомъ покорилъ враждебныя племена Моавитовъ, Аммонитовъ и Эдомитовъ, жестоко отмщая имъ за прежнія пораженія: Аммонитовъ перетиралъ онъ пилами, разсѣкалъ орудіями желѣзными и ввергалъ въ огненныя печи; онъ отнялъ у Іевусеевъ главный городъ ихъ Іерусалимъ, съ укрѣпленіемъ Сіономъ, и сдѣлалъ его своею столицею и средоточіемъ святыни. Для этого велѣлъ онъ перенести туда изъ Киріаѳъ—Іарима кивотъ завѣта въ торжественномъ шествіи, при звукахъ гуслей, трубъ и литавръ, и установилъ чинъ торжественнаго богослуженія, существенную часть котораго составляло пѣніе религіозныхъ гимновъ или псалмовъ; многіе, и притомъ прекраснѣйшіе изъ нихъ, писаны самимъ Давидомъ. Ему суждено было вплести въ царскій вѣнецъ свой

чудный лавръ лирической поэзіи. Не смотря на черный поступокъ съ Урією, котораго онъ погубилъ, отнявъ у него напередъ прекрасную жену, не смотря и на многія другія прегрѣшенія, Давидъ все-таки оставался человѣкомъ по сердцу Божію, потому что всегда умѣлъ снискать себѣ прощеніе Іеговы своимъ глубокимъ раскаяніемъ и готовностью виниться во грѣхѣ. Подвижный духъ его былъ равно способенъ къ высокому поэтически-религіозному настроенію, какъ и къ увлеченію чувственности. Что касается до государственныхъ дѣлъ, то онъ тщательно устроилъ свое войско и окружилъ себя храброю дружиной иноплеменныхъ тѣлохранителей; онъ улучшилъ администрацію и судопроизводство, увеличилъ царскіе доходы, пріумножилъ казну и возвысилъ могущество и значеніе короны. Конецъ его царствованія былъ омраченъ мятежемъ его любимаго сына Авессалома, увлеченнаго честолюбіемъ и наущеніями злыхъ совѣтчиковъ. Въ надеждѣ на любовь народа, которую отецъ утратилъ благодаря гнету своего владычества, а сынъ пріобрѣлъ лаской и привѣтливостью ко всѣмъ, Авессаломъ покусился присвоить себѣ корону. Давидъ покинулъ даже свою столицу и бѣжалъ за Іорданъ. Но скоро счастіе воротилось къ мудрому государю. Авессаломъ былъ разбитъ, и смерть постигла его во время бѣгства, когда онъ зацѣпилъ своими роскошными волосами за сучья дерева и повисъ на высотѣ. На смертномъ одрѣ Давидъ передалъ вѣнецъ и царство Соломону (сыну своему отъ той самой Варсавіи, которую онъ такъ предательски отнялъ у Уріи Хеттеянина) и завѣщалъ ему, въ видахъ государственной предусмотрительности, казнить всѣхъ главныхъ его враговъ. — Соломонъ премудрый вступилъ на престолъ, погубивъ старшаго брата Адонію[1], но зато онъ довершилъ дѣло отца. Какъ Давидъ былъ великъ въ войнѣ, такъ Соломонъ прославился мирными искусствами. Онъ украсилъ столицу множествомъ богатыхъ построекъ и съ помощію тирскихъ художниковъ и зодчихъ соорудилъ на горѣ Моріи великолѣпный храмъ, окруженный жилищами священниковъ, жертвенниками

[1] Адонія возсталъ противъ рѣшенія Давида передать царство Соломону и увлекъ за собою многихъ начальниковъ и немалую часть народа.

и алтарями, и возбуждавшій общее удивленіе роскошью позолоты, рѣзныхъ работъ и всякаго рода украшеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано имъ новое устройство и служебное распредѣленіе священническимъ родамъ. Но Соломонъ во многомъ отступилъ отъ уставовъ Моисея. Онъ принималъ участіе въ морскихъ плаваніяхъ Финикіянъ въ Офиръ и обширными торговыми оборотами накопилъ невиданныя дотолѣ богатства, которыя еще болѣе развили въ немъ наклонность къ великолѣпію, роскоши и сластолюбію; онъ покупалъ лошадей изъ Египта и устроилъ постоянное войско съ боевыми колесницами и конницей; онъ сооружалъ славные дворцы и окружилъ себя блистательнымъ придворнымъ чиномъ; онъ содержалъ гаремъ изъ иноплеменницъ, которымъ дозволялъ идолослуженіе, принимая и самъ участіе въ ихъ жертвенныхъ торжествахъ. Не оградили его отъ безразсудствъ ни его высокій умъ, ни тонкій смыслъ, ни прославленная мудрость, которая «умножилась паче смысла всѣхъ древнихъ человѣкъ и паче всѣхъ смысленныхъ египетскихъ». По долго еще жила въ народѣ молва о мудромъ приговорѣ Соломона по спору двухъ женщинъ за ребенка, о загадкахъ, которыя отгадывалъ онъ и въ свою очередь предлагалъ Хираму Тирскому и царицѣ Савской, о его умѣньи задавать и изумительно рѣшать трудные вопросы. Онъ слылъ представителемъ краткаго золотаго вѣка въ царствѣ Израильскомъ, и оттого весь блескъ этого періода сосредоточился на Соломонѣ. Ему приписываются библейскія книги: Притчи, Пѣснь пѣсней и Экклесіастъ. У позднѣйшихъ поколѣній сказанія о сверхъестественной мудрости, богатствѣ и великолѣпіи царя іудейскаго, основателя Ѳадмора, приняли баснословные размѣры: «Сулейманъ» представлялся имъ могучимъ кудесникомъ, владыкой демоновъ и духовъ, повелителемъ сокровенныхъ силъ природы, и въ этомъ видѣ, среди постоянно измѣняющихся отношеній, народностей и вѣръ, живетъ онъ до сихъ поръ въ сказочномъ и баснословномъ мірѣ Востока и проникаетъ всю его поэзію. Однакожь блистательное царствованіе Соломона имѣло и свои темныя стороны. Изъ патріархальнаго быта возникла деспотическая монархія, окруженная восточной роскошью, восточнымъ сладострастьемъ и обременявшая народъ гнетомъ тяжкихъ податей и повинностей; мѣсто род-

ственно-чтимыхъ старшинъ и племеначальниковъ, которыхъ приговорами рѣшались дѣла въ прежнее время, заступила теперь власть царскихъ сановниковъ, произвольно толковавшихъ законъ и облагавшихъ податью свободную прежде собственность народа. Поэтому еще въ правленіе Соломона воинственный Іеровоамъ покусился на мятежъ. Возстаніе было подавлено, и зачинщикъ вынужденъ бѣжать въ Египетъ; но когда сынъ Соломоновъ, Ровоамъ, пошелъ по слѣдамъ отца и, внявъ совѣту «воспитанныхъ съ нимъ отроковъ», грозно отвергъ желанія народа, чтобы царю отказаться отъ всякихъ произвольныхъ мѣръ и облегчить тяжкій яремъ, наложенный Соломономъ, тогда десять колѣнъ отложились отъ его власти и выбрали себѣ царемъ Іеровоама изъ колѣна Ефремова (980 г.). Только колѣна Іудино и Веніаминово остались вѣрны законному государю.

г. Гибель раздѣленнаго царства.

§ 42. Идолослуженіе и пророки. Черезъ раздѣлъ возникли два неравныя величиною государства: состоящее изъ десяти колѣнъ царство Израильское или Ефремово, съ главными городами Сихемомъ, Ѳерсою и Самаріей, и состоящее изъ двухъ колѣнъ царство Іудейское или Іудино, съ городомъ Іерусалимомъ. Такъ какъ въ послѣднемъ хранился ковчегъ завѣта и какъ поэтому левиты и многіе благочестивые Израильтяне считали его настоящею столицею и средоточіемъ служенія истинному Богу, то Іеровоамъ на югѣ и сѣверѣ своего царства, въ древнихъ жертвенныхъ городахъ Данѣ и Веѳилѣ, воздвигнулъ кумиръ тельца и учредилъ жертвоприношенія на горныхъ высяхъ. Преемники его украсили Ѳерсу великолѣпными постройками и обогатили край торговлею; но внѣшняя его сила пострадала отъ войнъ съ Дамаскомъ и Іудеею, въ то же время усилившееся идолослуженіе разрушило прежнее упованіе на Бога и поколебало нравственность, основанную на вѣрѣ народной. Іудея, подъ державою преемниковъ Ровоама, также пережила печальные дни. Египетскій царь Сезонхисъ (Сусакимъ) взялъ Іерусалимъ и увезъ оттуда богатыя сокровища,

оставленныя Соломономъ [1]. Еще и теперь на лицевой сторонѣ южной стѣны великаго карнакскаго храма въ Ѳивахъ видно изображеніе: побѣдоносный фараонъ заноситъ какое-то остріе надъ группою плѣнныхъ узниковъ, и полувывѣтренная надпись гласитъ, что одинъ изъ нихъ — «юта-малкъ», то-есть царь Іуды. Лучшее время настало для Іудеевъ лишь тогда, когда при царѣ Іосафатѣ (920—890) они низвергли у себя алтари чужихъ идоловъ. — Однимъ изъ могущественнѣйшихъ и богатѣйшихъ царей Израиля былъ современникъ Іосафата, Ахавъ (ок. 900 г.). Онъ, по настоянію язычницы-жены, Іезавели изъ Тира [2], соорудилъ въ новой столицѣ своей Самаріи храмъ Ваалу, гдѣ постоянно служили четыреста пятьдесятъ жрецовъ. Напрасно священники Іеговы возставали противъ этого порочнаго, плотоугоднаго поклоненія Ваалу и Астартѣ, — строгая, одаренная желѣзной волей царица выгнала непокорныхъ изъ предѣловъ той страны и принудила ихъ укрываться въ пустыняхъ, пещерахъ и горныхъ дебряхъ. Въ числѣ ихъ былъ пророкъ Илія, нашедшій себѣ убѣжище у горы Кармила. Когда засуха и голодъ постигли цѣлый край, Илія указалъ въ этомъ бѣдствіи кару небесную, а взволнованный и раздраженный народъ умертвилъ жрецовъ Ваала, послѣ чего возвратились всѣ спасавшіеся бѣгствомъ пророки и священники, и служеніе Іеговѣ было возстановлено. Только Илія вынужденъ былъ снова бѣжать въ пустыню, отъ преслѣдованій озлобленной Іезавели. Ахавъ велъ удачныя войны съ Сирійцами въ Дамаскѣ; но счастіе отвернулось отъ него, когда вопреки совѣту пророковъ онъ даровалъ побѣжденному царю жизнь и свободу. Сирійскій царь отплатилъ за милость неблагодарностью и не исполнилъ условій мира съ Израильтянами. Въ третьей войнѣ, которую Ахавъ предпринялъ по этому случаю противъ Сиріянъ вмѣстѣ съ Іосафатомъ іудейскимъ, онъ былъ смертельно раненъ, но сражался стоя въ колесницѣ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ потери крови и истощенія (896 г.). Пророкъ Михей пред-

---

[1] Книга III Царствъ нашествіе Сусакима полагаетъ въ пятый годъ Ровоамова правленія.

[2] Кн. III Царствъ называетъ ее дочерью царя Сидонскаго.

возвѣстилъ ему печальный конецъ и за это передъ походомъ ввергнутъ былъ въ темницу до благополучнаго возвращенія царя. За Ахавомъ слѣдовалъ сынъ его Іорамъ (896—882), при которомъ Дамаскинцы долго осаждали Самарію, такъ что въ городѣ насталъ неслыханный голодъ. Всѣ эти бѣдствія истолкованы пророками въ смыслѣ каръ господнихъ, посылаемыхъ на домъ Ахава за поклоненіе Ваалу. И какъ чрезъ супружество Гоѳоліи (Атальи), дочери Ахава и Іезавели, съ сыномъ Іосафатовымъ, это грѣховное поклоненіе перешло и въ Іудею, то весь домъ Ахавовъ обреченъ былъ на погибель. Глава тогдашнихъ пророковъ Елисей повелѣлъ излить священный елей на Іиуя, полководца Іорамова, и провозгласилъ его, во имя Іеговы, царемъ Израиля. Пораненный въ битвѣ противъ Сиріянъ, Іорамъ сидѣлъ съ племянникомъ Охозіей (Агасья), царемъ Іудейскимъ, во дворцѣ своемъ въ Іезреэлѣ, когда вступилъ въ городъ Іиуй съ своими приверженцами; оба царя бѣжали въ колесницахъ, но онъ настигъ и умертвилъ ихъ, а Іезавель приказалъ выбросить изъ окна, такъ что кровь ея обрызгала стѣну и коней Іиуя. Свирѣпый убійца проѣхалъ по ея трупу, а потомъ велѣлъ старѣйшинамъ и военачальникамъ истребить весь родъ Ахавовъ и прислать къ нему головы убитыхъ. Такъ погибли семьдесятъ сыновей и внуковъ Ахава и сорокъ два брата и сродника Охозіины. Но не исполнилась надежда Іиуя утвердить на трупахъ державнаго дома соединеніе обоихъ царствъ. Гоѳолія, дочь Ахава, захватила въ Іудеѣ бразды правленія и точно такъ же погубила всѣхъ тѣхъ, кто преграждалъ ей дорогу, не пощадивъ даже родныхъ внуковъ, сыновей Охозіи. Только одинъ изъ нихъ, годовой младенецъ Іоасъ, едва спасенъ былъ сестрою своего отца (Іосавеѳъ) отъ свирѣпства языческой царицы и тайно воспитанъ въ храмѣ священникомъ Іодаемъ (мужемъ Іосавеѳъ). Такъ же жестоко какъ съ царскимъ домомъ поступилъ Іиуй (882—854) съ жрецами и служителями Ваала. Они были перебиты, капища ихъ разрушены и поклоненіе Іеговѣ снова возстановлено. Но эти ужасы ослабили силы Израиля, такъ что при Іиуѣ и трехъ его преемникахъ большая часть края отошла къ Сиріянамъ, а войско уменьшилось до десяти тысячъ человѣкъ, всего съ десятью боевыми колесницами и

пятидесятью конниками. Только при Іеровоамѣ II (822 — 780) царство Израильское возвысилось снова. Утраченные города были возвращены, ожившая торговля дала благосостояніе и богатство; сыны Израиля жили въ кущахъ по прежнему, а въ столицѣ Самаріи господствовало великолѣпіе и выстроилось много красивыхъ домовъ. — То же послѣдовало и въ Іудеѣ. Послѣ семилѣтняго царствованія, Гоѳолія, по замыслу первосвященника Іодая, была свергнута и умерщвлена, капище Ваала разрушено и поклоненіе Іеговѣ возстановлено во всей славѣ. Однакожь ни Іоасъ (876—836); ни сынъ его Амасія (836—806) не смогли еще успѣшно противиться нападеніямъ многочисленныхъ враговъ; сверхъ-того и междоусобная война съ родственнымъ Израильскимъ царствомъ нанесла раззореніе странѣ и ея столицѣ Іерусалиму. Только Озія успѣлъ снова доставить Іудеѣ надлежащій вѣсъ; счастливою войной съ Филистимлянами и другими враждебными племенами возбудилъ онъ въ народѣ самоувѣренность и воинское мужество, и въ то же время поощрялъ торговлю, земледѣліе и скотоводство.

§ 43. Ассирійское и вавилонское плѣненіе. Въ 9 и 8 вѣкахъ настали тяжкія времена для раздѣленныхъ царствъ. На востокѣ возвысилось царство Ассирійское (§ 27) съ обновленнымъ воинскимъ могуществомъ и направило свои завоевательные походы къ при-ливанскимъ краямъ, ослабленнымъ междоусобіями и потрясеннымъ язвою идолопоклонства. Израиль и Іудея, вмѣсто того чтобъ противустать общими силами могучему врагу и почерпнуть мужества и бодрости въ твердомъ упованіи на Іегову и въ привязанности къ кореннымъ обычаямъ и законамъ, раздорили между собой, союзились съ иноплеменниками, искали защиты и помощи у алтарей языческихъ боговъ и предавались роскоши и сластолюбію. Они преслѣдовали боговдохновенныхъ пророковъ (§ 44), смѣло и открыто предвѣщавшихъ паденіе царства, если поклоненіе Іеговѣ уступитъ мѣсто идолослуженію, если не прекратится вольнодумство и междоусобіе. Но мужество и сила пророковъ росли вмѣстѣ съ гоненіями. Въ пустыняхъ среди лишеній и бичеваній укрѣплялась вѣра ихъ и внутреннее прозрѣніе. Именемъ Іеговы, въ которомъ видѣли они Бога живаго, святое, духовно-нравственное существо, кото-

рому должно служить не жертвами и алтарями, но безгрѣшною жизнію, чистымъ сердцемъ и устами, — его именемъ настаивали они на исправленіи, на добродѣтели и страхѣ Божіемъ, и грозили гнѣвомъ Господнимъ всѣмъ тѣмъ, кто не возвратится къ Богу отцовъ и не возложитъ на него единаго — упованія и надежды. Но сердца Іудеевъ ожесточились. Напрасно пророкъ Амосъ, прежде пасшій овецъ въ Іудеѣ, пока не призвалъ его Господь, велъ ревностную проповѣдь противъ сластолюбія и разврата вельможъ израильскихъ, противъ обмана и притѣсненій, противъ того безстыдства, съ какимъ «обратили они судъ на гнѣвъ и плодъ правды на горесть»; за это возстали на него идольскіе жрецы въ Веѳилѣ и принудили его бѣжать въ Іудею. Напрасно Осія (Гошеа) предостерегалъ израильскаго царя Манаима (770 — 758) отъ безразсуднаго замысла призвать Ассиріянъ на помощь противъ Дамаскинцевъ, и изображалъ бѣдствія, какія должны постигнуть народъ, если онъ не возвратится къ правдѣ, умѣренности, закону и порядку; царь Фулъ былъ все-таки призванъ, вступилъ черезъ Евфратъ въ Сирійскую страну и сдѣлалъ ослѣпленнаго Манаима своимъ данникомъ, отнявъ у него напередъ сокровища и разные города, а часть жителей перевелъ въ Месопотамію. Такой примѣръ не удержалъ однакожъ іудейскихъ царей Іоѳама (753—742) и Ахаза (742—726) также заискивать покровительства Ассиріи. Когда Факей, царь Самаріи, въ союзѣ съ дамаскинскими Сиріянами, пошелъ войною на Іудею и тѣсно обложилъ Іерусалимъ, Ахазъ призвалъ на помощь Фулова преемника, Тиглатъ-Пилесара (Ѳелгафеласара), согласился быть данникомъ Ассиріянъ и осквернилъ храмъ Іеговы ассирійскимъ идолослуженіемъ, не смотря на грозныя обличенія великаго, боговдохновеннаго, пламеннаго пророка Исаіи, котораго сердце горѣло любовью къ отечеству, къ вѣрѣ отцовъ, къ древней доблести и чистотѣ нравовъ. Скоро обнаружились печальныя слѣдствія этого безразсуднаго поступка. Когда воинственнѣйшій изъ ассирійскихъ царей, Салманасаръ, сдѣлалъ нашествіе на богатую приморскую землю, покорилъ себѣ Финикію, завоевалъ Старый Тиръ, отнялъ портовые города Филистимлянъ и грозно прошелъ до самыхъ границъ Египта, тогда

Осія Израильскій (728—720) вступилъ въ союзъ съ Египтянами, чтобы найдти защиту отъ Ассирійцевъ, и уклонился отъ тяжкаго данничества Салманасару. Раздраженный такою дерзостью Салманасаръ двинулся на царство Израильское, взялъ послѣ трехлѣтней осады столицу Самарію и увелъ царя съ большею частію народа въ ассирійское плѣненіе, на ту сторону Евфрата и Тигра (720). Въ далекой Арменіи и въ «мидійскихъ городахъ» указаны были новыя мѣста жительства многочисленнымъ плѣнникамъ, а зеленая, холмистая Самарія занята была чуждыми племенами, которыхъ ассирійскій царь велѣлъ перевести туда изъ Вавилона, Емаѳа (Гамата) и съ Евфратскихъ береговъ. Только въ немногихъ слабыхъ остаткахъ Израильскаго царства сохранилось воспоминаніе о прежнемъ бытѣ, о могуществѣ и благоденствіи подъ державою Давида и Соломона. Край былъ дотого опустошенъ, что дикіе звѣри терзали тамъ человѣка и «слышался голосъ на высотахъ, скорбный плачъ сыновъ Израиля, зачѣмъ совратились они съ пути правды и забыли Іегову, своего Господа». Изъ смѣшенія новыхъ поселенцевъ съ оставшимися на мѣстѣ Израильтянами произошли Самаритяне.

§ 43. *б.* Іудея оставалась еще данницею Ассиріянъ и была до времени пощажена. Но вскорѣ потомъ могущественный Салманасаръ сошелъ въ могилу, и царь іудейскій Езекія (Гискія, 726—698) думалъ, что вотъ наступилъ для него часъ освобожденія. Онъ заключилъ союзъ съ Египтянами и укрѣпилъ Іерусалимъ. Тщетно Исаія увѣщевалъ не опираться на гнилой посохъ и не искать у людей помощи и спасенія, когда ихъ властенъ даровать одинъ Іегова; Езекія остался при своемъ намѣреніи, однакожъ увѣщанія пророка побудили его по крайней мѣрѣ покинуть чужихъ боговъ и усердно и ревностно обратиться къ Господу. Упованіе его не обмануло́сь. Сеннахиримъ (Санхерибъ), воелюбивый преемникъ Салманасара, вступилъ съ огромнымъ войскомъ въ Іудею и угрожалъ осадить Іерусалимъ. Но не приспѣлъ еще часъ царству Іудину, Іегова охранялъ еще свой городъ, какъ предвозвѣстилъ пророкъ Исаія. Прежде чѣмъ подошла египетская помощь, войско Ассиріянъ было истреблено страшною моровою язвою, и Сеннахиримъ въ ужасѣ поки-

нулъ эту землю. Іерусалимъ былъ спасенъ. Сеннахримъ спустя нѣсколько времени палъ подъ ударами двухъ сыновей своихъ, и Ассирійское царство быстро склонилось къ упадку. Не истекъ еще седьмой вѣкъ, а гордая Ниневія лежала уже въ развалинахъ (§ 27). Но Іудея впала опять въ прежнюю слѣпоту. Сынъ Езекіи Манассія (698—642), забывъ Іегову, снова обратился къ идоламъ, которыхъ чествовалъ дѣдъ его Ахазъ. Снова учреждено было служеніе Ваалу, и культъ сладострастія смѣнилъ поклоненіе единому и святому Богу. По примѣру Ахаза, Манассія принесъ собственнаго сына въ жертву раскаленному Молоху. Жестокія гоненія подняты были на пророковъ, которые сильно возставали противъ этихъ безнравственныхъ жертвъ, противъ водворенія чувственныхъ обрядовъ, и грозно предвѣщали Іерусалиму горькую долю Самаріи: «и простру на Іерусалимъ мѣру Самарійскую и вѣсы дому Ахаавля», если сыны Іудины не обратятся въ чистотѣ сердца къ Богу живому и не пойдутъ путями правды. Мечъ, какъ лютый левъ, пожиралъ пророковъ; но голосъ ихъ раздавался по прежнему, и Исаія съ полнымъ упованіемъ указывалъ павшему духомъ народу на грядущаго Мессію, который изъидетъ отъ племени Давидова на спасеніе людямъ. Еще однажды торжественно обновился древній завѣтъ между Іеговою и его народомъ, когда царь Іосія (640—608), вступившій на престолъ осьмилѣтнимъ отрокомъ, принялъ изъ рукъ священниковъ писанный законъ Моисеевъ (622 г.), и въ знакъ возвращенія своего къ древней вѣрѣ и Богопочитанію, повелѣлъ разрушить алтари Ваала и звѣздныхъ божествъ, изгнать жрецовъ и волхвовъ языческихъ и уничтожить служеніе разврату и ужасу, Астартѣ и Молоху. То были послѣдніе счастливые годы для Іудеи. Благочестивый Іосія, въ битвѣ при Мегиддонѣ, былъ побѣжденъ египетскимъ царемъ Нехао (§ 31), и второй сынъ его Іоакимъ (608—597) вступилъ на престолъ уже данникомъ. Легкомысленный и расточительный, не заботился онъ о бѣдственномъ положеніи края; онъ снова обратился къ чужимъ богамъ и преслѣдовалъ смѣлаго пророка Іеремію, который въ грозныхъ обличеніяхъ возставалъ противъ беззаконій царя и народа и предвозвѣщалъ близкій день суда, когда

храмъ Іерусалимскій падетъ въ развалинахъ, а страна и народъ Іудейскій сдѣлаются добычей иноплеменныхъ полчищъ. Пораженіе Нехао Навуходоносоромъ (§ 28) при Кархамисѣ (Кархемишъ) не принесло Іудеямъ облегченія. Мѣсто египетскаго властителя заступилъ теперь могущественный и воинственный царь вавилонскій, который, унаслѣдовавъ ассирійское господство по сю сторону Евфрата, рѣшился продолжать завоеванія Салманасара и Сеннахирима. Въ четыре года покорилъ онъ Сирійскую страну вмѣстѣ съ городомъ Іерусалимомъ, разграбилъ храмъ и увелъ Іоакимова сына Іехонію вмѣстѣ съ воинами и знатнѣйшими гражданами внутрь своихъ владѣній (597 г). Надъ беззащитнымъ остаткомъ тѣхъ Іудеевъ, которыхъ Навуходоносоръ не тронулъ изъ Іерусалима, поставленъ былъ царемъ-данникомъ Седекія, третій сынъ Іосіи, а страна и городъ угнетены тяжкимъ игомъ. Но неподатливый духъ іудейскаго народа не сокрушился еще вполнѣ и теперь; въ груди ихъ еще теплилось желаніе свободы и самобытности. Іеремія, отчаяваясь за будущность отечества, увѣщевалъ ихъ остаться подъ чужеземнымъ игомъ, но пророческій его голосъ не нашелъ себѣ сочувствія. Въ надеждѣ на помощь Египтянъ, Іудея, съ царемъ своимъ во главѣ, снова возстала противъ иноплеменнаго деспота, однакожъ безуспѣшно. Не смотря на мужественную оборону, Іерусалимъ, по предсказанію Іереміи, сталъ добычею враговъ. Навуходоносоръ выжегъ храмъ и городъ, похитилъ кивотъ завѣта и священные сосуды и увлекъ наконецъ лишеннаго зрѣнія царя съ большею частію народа въ семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе. Іеремія, отсовѣтовавшій борьбу съ Халдеями и содержавшійся за то подъ стражей во все время осады Іерусалима, пошелъ искать убѣжища въ Египтѣ и оплакивалъ тамъ въ скорбныхъ пѣсняхъ (Плачъ Іереміинъ) погибель отечества. «Како сѣде единъ—градъ, умноженый людьми; бысть яко вдовица; умноженный во языцѣхъ, владяй странами, — бысть подъ данію. Плача плакася въ нощи, и слезы его на ланитѣхъ его, и нѣсть утѣшаяй его отъ всѣхъ любящихъ его..... Путіе Сіони рыдаютъ, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ.» Среди бѣдствія, Іудеи опять прибѣгли къ Богу своихъ отцовъ и «сидя при водотечахъ вавилонскихъ», внимали голосу

священниковъ и пророковъ, которые, подобно Іезекіилю и великому Исаіи вавилонскому, предрекали имъ будущее возвращеніе на родину. И обрѣли они милость предъ лицомъ Іеговы. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Вавилонъ былъ завоеванъ Персами, и вслѣдъ за тѣмъ Киръ отпустилъ Іудеевъ домой изъ плѣна. «Глаголяй Киру смыслити, и вся воли моя сотворитъ; глаголяй Іерусалиму: возградишися, и храмъ святый мой осную. Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному моему Киру», говорилъ великій пророкъ: «Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдяная сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю. Сей созиждетъ градъ мой, и плѣненіе людей моихъ возвратитъ, не по мздѣ, ни по даромъ, рече Господь Саваоѳъ». Сначала вышла изъ Вавилона только малая часть Іудеевъ, подъ начальствомъ Зоровавеля и Іисуса Іоседекова, и немедленно приступила къ построенію храма; но какъ эти выходцы отстраняли отъ себя Самаритянъ, почитая ихъ нечистыми (за смѣшеніе съ язычествомъ), то Самаритяне, изъ племенной вражды, старались всѣми силами мѣшать ихъ предпріятію. Они исходатайствовали запрещеніе продолжать начатую постройку, которая, вслѣдствіе того, окончена была только при Даріи и тогда освящена очистительными и благодарственными жертвами. Въ правленіе персидскаго царя Артаксеркса, возвратились на родину новыя толпы переселенцевъ подъ водительствомъ Эздры и Неэміи, среди битвъ съ врагами выстроили городъ, огражденный стѣною и крѣпкими воротами, и возстановили законъ Моисеевъ. Неэмія раздѣлилъ народъ на двѣ половины; пока одни, въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ, стояли на стражѣ, другіе, опоясанные однимъ мечемъ, занимались строеніемъ и носкою тяжестей, такъ что работая одною рукой, они, въ случаѣ нужды, сражались другою. Несчастіе научило ихъ видѣть себѣ спасеніе и благо въ одной твердой преданности вѣрѣ отцовъ, поэтому и удалялись они теперь заботливѣе прежняго языческихъ обрядовъ и всякаго сближенія съ идолопоклонниками. Но благодаря этой исключительности, іудейское государство превратилось мало по малу въ замкнутую жреческую іерархію съ строгимъ соблюденіемъ самой буквы закона.

§ 44. Еврейская литература. Литература Израильтянъ, равно

какъ ихъ исторія, государственныя учрежденія и весь бытъ, находилась въ прямой связи съ служеніемъ Іеговѣ; поэтому и поэзія ихъ, какъ изліяніе религіознаго настроенія, была чисто лирическая, а высшіе роды поэзіи, каковы напримѣръ плодъ свободно сложившейся и свободно воспроизводимой исторіи—эпосъ и неразрывная съ яснымъ созерцаніемъ и спокойнымъ представленіемъ дѣйствительности драма, не находили себѣ у нихъ ни благопріятной почвы, ни дѣлателей. Религія Іеговы есть средоточіе всей еврейской литературы, распадающейся на историческія, поэтическія и пророческія писанія. Историческія книги содержатъ въ себѣ исторію учрежденія ѳеократическаго государства съ его точно опредѣленнымъ законодательствомъ. — Поэтическія писанія отчасти входятъ въ область чистаго лиризма, каковы напримѣръ приложенные къ богослуженію псалмы, которымъ царь Давидъ далъ ихъ истинный характеръ, не смотря на то, что большая часть изъ тѣхъ, которые находимъ мы въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Псалтири, принадлежитъ собственно не ему; но есть и такія поэтическія произведенія, въ которыхъ лирика соединена съ элементомъ драматическимъ, или гдѣ въ основаніе положенъ идиллическій расказъ; есть наконецъ и такія, въ которыхъ преобладаетъ дидактизмъ,—таковы: сказаніе о благочестивомъ, многострадальномъ Іовѣ, написанное съ цѣлію препрославить властвующій надъ человѣкомъ божественный промыслъ и небесное правосудіе, или собраніе поэтическихъ изреченій, относимое къ Соломону. Эта книга «притчей» то простымъ, почти пословичнымъ изложеніемъ, то остроумными контрастами и сравненіями, возвѣщаетъ мудрость, которой нравственно-религіозныя правила почерпнуты изъ обширнаго житейскаго опыта; благодаря полной смысла, многообъемлющей сжатости выраженія и чрезвычайно мѣткому выбору образовъ, она особенно соотвѣтствуетъ натурѣ восточнаго человѣка, она ему особенно по душѣ. Въ притчахъ Соломоновыхъ отражается основанная на нравственности и богобоязни многовѣковая практическая жизнь, такъ точно, какъ въ псалмахъ видимъ мы отраженіе внутренней, религіозной жизни сердца. Псалмы — это перлы еврейской поэзіи. Огненный потокъ вдохновенія возноситъ пѣснопѣвцевъ прямо къ Богу, который является здѣсь не живущимъ въ самой природѣ и не единымъ съ ней существомъ, но властителемъ, повелѣвающимъ ею, какъ своею тварью. Языкъ и выраженіе отличаются такимъ пареніемъ, образы — такою возвышенною смѣлостью и такою величаво-сжатой наглядностью, полная упованія мольба къ Богу, благодареніе и славословіе — такимъ жаромъ, жалобы — такою задушевностью, что ничего этому равнаго не найдемъ

мы въ поэзіи другихъ народовъ и другихъ эпохъ. Подобно псалмамъ, увѣщанія, обличенія и предсказанія боговдохновенныхъ пророковъ, полныхъ вѣры и любви къ отечеству, представляютъ также дивный отблескъ религіознаго настроенія израильскаго народа. Подъ владычествомъ той идеи, что спасеніе лежитъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, пагуба— въ презрѣніи ихъ, пророки въ послѣднемъ случаѣ постоянно грозятъ карами, открывая въ каждомъ наступившемъ или близкомъ по всѣмъ признакамъ бѣдствіи мстящую десницу неба, и, наоборотъ, предрекая избавленіе отъ золъ и всякое счастье, въ случаѣ обращенія на путь истины и покаянія. Это обращеніе и покаяніе должны однакожь состоять не въ ханжествѣ или наружномъ благочестіи, не въ жертвахъ, молитвахъ и постахъ, но въ нравственномъ исправленіи и честномъ образѣ жизни. Важнѣйшими и высокопреннѣйшими изъ пророковъ были тѣ, которые жили во время ассирійскихъ войнъ или около той эпохи: между ними особенно возвышается старѣйшій Исаія. Въ наукахъ и искусствахъ Іудеи сдѣлали мало; натура ихъ была не художественная, да и строгость монотеизма стѣсняла у нихъ развитіе пластики и живописи.

Библія, по нынѣшнему распредѣленію, содержитъ въ себѣ слѣдующія книги, между которыми должно различать писанныя на еврейскомъ отъ писанныхъ на греческомъ, или дошедшихъ къ намъ только въ переводѣ на послѣдній:

I. Книги историческія. Сюда принадлежатъ: пять книгъ Моисея (пятокнижіе). Книга первая, Бытія (міро-зданія), содержитъ въ себѣ древнѣйшую исторію рода человѣческаго и судьбы Израильтянъ до пребыванія въ Египтѣ; книга вторая, Исходъ, имѣетъ главнымъ предметомъ бѣдствія народа въ Египтѣ, исходъ оттуда и законодательство на горѣ Синайской; книга третья, Левитъ, занимается религіознымъ и гражданскимъ закономъ, особенно чиномъ священниковъ; книга четвертая, Числъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ дальнѣйшихъ законовъ и житейскихъ правилъ, народную перепись, родословныя Іудеевъ и начатки завоеванія Ханаанской земли; книга пятая, Второзаконіе, повторяетъ исторію странствія въ пустынѣ и важнѣйшіе законы, а потомъ говоритъ о кончинѣ Моисея и послѣднихъ его рѣчахъ. — Книга Іисуса Навина повѣствуетъ о завоеваніи Палестины подъ начальствомъ этого вождя и о раздѣлѣ земли въ томъ видѣ, какъ онъ предполагался, но никогда не былъ въ точности исполненъ. — Книга Судей, самая живая историческая книга Израильтянъ, опирающаяся на замѣчательныя мѣстности, алтари и памятные камни, излагаетъ героическую эпоху іу-

дейскаго народа и ратные подвиги, совершенные подъ водительствомъ боговдохновенныхъ мужей. — Идиллическій расказъ, составляющій содержаніе книги Руѳь, кажется, имѣетъ цѣлью показать происхожденіе царя Давида: Руѳь была, какъ извѣстно, праматерь царя-пророка [1]. Четыре книги Царствъ [2] представляютъ живую и поучительную картину судебъ израильскаго народа въ періодъ его блеска и потомъ въ эпоху паденія, когда онъ раздѣлился на двое и наконецъ отведенъ былъ въ плѣнъ. — Моложе по времени и менѣе значительны по содержанію двѣ книги Паралипоменонъ (лѣтописей), которыя рядомъ съ родословными списками заключаютъ въ себѣ преимущественно исторію колѣнъ Іудина и Левіина. Онѣ вовсе не служатъ продолженіемъ книгамъ Царствъ, но большею частью повѣствуютъ о томъ же самомъ времени, только съ точки зрѣнія «ѳеократическаго прагматизма». Судьбы Іудеевъ по возвращеніи изъ плѣна и исторія построенія новаго храма іерусалимскаго изложены въ трехъ книгахъ: Эздры, Неэміи и Эсфирь. Послѣдняя изображаетъ, какимъ образомъ Эсѳирь избавила Іудеевъ отъ опасности, угрожавшей имъ въ плѣну со стороны Артаксерксова любимца, Амана.

II. Поэтическія книги. Книга Іова представляетъ душевную борьбу уповающаго на Бога человѣка, который среди тяжкихъ испытаній мятется нѣкоторое время сомнѣніемъ въ правосудіи Божіемъ, но потомъ опять возвращается къ полному упованію на небесный промыслъ. — Псалтирь — собраніе полутораста лирическихъ и дидактическихъ стихотвореній преимущественно религіознаго содержанія, которыя предназначались для праздничнаго пѣнія во храмѣ. Это — или славословія Іеговы (оды и гимны), или благодарственныя или, наконецъ, жалобныя пѣсни (элегіи); тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ Давиду, отличаются глубокимъ религіознымъ чувствомъ и умилительною сладостью сложенныя пѣвческимъ родомъ Кореитовъ (сыновъ Кореовыхъ), поражаютъ своею живостью и высокимъ пареніемъ, а сочиненныя пѣвцомъ Давидовой школы Асафомъ имѣютъ преимущественно поучительное содержаніе. — Притчи Соломоновы частію состоятъ изъ отдѣльныхъ изреченій и пословицъ, частію изъ цѣлаго ряда связныхъ между собою сентенцій; на нихъ должно смотрѣть, какъ на передавае-

---

[1] Отъ нея родился дѣдъ его, Овидъ.

[2] Первыя двѣ слывутъ у многихъ западныхъ библистовъ книгами Самуила; другіе приписываютъ Самуилу толь 24 первыя главы первой книги Царствъ.

мое изъ рода въ родъ сокровище житейской опытности цѣлаго народа. Такъ называемый Экклезіастъ, то-есть проповѣдникъ Соломоновъ, есть дидактическое стихотвореніе, въ которомъ опытный человѣкъ высказываетъ въ короткихъ предложеніяхъ и безъ строгой внутренней связи результаты своихъ размышленій и сомнѣній. Въ Пѣсни пѣсней главная мысль — изображеніе вѣрной, высоко-нравственной любви, которая противится всѣмъ искушеніямъ и, слѣдуя только свободному стремленію благороднаго сердца, остается недоступною для какихъ бы то ни было внѣшнихъ обояній и прелестей [1].

III. Книги пророческія. Относительно времени можно допустить четыре періода пророчества: 1. древнѣйшій отъ 12 до 9 вѣка, къ которому принадлежатъ Илій, Елисей и другіе, и отъ котораго не осталось ни какихъ письменныхъ памятниковъ; 2. періодъ ассирійскій (съ 800 по 700), который можно назвать временемъ процвѣтанія пророческой поэзіи и къ которому относятся Іоиль, Амосъ, Осія, Исаія, Михей и Наумъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ свободномыслящему, исполненному упованія на Бога и любви къ родинѣ Исаіи, который возвышеннымъ языкомъ коритъ заблужденія своего народа и въ прекрасныхъ, глубокомысленныхъ прозрѣніяхъ предвѣщаетъ свѣтлую будущность, золотой вѣкъ, который на развалинахъ настоящаго возникнетъ для лучшихъ поколѣній, когда подъ державою отпрыска племени Давидова возвратится великое и счастливое время этого царя, люди обратятся къ Іеговѣ всѣмъ сердцемъ, а высоты (высокая славянской Библіи) съ ихъ кумирами а алтарями будутъ покинуты и запустѣютъ. Ближе всего къ Исаіи подходитъ Михей своей нравственною твердостью, Наумъ—своею грозною рѣчью противъ Ниневіи, и Іоиль — строгою проповѣдью покаянія. — 3. Къ третьему, халдейскому періоду принадлежатъ Софонія, Іеремія, Аввакумъ, Іезекіиль, Авдій, между которыми первое мѣсто занимаетъ возвышенный, благочестивый, любящій отечество Іеремія. Его мрачныя обличенія навлекли ему ненависть и гоненіе со стороны ослѣпленныхъ жрецовъ и князей. Освобожденный Навуходоносоромъ изъ напраснаго заключенія, которому подвергся онъ за то,

[1] Необходимо замѣтить, что за изложеннымъ здѣсь, такъ-сказать непосредственнымъ смысломъ «Пѣсни Пѣсней», іудейскіе толкователи видятъ въ ней «символъ любви, которая соединяетъ Бога съ Израилемъ, а христіане — таинственное соединеніе Іисуса Христа съ церковію». См. Библейско-біографической Словарь Яцкѣвича и Благовѣщенскаго.

что не совѣтовалъ своимъ согражданамъ отлагаться отъ Ассиріянъ, Іеремія, какъ говорятъ, кончилъ жизнь въ Египтѣ. Его грустный «плачъ» о разрушеніи Іерусалима и храма Іеговы — остается прекраснымъ памятникомъ элегической поэзіи Евреевъ. Пламенной изобразительностью и смѣлымъ поэтическимъ размахомъ превосходитъ его Аввакумъ въ своихъ полныхъ увѣренности предвѣщаніяхъ той кары небесной, которая должна постигнуть враговъ Израиля. Іезекіиль, богатымъ образами, но темнымъ пророческимъ языкомъ, предсказываетъ близкое паденіе Іерусалима, которое самъ онъ еще пережилъ, и бѣдствія въ плѣну, которыя онъ самъ потомъ дѣлилъ; въ то же время онъ предостерегаетъ отъ идолослуженія и ложныхъ пророковъ [1], и возвѣщаетъ ожидающее Израиль спасеніе. — 4. Къ четвертому періоду, послѣ плѣна, причисляются Іона, Аггей, Захарія, Малахія, Даніилъ. Аггей и Захарія, два возвратившіеся изъ вавилонскаго плѣненія Іудея, старались ободрить народъ къ сооруженію храма іерусалимскаго и пробудить въ немъ мужество и увѣренность предвѣщаніемъ лучшихъ дней ему и разныхъ бѣдствій его непріятелямъ. Даніилъ, который, въ Вавилонскомъ плѣну, былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ гибели и потомъ воспитанъ въ халдейской мудрости при дворѣ Навуходоносора, пережилъ паденіе Халдейско-Вавилонскаго царства и основаніе Персидскаго и сталъ благодѣтелемъ своего народа.

IV. Книги, писанныя по-гречески или дошедшія до насъ только въ греческихъ переводахъ. Не смотря на второстепенность своего канонического достоинства, книги эти важны какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Изъ нихъ особенно замѣчательны книги Маккавейскія, въ которыхъ изображена доблестная борьба Іудеевъ противъ утѣсненій отъ сирійскихъ царей (§ 131). Отчасти неудовлетворительныя по краткости, нѣкоторымъ ошибкамъ и, понятному впрочемъ, преувеличенію, онѣ очень достовѣрны въ цѣломъ, точны въ хронологическомъ отношеніи, и стоятъ выше всѣхъ другихъ историческихъ произведеній того времени. — Книга Іудиоь — поэтическое сказаніе, обработанное неизвѣстно кѣмъ, повидимому, съ цѣлію возбудить патріотизмъ израильскаго народа. Она писана первоначально по-халдейски.

---

[1] Частыя и горькія жалобы великихъ представителей пророчества, Іереміи, Іезекіиля и другихъ, вызванныя появленіемъ множества ложныхъ пророковъ, свидѣтельствуютъ о томъ печальномъ вліяніи, какое имѣли послѣдніе на возбужденіе смутъ и замѣшательствъ въ народныхъ массахъ.

7. Мидяне и Персы.

§ 45. Мидяне (подобно Персамъ, отрасль зендскаго народа и стало-быть потомки древнихъ Арійцевъ или Иранцевъ) находились пять вѣковъ подъ владычествомъ Ассиріянъ, пока наконецъ, какъ храбрый народъ, не свергли съ себя чужеземнаго ига и не стали независимо владѣть своею плодоносною землею, особенно удобною для коневодства. Но вскорѣ возникли у нихъ смуты и безначаліе, грозившія снова подчинить ихъ власти могущественнаго сосѣда. Тогда Мидяне выбрали въ цари Деіока (708—655), снискавшаго добрую славу въ качествѣ умнаго и праваго судьи. Онъ тотчасъ же окружилъ себя стражею изъ копейщиковъ, построилъ себѣ въ очаровательной горной мѣстности новую столицу, Экбатану, окруженную семью стѣнами, изъ которыхъ внутренняя ограждала царскій зàмокъ и казнохранилище, и основалъ наслѣдственную военную деспотію съ толпой шпіоновъ и подслушниковъ и со всѣмъ восточнымъ церемоніаломъ. Преемникъ его Фраортъ (655—633) началъ великую борьбу съ громадною Ассирійскою монархіей, но лишился въ одной рѣшительной битвѣ и побѣды и жизни. Подъ правленіемъ сына его Кіаксара (633—593) Мидія подверглась страшному нашествію кочевыхъ Скиѳовъ изъ Кавказскихъ земель и оставалась 28 лѣтъ подъ гнетомъ ихъ притѣснительной власти. До Аскалона въ Сиріи и до предѣловъ Египта простерли они свои хищническіе набѣги, все истребляя и опустошая на пути. Наконецъ удалось однакожь мидійскому царю не только освободиться отъ враждебнаго пастушескаго народа, но и значительно расширить свои владѣнія тѣмъ, что въ союзѣ съ вавилонскимъ царемъ Набополасаромъ онъ завоевалъ и разорилъ царство Ниневійское (605 г.). Основанное Кіаксаромъ Ново-Мидійское государство вскорѣ до того усилилось счастливыми завоеваніями, что могло уже поспорить съ Вавилонскимъ. Къ числу его подданныхъ принадлежали и родственные Мидянамъ Бактрійцы, и Персы, сидѣвшіе около Пасаргады и Персеполя, а на западѣ его держава простиралась до порубежной рѣки Галиса. Но уже при сынѣ Кіаксара, изнѣженномъ Астіагѣ (около 575 г.), верховная власть

надъ Мидіей перешла къ Персамъ Астіагъ, испугавшись сна, въ которомъ привидѣлось ему, что сынъ дочери его Манданы сталъ вмѣсто его властителемъ Азіи, выдалъ эту дочь за одного изъ князей подвластнаго ему племени, чтобы не имѣть отъ нея наслѣдника мидійскаго престола. Но сынъ ея Киръ (560 г.), чудесно спасенный отъ предназначенной ему гибели и воспитанный среди пастуховъ, однимъ удачнымъ возстаніемъ свергъ дѣда своего съ престола и сдѣлался основателемъ Персидской монархіи. Позднѣйшія попытки Мидянъ возстановить свою власть остались совершенно безуспѣшны.

Знаменитыя въ цѣлой древности мидійскія хламиды свидѣтельствуютъ объ искусствѣ этого народа приготовлять тонкія ткани и окрашивать ихъ въ великолѣпные цвѣта. Древнѣйшею столицею Мидянъ была Бактра. Отъ прежняго величія Экбатаны остались лишь немногіе слѣды около нынѣшняго Гамадана. Мидяне и Персы, подобно всѣмъ Иранцамъ, исповѣдывали религію свѣта, которую, какъ увѣряютъ, открылъ на спасеніе людямъ Заратушра (Зороастръ) въ священной книгѣ Зендъ-Авеста, по внушеніямъ бога свѣта Агурамазды (Ормузда, § 8). Священная эта книга, гласитъ одно преданіе, сожжена Александромъ Великимъ вся, за исключеніемъ статей о медицинѣ и астрономіи, которыя онъ велѣлъ перевести на греческій; однакожь впослѣдствіи и прочія части книги были опять возстановлены на память. Другое, болѣе достовѣрное преданіе говоритъ, будто Заратуштрины писанія собраны были вновь подъ правленіемъ Сассанидовъ (во 2 вѣкѣ нашего лѣтосчисленія) и при каждой книгѣ отмѣчено, чего противъ прежняго въ ней недостаетъ. По этому преданію Зендъ-Авеста содержала въ себѣ первоначально двадцать одну книгу, то есть именно столько, сколько заключается словъ въ священнѣйшей заповѣди поклонниковъ Агурамазды, — именно заповѣди о чествованіи божества. Въ первой книгѣ помѣщались, какъ увѣряютъ, хваленія и молитвы, во второй шла рѣчь о добрыхъ дѣлахъ, въ третьей — о священномъ словѣ, въ четвертой о божествахъ, въ пятой — о землѣ, водѣ, деревьяхъ, животныхъ и т. д., въ шестой — о небѣ и звѣздахъ, въ седьмой — объ отправленіи великихъ празднествъ, въ осьмой — о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, въ девятой — о царяхъ и судьяхъ и о занятіяхъ различныхъ сословій, въ десятой — о добродѣтели и мудрости, въ одиннадцатой — о славномъ царѣ Висташпѣ (Гистасспѣ) и о принятіи закона, въ двѣнадцатой — о посѣвѣ, земледѣліи и разсадкѣ деревьевъ, въ тринадца-

той — о обязанностяхъ жрецовъ, въ четырнадцатой — о священномъ знаніи, о учителяхъ и ученикахъ, и о чудесахъ, совершенныхъ Заратуштрой; въ пятнадцатой были опять хвалебные гимны; въ шестнадцатой говорилось о томъ, что заключается въ сердцѣ и тѣлѣ человѣка, въ семнадцатой — объ очищеніяхъ, о дозволенныхъ и недозволенныхъ поступкахъ, о наслѣдствахъ и о томъ, что должно соблюдать при рожденіи дѣтей, въ осьмнадцатой — о воровствѣ, обманѣ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ книгъ, которыхъ память хранилась у Персовъ въ преданіи, дошла до насъ только двадцатая, подъ названіемъ Вендидадъ, уцѣлѣвшая вѣроятно главнымъ образомъ потому, что въ ней изложены правила очищенія, и сверхъ-того Яшна, сборникъ воззваній и хвалебныхъ гимновъ къ богамъ, можетъ-быть принадлежавшихъ нѣкогда къ первой или пятнадцатой книгѣ, а можетъ-быть сохранившихся и болѣе или менѣе независимо отъ главнаго собранія, благодаря своему частому употребленію при богослужебныхъ обрядахъ. Въ этихъ отрывкахъ зендскихъ книгъ, привезенныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка изъ Индіи французскимъ ученымъ Анкетиль де-Перрономъ (Anquetil de Perron) и имъ же переведенныхъ, имѣемъ мы существенныя части законоположенія, возникшаго изъ древнѣйшихъ уставовъ и преданій, но преобразованнаго подъ вліяніемъ могущественнаго и властолюбиваго жречества, — законоположенія, которое, подобно индійскимъ уставамъ Ману (§ 25. в.), не только опредѣляло въ точности сферу религіозной жизни и обряды богослуженія, но простиралось и на все земное существованіе народа, какъ въ государствѣ, такъ и въ семейномъ быту.

§ 46. Персы. 1. Киръ. Воинственный горный народъ Персы, отличавшійся наѣздничествомъ и мѣткою стрѣльбою изъ лука, цѣлые вѣка пасъ по древнему обычаю стада свои, охотился и междоусобничалъ въ прекрасной «странѣ коней», Фарсистанѣ, когда, въ 6 столѣтіи предъ Р. Х., появился среди его человѣкъ, который царственнымъ величіемъ и героизмомъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ: этотъ человѣкъ былъ Киръ, — вѣроятно одинъ изъ тѣхъ сильныхъ міра, которые однимъ своимъ появленіемъ увлекаютъ за собой несмѣтныя толпы и, совершивъ великіе перевороты, пріобрѣтаютъ у народовъ значеніе избранныхъ орудій Промысла. Дивными путями избѣгъ онъ вѣрной повидимому гибели, какую готовилъ ему подозрительный дѣдъ его Астіагъ, освободилъ свой народъ отъ постыднаго рабства и,

счастливо одолѣвъ и покоривъ себѣ Мидянъ, сдѣлался основателемъ такой великой монархіи, которая обнимала собой почти всѣ образованныя страны Азіи. Въ тридцатилѣтнее свое правленіе, завоевалъ онъ два могущественнѣйшія государства, Вавилонію и Лидію, и сверхъ того множество мелкихъ, отчасти независимыхъ, отчасти данническихъ народцевъ. Въ столицѣ лидійской, Сардахъ, властвовалъ тогда надъ всѣми почти племенами Малой Азіи, царь Крезъ, вошедшій въ пословицу своимъ богатствомъ, — человѣкъ легковѣрный, полагавшійся болѣе на прорицанія оракуловъ, сновидѣнія и жреческія предсказанія, чѣмъ на собственную силу. Какъ союзникъ Астіага, хотѣлъ онъ возвратить ему мидійскій престолъ и поднялся на Кира войною. Обманутый двусмысленнымъ прорицаніемъ, переправился онъ черезъ порубежную рѣку Галисъ, но потерпѣлъ совершенное пораженіе, былъ вынужденъ бѣжать и укрылся въ своей столицѣ. Киръ шелъ за нимъ по пятамъ, овладѣлъ Сардами и приказалъ, по словамъ преданія, сжечь плѣннаго царя на кострѣ. Креза связали и посадили уже на костеръ, какъ вдругъ онъ былъ неожиданно спасенъ воспоминаніемъ объ аѳинскомъ мудрецѣ Солонѣ, который предостерегалъ его однажды объ измѣнчивости счастія и о невѣрности исхода всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Киръ, пораженный истиною Солонова изреченія, что человѣка нельзя назвать счастливымъ пока онъ еще живъ, освободилъ плѣннаго царя, держалъ его въ великомъ почетѣ и совѣтовался съ нимъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ [1]. Пло-

---

[1] Солонъ, посѣтивъ однажды Сарды, былъ гостепріимно встрѣченъ и обласканъ царемъ. Въ гордомъ сознаніи своего счастія, Крезъ велѣлъ обвести его по сокровищницамъ и показать ему всѣ свои богатства, а потомъ спросилъ, кого онъ считаетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, твердо увѣренный, что Солонъ назоветъ именно его. Но мудрецъ назвалъ во первыхъ Аѳинянина Телла, котораго судьба надѣлила умѣреннымъ, но хорошимъ достаткомъ и прекрасными сыновьями, котораго смерть постигла въ побѣдоносномъ бою противъ непріятеля, и котораго сограждане похоронили съ великими почестями на мѣстѣ, гдѣ онъ палъ; при дальнѣйшихъ распросахъ, Солонъ назвалъ счастливѣйшими двухъ юношей, Клеобиса и Битона, сыновей одной жрицы Геры въ Аргосѣ, о которыхъ расказалъ слѣдующее: матери понадобилось ѣхать для жертвоприношенія во храмъ, а упряжныхъ воловъ не успѣли привести во время;

домъ побѣды надъ Крезомъ было обладаніе малою Азіей, со включеніемъ береговыхъ греческихъ колоній, которыя если и оказали Лидійскому царю помощь, то ужь конечно самую ничтожную. Лидійцы, которыхъ, за попытку къ возстанію, Киръ лишилъ оружія и выпудилъ ограничиться мирными занятіями, музыкой, пѣніемъ и разгульной жизнью, вскорѣ впали въ сластолюбіе и изнѣженность, такъ что въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи они являются уже выродившимся, невоинственнымъ народомъ. — Изъ греческихъ колонистовъ на лидійскомъ берегу нѣкоторые выселились въ другія земли: напримѣръ Фокейцы, основатели Элеи (Веліи) въ нижней Италіи и Массиліи въ Галліи, также Теосцы, которые нашли себѣ новое отечество во ѳракійской Абдерѣ; прочіе греческіе города удержали за собой самостоятельное управленіе (свою автономію) и были только обязаны платить дань: они остались цвѣтущи и богаты, но истинно-свободный греческій духъ видимо исчезалъ у нихъ подъ персидскимъ владычествомъ. Острова послѣдовали примѣру матери-

тогда сыновья сами запряглись въ колесницу и отвезли мать, которая, въ награду за это, молила небо даровать имъ то, что всего лучше для человѣка; боги исполнили ея желаніе: юноши уснули въ храмѣ и болѣе не просыпались. Когда Крезъ изъявилъ мудрецу неудовольствіе за то, что онъ не ровняетъ его въ счастіи даже съ простымъ гражданиномъ, Солонъ далъ ему многозначительный отвѣтъ, что до конца жизни никого нельзя признать счастливымъ. Плѣнный царь, испытавшій истину этихъ словъ еще вскорѣ по отъѣздѣ Солона, когда любимый сынъ его Атисъ былъ убитъ на охотѣ копьемъ, вспомнилъ ихъ теперь опять при новомъ своемъ несчастіи и съ прискорбіемъ воскликнулъ: О Солонъ, Солонъ! Восклицаніе пробудило любопытство персидскаго царя. Онъ велѣлъ объяснить себѣ, въ чемъ дѣло, и избавилъ Креза отъ предназначенной ему гибели. Повѣствователь событій, той эпохи, Геродотъ (§ 101), охотно останавливается на этомъ сказаніи, потому что оно служитъ въ подкрѣпленіе его взгляду на судьбу человѣка, именно: что «эта судьба устрояется однимъ только неотразимымъ опредѣленіемъ неба, которое караетъ неправду и строптивость, но въ тоже время, какъ бы завидуя людямъ и ревнуя ихъ къ своей высшей силѣ, преслѣдуетъ своей ненавистью всякое слишкомъ видное благополучіе смертныхъ, уничижаетъ и уничтожаетъ его». Приговоръ сжечь Креза основанъ повидимому на народномъ сказаніи и находится въ связи съ Лидійскимъ обычаемъ приносить огненныя жертвы.

ковыхъ колоній и послѣ слабаго сопротивленія также поддались могучему персидскому государю.

§ 47. Конецъ Кира. Съ одинаковымъ успѣхомъ покорилъ себѣ Киръ царство вавилонское, гдѣ томились еще плѣнные Іудеи. Когда войска его приближались къ Вавилоніи, пророческій голосъ, именемъ Іеговы, предвозвѣстилъ: «Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному Моему Киру, его же удержахъ за десницу, повинути предъ нимъ языки, и крѣпость царей разрушу, отверзу предъ нимъ врата, и гради не затворятся. Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдяная сокрушу и верси желѣзныя сломлю». Побѣжденные въ полѣ, Вавилоняне затворились въ своемъ укрѣпленномъ городѣ, гдѣ ихъ царь Набонитъ заранѣе собралъ огромные запасы, и съ высоты стѣнъ издѣвались надъ Персами. Но однажды, когда во время большаго празднества они веселились и пировали, Персы ворвались ночью въ городъ, отведя воды Евфрата каналами въ искусственное озеро, умертвили царя въ самомъ дворцѣ и покорили себѣ всю Вавилонію (538). Черезъ это Сирія, Палестина и Финикія, подпали также господству Персовъ и въ Египетъ открылся имъ свободный путь. «Како преста истязуяй, и преста понуждаяй», воскликнулъ тогда тотъ же пророческій голосъ: «сокруши Богъ яремъ грѣшниковъ, яремъ князей поразилъ языкъ яростію, язвою неисцѣльною, поражаяй языкъ язвою ярости, ею же не пощадѣ [1]». Киръ отдалъ плѣннымъ Іудеямъ храмовые сосуды и священную утварь, нѣкогда вывезенные Навуходоносоромъ изъ Іерусалима, и дозволилъ имъ возвратиться на родину (§ 43). Онъ вѣроятно хотѣлъ, чтобъ они пролагали ему дорогу, когда онъ подымется на Египетъ. Но неудачный походъ противъ дикихъ Массагетовъ, кочевыхъ наѣздниковъ, родственныхъ Скиѳамъ и живишхъ при Каспійскомъ морѣ, положилъ конецъ побѣдоносному царю, прежде нежели онъ успѣлъ направить свое оружіе въ благословенную Нильскую долину. Хитростію удалось Киру сначала захватить большую часть непріятельскаго войска вмѣстѣ съ предводи-

[1] Исаія, XIV, 5 — 7.

телемъ его, сыномъ массагетской царицы Томириды, который хотя и былъ освобожденъ Киромъ, но самъ себя лишилъ жизни съ отчаянія. Чувства скорби и мести овладѣли царицею; она собрала вокругъ себя весь народъ свой и при рѣкѣ Яксартѣ дала побѣдоносную битву Персамъ, при чемъ погибъ и самъ Киръ съ лучшими войсками (529). Тѣло могущественнаго царя, который властвовалъ отъ Средиземнаго моря до Инда, досталось на посмѣяніе женщинѣ. Говорятъ, что Томирида опустила его голову въ наполненный человѣчьей кровью бурдюкъ и при этомъ сказала: «Упивайся же теперь тѣмъ, чего ты всегда такъ жаждалъ при жизни!»

§ 48. Камбизъ. Всего семь лѣтъ (529—521) царствовалъ воинственный и деспотическій сынъ Кировъ, Камбизъ, побѣдитель Египта; но эти немногіе года были бѣдственны не только для Египтянъ, но и для Персовъ. Несчастный царь Псамменитъ, попавшій послѣ битвы при Пелузіи (§ 31) и слѣдовавшемъ за нею взятіи Мемфиса въ руки побѣдителя, принужденъ былъ смотрѣть собственными глазами на угнетеніе своего народа и на позоръ своихъ дѣтей. Камбизъ, раздраженный тѣмъ, что царь Египетскій далъ ему нѣкогда въ жены не свою собственную дочь, а дочь своего предмѣстника, велѣлъ дочери Псамменита и другимъ знатнымъ дѣвушкамъ надѣть платье рабынь и носить воду, а сына его вмѣстѣ съ двумя тысячами молодыхъ Египтянъ безжалостно послалъ на смертную казнь. При видѣ такихъ страданій, всѣ присутствующіе разразились громкими жалобами, только Псамменитъ не пролилъ ни слезы. Но когда одинъ изъ прежнихъ застольныхъ его друзей, дошедшій теперь подъ старость до нищенства, проходя мимо, сталъ просить милостыни у солдатъ, онъ горько заплакалъ и на вопросъ Камбиза о причинѣ этого отвѣчалъ: «Семейное мое горе такъ велико, что у меня нѣтъ на него и слезъ, но какъ не плакать, видя стараго друга въ нищенствѣ!» При такомъ жестокомъ несчастіи у самого Камбиза пробудилась жалость и онъ невольно смягчился къ побѣжденному царю. Но когда впослѣдствіи Псамменитъ уличенъ былъ въ намѣреніи увлечь Египтянъ къ возстанію, его заставили пить бычачью

кровь до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ на мѣстѣ. — Впрочемъ войнолюбіе Камбизово было пагубно и для самихъ Персовъ. Не довольствуясь покореніемъ плодоносной Египетской страны, рѣшился онъ завоевать еще обильную золотомъ Эѳіопію и основанное на Сивахскомъ оазисѣ древнее жреческое государство Аммоній (средоточіемъ котораго былъ храмъ овнорогаго Юпитера Аммона). Но оба его войска погибли въ лавійскихъ степяхъ, частію отъ голода и истомы, частію отъ страшныхъ песчаныхъ вихрей, которыми они были засыпаны. Въ ярости за эту неудачу воротился Камбизъ въ Мемфисъ. Онъ засталъ городъ въ праздничномъ убранствѣ и ликованіи, потому что на ту пору явился тамъ новый Аписъ (§ 8. 3). Полный мрачнаго подозрѣнія, что народъ радуется его невзгодѣ, онъ излилъ на Египтянъ и особенно на жрецовъ всю свою жестокость. Заколовъ Аписа собственною рукой, приказалъ онъ мучить и казнить народъ и его священниковъ, такъ что ужасамъ не было ни конца, ни мѣры. Поэтому, когда его постигла скорая смерть отъ раны, случайно нанесенной ему собственнымъ мечемъ, ненависть угнетеннаго народа приписала это мести египетскихъ боговъ за оскверненіе ихъ храмовъ и святыни и за нещадное избіеніе жрецовъ.

§ 49. Дарій. Незадолго до смерти жестокаго и нечестиваго Камбиза, въ Сузѣ произошло возстаніе, поднятое жреческимъ сословіемъ маговъ съ тою цѣлію, чтобъ ниспровергнуть господство Персовъ и разорвать единство монархіи. Вслѣдствіе этого мятежа, на короткое время овладѣлъ престоломъ одинъ магъ, выдавшій себя за царскаго брата Смердиса, умерщвленнаго нѣсколько лѣтъ назадъ Камбизомъ изъ недовѣрія, и старался возвратить самостоятельность подвластнымъ Персіи землямъ. Но прежде нежели онъ успѣлъ выполнить свое намѣреніе, обманъ открылся и послѣ семимѣсячнаго царствованія Лжесмердисъ былъ убитъ. Тогда вступилъ на престолъ Дарій, сынъ Гистасповъ, изъ царственнаго рода Ахеменидовъ (521—485). Преданіе говоритъ, что онъ возведенъ на царство семью первыми вельможами вслѣдствіе божественнаго рѣшенія Миѳры, которое обнаружилось тѣмъ, что конь Даріевъ первый заржалъ на восхо-

дящее солнце. Дарій, при знатномъ происхожденіи, соединялъ умъ и твердость государственнаго мужа съ рѣшимостью и геройствомъ воина; онъ сверхъ того былъ благочестивымъ приверженцемъ свѣтовой ралигіи Заратуштры, но безъ изступленной нетерпимости своего предмѣстника, Камбиза, и наконецъ, въ качествѣ мужа Атоссы, дочери Кировой, пользовался особенной любовью Персовъ. Сильно и мудро правилъ онъ государствомъ въ теченіи 36 лѣтъ. Онъ раздѣлилъ монархію на 20 сатрапій (намѣстничествъ) и привелъ въ порядокъ систему управленія и сбора податей. «Двадцать областей, говоритъ Дарій въ гвоздеобразныхъ Багистанскихъ надписяхъ, несли мнѣ дань и исполняли день и ночь мои велѣнія». Подобно своимъ предшественникамъ, онъ велъ великія войны, сдѣлалъ Аравію себѣ данницей и расширилъ предѣлы своей необъятной державы въ Индіи, въ сѣверной Африкѣ и въ суровыхъ степяхъ Скиѳскихъ. Однако оружіе его не всегда было побѣдоносно. Кочевые Скиѳы на нижнемъ Дунаѣ ушли отъ него съ своими стадами и кибитками, предоставивъ пустыя поля и безлѣсныя степи во власть непріятеля, но онъ вскорѣ чуть не погибъ отъ недостатка въ продовольствіи и, преслѣдуемый при отступленіи Скиѳами, конечно былъ бы истребленъ совсѣмъ на берегахъ Дуная, еслибъ только греческіе князья, которымъ поручено было охраненіе моста, согласились между собою разрушить его до обратнаго перехода Персовъ, какъ совѣтовалъ между прочимъ Аѳинянинъ Мильтіадъ, властвовавшій тогда въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ. Счастливѣе былъ Дарій на одолѣніе мятежей, возникавшихъ въ его собственной имперіи. По словамъ Багистанскихъ гвоздеобразныхъ надписей, онъ выигралъ девятнадцать сраженій и полонилъ девятерыхъ царей, искавшихъ независимости въ разныхъ областяхъ персидскаго царства. Вавилонъ хотѣлъ освободиться отъ власти Персовъ подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ халдейской династіи, но благодаря хитрости и самопожертвованію персидскаго вельможи Зопира, который изувѣчилъ себя нарочно, чтобы снискать довѣріе враговъ, отложившійся городъ былъ снова покоренъ и вслѣдъ за тѣмъ жестоко наказанъ; Милетъ и малоазійскіе города Грековъ также заплатили за

свои попытки къ освобожденію еще болѣе тяжкимъ рабствомъ (§ 77). Чтобы увѣковѣчить добытое съ такимъ трудомъ государственное единство символическимъ памятникомъ, Дарій повелѣлъ своимъ и чужеземнымъ мастерамъ построить новую столицу и усыпальницу Персеполь, который долженъ былъ для цѣлаго государства служить тѣмъ, чѣмъ Пасаргада, то-есть станъ Персовъ, была для собственной Персіи, Персиды. Персеполь сталъ какъ бы оболочкою или тѣломъ прославленнаго народнымъ преданіемъ дивнаго царя и свѣтопоклонника Джемшида, которому Дарій стремился подражать во всемъ.

§ 50. Нравы, учрежденія и правительство Персовъ. Племена и роды. Персія, по своему природному свойству (§ 21. V), способная къ земледѣлію и скотоводству, была въ тоже время и родиною воинственныхъ горцевъ. Десять племенъ народа (кочевыя, земледѣльческія и военныя) дѣлили между собой эти три занятія, но господство досталось въ удѣлъ трехъ знатныхъ племенъ, владѣвшихъ оружіемъ; между ними первое мѣсто занимали Пасаргады, которыхъ славнѣйшій родъ, родъ Ахеменидовъ, постоянно давалъ народу царей. Изъ нихъ же избирались государственные сановники, предводители войска и приближенные — «сродники» и «застольники» царя. Персы относительно всѣхъ другихъ племенъ составляли господствующую аристократію. Они были свободны отъ всякихъ налоговъ и, мало того, согласно древнему обычаю, всякій разъ, когда царь вступалъ въ свою родовую землю, онъ же раздавалъ народу деньги и дары. — Религія. Зороастрова вѣра въ Ормузда (§ 8. 2), подверглась у древнихъ Персовъ многимъ видоизмѣненіямъ. Священный огонь и солнце, которому были посвящены бѣлые кони, составляли средоточіе персидскаго культа, основаннаго на обоготвореніи природы и небесныхъ свѣтилъ. Соединенное съ таинствами служеніе Миѳрѣ, которое олицетворялось въ видѣ юноши, низлагающаго быка, имѣло также прямое отношеніе къ чествованію звѣздъ и солнца. Жреческое колѣно маговъ перешло къ Персамъ отъ Мидянъ, но утратило подъ игомъ военнаго деспотизма свою прежнюю силу и значеніе. — Придворная жизнь. Въ Персіи царствовалъ необузданнѣйшій деспотизмъ, потому что царь былъ облеченъ религіозною святостью, принадлежавшею владыкамъ въ кастовыхъ государствахъ, и вмѣстѣ патріархальнымъ безграничнымъ полновластіемъ хана кочевой орды. Въ отношеніи къ царю всѣ были только рабами,

въ рукѣ его была жизнь каждаго изъ подданныхъ. Кто допускался къ его лицезрѣнію, тотъ долженъ былъ повергаться ницъ и лобызать землю. Подобно тому какъ престолъ Ормузда былъ окруженъ свѣтлыми духами, престолъ его намѣстника, царя Персовъ, также окружался многочисленнымъ, блестящимъ, роскошно содержимымъ придворнымъ штатомъ, въ главѣ котораго было семь высшихъ сановниковъ и верховный жреческій совѣтъ съ судьями, волхвами, толкователями знаменій и т. д. Мѣсто перваго кравчаго, луконосца, привратника и докладчика, также должность намѣстника и многія другія, были почетными званіями для знатныхъ Персовъ, которые награждались за службу подарками, блюдами съ царскаго стола или припасами изъ дворцоваго хозяйства и другими отличіями. Отрядъ тѣлохранителей изъ 2,000 отборныхъ конниковъ и такого же числа пѣшихъ копейщиковъ съ золотыми и серебряными гранатами на копьяхъ постоянно охранялъ царя и его дворъ. Царскій столъ былъ покрытъ изысканнѣйшими яствами и напитками, привозимыми издалека. Смотря по времени года, перемѣнялось и мѣстопребываніе двора: зиму проводилъ онъ въ жаркомъ Вавилонѣ, весну въ Сузѣ, лѣто въ прохладной Экбатанѣ. Многочисленные сады (раи) для воздѣлки плодовъ и овощей и разные звѣринцы, обильные дичью, служили избалованному вкусу Персидскихъ царей во время ихъ переѣздовъ. Для сообщенія различныхъ областей съ столицами служили искусственныя дороги и правильные конные гонцы, выставляемые по станціямъ для перевозки во всякое время года и дня царскихъ грамать и посланій. Ни что не могло сравниться съ быстротою этихъ летучихъ гонцовъ. Письма и проѣзжіе путешественники подвергались вмѣстѣ съ тѣмъ самому тщательному надзору. По всѣмъ болѣе или менѣе закрытымъ мѣстамъ, у мостовъ и тѣсныхъ проѣздовъ, располагались сторожевые посты, которые осматривали письма и опрашивали проѣзжихъ, для устраненія по возможности всякихъ замысловъ и заговоровъ. По дорогѣ изъ Сардъ въ Сузу, на пространствѣ 2,400 верстъ, было 111 такихъ постовъ. — Сластолюбіе Персидскихъ царей всего болѣе проявлялось въ ихъ гаремѣ, гдѣ толпы страстныхъ къ пышности интригантокъ, которымъ на роскошь и наряды назначались нерѣдко доходы съ цѣлыхъ областей и городовъ, служили прихотямъ властелина въ качествѣ законныхъ женъ или наложницъ, расточая заодно съ приставленными къ нимъ евнухами неимовѣрныя суммы и оказывая самое пагубное вліяніе на правительство, на придворную и государственную жизнь. —

Государственная администрація и сатрапское управленіе. Все царство считалось собственностью царя; поэтому въ его частную казну поступали всѣ подати съ покоренныхъ народовъ, равно какъ доходы отъ коронныхъ правъ (такъ-называемыя регаліи) и добровольные дары или приношенія. Расходы на содержаніе двора, войска, чиновниковъ и проч. покрывались отчасти сборомъ дорогихъ металловъ, отчасти натуральными повинностями съ каждаго края. Областями управляли сатрапы или намѣстники, и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ по примѣру царскаго двора многочисленную и дорогую челядь, на содержаніе которой онъ собиралъ со всѣхъ частей своего намѣстничества подати деньгами и натурой. Такъ какъ сатрапы были обыкновенно родственники царю и облечены отъ него большою властью, то области не находили себѣ ни какой защиты отъ ихъ поборовъ и притѣснительнаго управленія; намѣстникамъ стоило лишь ежегодно въ точности доставлять ко двору слѣдующія ему подати, и тогда они могли дѣлать, что хотѣли. Когда раздѣльная въ началѣ гражданская и военная власть были потомъ соединены въ рукахъ сатраповъ, то послѣдніе пріобрѣли такую силу, что уже мало заботились о царскихъ повелѣніяхъ, часто нагло сопротивлялись своимъ властителямъ съ оружіемъ въ рукахъ и такимъ образомъ постепенно довели государство до внутренняго распаденія. Оттого надзоръ за ними и наказаніе не только виновныхъ, но и подозрительныхъ, становились все строже и строже; повиновеніе должно было поддерживаться страхомъ и ужасомъ; знатнѣйшія лица подвергались жестокимъ смертнымъ казнямъ и еще жесточайшимъ увѣчьямъ; тайные соглядатаи и повѣренные, подъ названіемъ «царскихъ глазъ и ушей», доносили о поступкахъ намѣстниковъ и служащихъ; шпіонство поощрялось и щедро награждалось.—Кромѣ тягостныхъ податей, на областяхъ лежало еще другое страшное бремя — содержаніе многочисленнаго, отчасти наемнаго войска. Во всѣхъ отношеніяхъ Мидо-Персидское царство представлялось механически-сплоченнымъ сборомъ разнородныхъ частей, не имѣвшихъ ни какой внутренней связи, не управляемыхъ и не движимыхъ ни чѣмъ, кромѣ страха и боязни,—сборищемъ странъ и народовъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе прикрѣплялись къ ядру монархіи. За то надобно сказать, что персидскій деспотизмъ щадилъ національныя особенности отдѣльныхъ провинцій; правительство обыкновенно оставляло покореннымъ народамъ ихъ отечественныя учрежденія и обычаи, ихъ религію и богослужебныя формы, даже ино-

гда ихъ туземныхъ государей, и не смотря на то провинціи все-таки мало по малу впадали въ варварское состояніе, потому что никакой законами опредѣленный порядокъ не ограждалъ ихъ отъ самовластія и произвола сатраповъ и ихъ слугъ, потому что тяжкіе налоги истощали ихъ благосостояніе, и если національность ихъ не подрывалась силою или хитростью, то все же она внутренно хирѣла, утративъ политическую независимость.—Военное устройство. Число Персидскихъ войскъ было очень значительно, потому что каждый способный къ оружію подданный обязанъ былъ нести военную службу. Войска распредѣлены были по всему краю на смотровыхъ сборищахъ и въ крѣпостяхъ; полный ихъ составъ созывался только въ случаѣ необходимости. Ядро войска составлялъ отрядъ изъ десяти тысячъ пѣхотинцевъ, называвшихся «безсмертными», потому что они были всегда въ полномъ числѣ, и каждая убыль между ними немедленно возмѣщалась. Одежда и вооруженіе были крайне разнообразны, такъ какъ отдѣльныя части войскъ, состоящія изъ много-различныхъ народовъ, являлись каждая въ своей національной одеждѣ, въ своемъ вооруженіи и съ своимъ военнымъ строемъ, что̀ должно было представлять величайшую пестроту. За войскомъ слѣдовали притомъ женщины, дѣти и всякаго роды обозы. Квинтъ Курцій (III, 3) описываетъ движеніе персидскаго войска на походѣ слѣдующимъ образомъ: Сигналъ былъ данъ съ царскаго шатра, на верху котораго стояло изображеніе солнца, такъ чтобъ всѣ могли его видѣть. Священный огонь несли на серебряныхъ алтаряхъ, окруженныхъ жрецами, которые пѣли гимны. За ними слѣдовали 365 юношей, по числу дней въ году, одѣтые въ багряницы. Колесница, посвященная высочайшему божеству, солнцу, была везома бѣлоснѣжными лошадьми, которыхъ вели конюхи въ бѣлыхъ одеждахъ съ золотыми жезлами въ рукахъ. За ними шелъ посвященный солнцу конь величины необыкновенной. Далѣе слѣдовали десять колесницъ, покрытыхъ серебромъ и золотомъ, и конница двѣнадцати народовъ въ ихъ особенномъ нарядѣ и съ обычнымъ у каждаго изъ нихъ оружіемъ. Потомъ шли персидскіе безсмертные, числомъ 10,000 человѣкъ, украшенные золотыми цѣпями, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и въ туникахъ съ длинными рукавами: все это блистало дорогими каменьями. Въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали 15,000 господъ, носящихъ почетный титулъ «царскихъ сродниковъ», въ такихъ одеждахъ, которыя пышностію и великолѣпіемъ скорѣе напоминаютъ женскія чѣмъ мужскія. Копейщики шли передъ колесницей, на которой, высоко возносясь надъ толпой, ѣхалъ самъ

царь. По обѣимъ сторонамъ колесницы находились золотыя и серебряныя изображенія боговъ. Ярмо было осыпано рѣдчайшими дорогими камнями; спереди возвышались двѣ золотыя фигуры Нина и Бела, каждая въ локоть величиной, а между ними стоялъ золотой орелъ съ распростертыми крыльями. Царь отличался отъ всѣхъ окружавшихъ великолѣпіемъ своихъ одеждъ съ златоткаными соколами и ястребами (посвященными Агурамаздѣ), золотымъ поясомъ съ висящею на немъ саблей, въ осыпанныхъ дорогими камнями ножнахъ, и кидарисомъ или митрой, которая прикрывала ему голову. По бокамъ, съ правой и лѣвой стороны шли двѣсти знатнѣйшихъ его «сродниковъ». Семьдесятъ тысячъ воиновъ съ копьями о серебряномъ древкѣ и золотомъ остріѣ слѣдовали за царской колесницей. Кони царскаго стремени, въ числѣ сорока, и 30,000 пѣхотинцевъ заключали собой эту передовую часть шествія. На разстояніи одной стадіи (125 шаговъ) слѣдовали мать и супруга царя въ колесницѣ. Великое множество женщинъ и дворцовыхъ прислужницъ сопровождали ихъ верхомъ. Въ пятнадцати колесницахъ (гармамаксахъ) везли царскихъ дѣтей съ ихъ пѣстунами, прислугою и евнухами. Сопровождавшія царя 360 наложницъ блистали въ самыхъ роскошныхъ нарядахъ. На 600 мулахъ и 300 верблюдахъ везли царскую казну, окруженную стрѣльцами. Друзья и родственники царскихъ женъ слѣдовали за ними въ сопровожденіи безчисленнаго множества поваровъ и прислуги всякаго рода. Легко вооруженныя войска окончательно замыкали все шествіе. Царь и сатрапы имѣли при себѣ дворцовую стражу и тѣлохранителей (драбантовъ, сателлитовъ). Когда вошли въ обычай наемныя войска, ратная доблесть Персовъ мало по малу исчезла. — Въ наукѣ и литературѣ Персы сдѣлали очень мало; напротивъ въ искусствахъ, особенно въ зодчествѣ и ваяніи не уступали они другимъ образованнымъ народомъ Востока, что ясно доказываютъ величавые остатки живописно расположеннаго Персеполя, состоящія изъ развалинъ царскихъ замковъ и дворцовъ съ великолѣпными въѣздами, колоннадами, мраморными лѣстницами и стѣнами, покрытыми множествомъ надписей и изваяній, далѣе — изъ царскихъ гробницъ и безчисленныхъ обломковъ статуй, барельефовъ и другихъ скульптурныхъ произведеній, которыя изображаютъ боговъ, символическія чудища, покоренные народы, пословъ, приносящихъ дары, служащую придворную челядь въ изукрашенныхъ одеждахъ, — однимъ словомъ, представляютъ полную картину всего государственнаго быта Персіи.

§ 50. *б.* **Общіе выводы.** Бросимъ, въ заключеніе, еще

одинъ общій взглядъ на народы, которыхъ мы обозрѣли подъ именемъ «восточныхъ», и не смотря на обширность занимаемыхъ ими странъ, не смотря на разнообразіе созданныхъ ими формъ общественной и частной жизни, мы безспорно замѣтимъ у нихъ извѣстныя характеристическія особенности, по которымъ можемъ распредѣлить ихъ на группы, отличающіяся одна отъ другой внутреннимъ сродствомъ. У самаго порога исторіи встрѣчается намъ на крайнемъ Востокѣ народъ китайскій, въ которомъ монгольское племя достигло высшей, доступной для него цивилизаціи. Его типическое, неподвижное образованіе не могло привиться къ племенамъ болѣе сильной кавказской породы: поэтому китайская цивилизація и ограничилась въ своемъ распространеніи только однородными сосѣдственными племенами и не имѣла вліянія на общій ходъ человѣческаго образованія, неразрывно связаннаго съ измѣнчивыми судьбами одной кавказской породы. Обширнѣе было вліяніе Египтянъ, которые въ сѣверовосточной Африкѣ, на рубежѣ двухъ частей свѣта, составлявшихъ собственно восточный міръ, создали свою особую цивилизацію, хотя и разобщенную съ другими, однако все же не такъ исключительную, какъ китайская. Происходя изъ смѣси эѳіопской и кавказской крови, Египтяне также не были призваны выступить на поприщѣ исторіи чистыми носителями божественной искры въ человѣчествѣ, какъ бы впрочемъ ни велико было вліяніе порожденныхъ ими началъ образованія на кавказскія племена въ эпоху перваго ихъ дѣтства и юности. Съ удивительнымъ терпѣніемъ и настойчивостью жители нильскихъ береговъ созидали тѣ твердыя, негибкія формы, въ которыя облекли они свою религіозную и художественную жизнь и все разнообразіе своего земнаго существованія, — тѣ формы, которыя своею неизмѣнностью и спокойствіемъ производили такое неодолимое впечатлѣніе на подвижный духъ юныхъ народовъ европейской древности и которыхъ сами Египтяне держались цѣлыя тысячелѣтія со всею неподатливостію восточной натуры. Даже всесильному могуществу смерти, которое ведетъ къ тлѣну всякое созданіе, чтобы дать просторъ новымъ проявленіямъ жизни въ вѣчномъ ея творчествѣ, стремились Египтяне положить предѣлы и предохранить отъ его унич-

тожающаго вліянія по крайней мѣрѣ форму и обликъ человѣка. Вѣчный порядокъ и законъ, которые замѣчали они въ тѣлахъ небесныхъ, дававшихъ Нилу плодотворное его дѣйствіе и отстранявшихъ губительно палящее дыханіе пустыни, — этотъ же порядокъ и законъ долженъ былъ проникать собою и направлять всю жизнь Египтянъ, весь видимый міръ ихъ дѣятельности. И могущественно вліяла спокойная сила неподвижныхъ, завѣтныхъ формъ на современниковъ и потомство, но вліяла, не вѣя дыханіемъ жизни: она не породила крѣпкихъ, живучихъ созданій; подобно ихъ пирамидамъ и муміямъ, вся образованность Египтянъ осталась засохшей вѣтвію на жизненномъ древѣ человѣчества. Между этихъ двухъ народовъ, представителей окостенѣлой формы и неизмѣннаго консерватизма, помѣстились два другія племени, имѣвшія на развитіе человѣческаго рода сильнѣйшее вліяніе, — именно Арійцы и Симиты. Въ духовныхъ созданіяхъ этихъ двухъ народныхъ группъ лежатъ корни всей нашей западной образованности. Если изложеніе наше представило намъ до сихъ поръ только двѣ большія народныя семьи арійскаго корня, Индійцевъ и Иранцевъ — послѣднихъ въ развѣтвленіи на Бактровъ, Мидянъ и Персовъ, — тѣмъ не менѣе умственная, нравственная и физическая сила нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ такъ значительна, что нѣтъ ничего несообразнаго съ истиной въ томъ воззрѣніи, которое возводитъ къ нимъ происхожденіе важнѣйшихъ народовъ Европы. Арійцы въ Индіи и Иранѣ развили такія формы цивилизаціи, которыя, исходя отъ однихъ корней, принимали подъ вліяніемъ окружающей природы различныя направленія. Въ плодоносномъ при-гангскомъ краѣ, гдѣ подъ улыбающимся небомъ блещутъ дивною роскошью поля и лѣса, Арійцы послѣдовали врожденной наклонности къ покою и созерцанію и такъ исключительно развили умственную и душевную сторону жизни, что природа и міръ потеряли въ ихъ глазахъ всякую истину и реальность, что они отвернулись отъ дѣйствительной и дѣятельной жизни и находили удовлетвореніе только въ мірѣ фантазіи и въ созерцаніи божества. Ихъ жрецы и философы населили небо и землю сонмами боговъ и духовъ, совокупляя ихъ потомъ воедино

посредствомъ безличнаго понятія Брамы, какъ души міра и предвѣчнаго духа; это понятіе, благодаря изумительному духовному досужеству индійскихъ ученыхъ постепенно было возведено до такой отвлеченности, что наконецъ утратило всякую форму и сдѣлалось просто непостижимымъ для огромнаго большинства. Поэтому народъ продолжалъ возсылать мольбы и приносить жертвы искони боготворимымъ силамъ природы и съ умиленіемъ слушалъ легенды и повѣсти о чудесахъ, которыми брамины наполняли его фантазію, сами возносясь между тѣмъ все выше и выше въ своихъ умозрѣніяхъ. Одинъ Брама, безличный духъ міра, отъ котораго все произошло и къ которому все должно возвратиться въ вѣчномъ круговоротѣ, — онъ одинъ имѣлъ для нихъ истинное бытіе; все прочее было только призракъ, обманъ чувственныхъ органовъ, отъ вліянія которыхъ мудрый долженъ освобождаться, на сколько станетъ у него силъ. Душа человѣка можетъ возвратиться къ первоначальной божественной силѣ и найдти желанное успокоеніе въ лонѣ Брамы только тогда, когда строгій аскетизмъ умертвитъ плоть, подавитъ всякое чувственное пожеланіе и какъ бы совершенно упразднитъ, угаситъ тѣлесное бытіе. Хотя этотъ всепоглощающій пантеизмъ современемъ и былъ нѣсколько смягченъ, благодаря воздѣйствію буддистскаго раціонализма, сломившаго его неумолимую послѣдовательность, однакожь вся натура Индійца была до того чужда практической и матеріальной жизни, что и эта религія не произвела никакой значительной перемѣны въ народномъ быту, къ Индійцу все-таки не привилась сильная, здоровая дѣятельность, и путь къ истинной человѣчности остался для него закрытымъ. Человѣкъ и природа имѣли для него цѣну только потому, что они представлялись ему порожденіемъ Брамы; любовь къ ближнему ограничивалась предѣлами касты и далѣе не шла; она едва достигала высоты національнаго чувства и любви къ роднѣ, а любовь къ человѣку вообще — была на берегахъ Ганга и Инда невѣдомымъ понятіемъ. — Иначе сложилась духовная жизнь Арійцевъ въ Иранѣ, гдѣ противоположности природы и климата, чередованіе плодоносныхъ полосъ съ песчаными степями, смѣна солнечнаго зноя и зимнихъ холодовъ породили вѣру въ двоякую мощь божества, а труды и борьба

ради необходимыхъ потребностей жизни поддерживали мужество и силу народнаго характера. Въ Иранѣ, странѣ рѣзкихъ противоположностей, понятіе о божествѣ не могло придти къ единству какъ пришло оно въ очаровательномъ пригангскомъ краѣ; непримиримый раздоръ, замѣчаемый Иранцемъ въ окружавшей его дѣйствительности, долженъ былъ отразиться и въ его религіозныхъ понятіяхъ. Онъ создалъ себѣ царство духовъ превыше и внѣ природы, и населилъ его сонмами добрыхъ и злыхъ существъ, поставившихъ себѣ цѣлію борьбы и усилій, одни — избавленіе, другіе — пагубу міра и человѣчества. Въ глазахъ Индійца вся природа злоначальна и обречена ничтожеству, въ глазахъ Парса дурна только та сторона ея, которая исходитъ отъ Аримана; по этому задача жизни состоитъ для него не въ разложеніи и погибели вещественнаго бытія, но въ борьбѣ съ лукавыми демонами во внѣшней природѣ и въ глубинѣ собственной души, чтобы побѣда осталась за свѣтлыми духами, служителями Ормузда. Эта практическая и нравственная задача составляла основу Зороастрова ученія, изложеннаго въ Зендъ-Авестѣ; и такъ сильно вліяло это ученіе на нравственность и дѣятельность, что древнѣйшіе писатели Греціи съ похвалою говорятъ о чистотѣ нравовъ, правдивости и трудолюбіи Иранцевъ. Обрядность и очистительныя правила, которыми жреческое сословіе маговъ опутало впослѣдствіи весь бытъ и стѣснило свободное движеніе силъ народныхъ, никогда однакожь не проникали въ практическую жизнь до такой степени, чтобы вполнѣ сломить здоровую дѣятельность и поставить грезы покаянника высшею цѣлью земнаго существованія. Иранцы прожили великую историческую жизнь; у нихъ возникали мощныя личности, каковы напримѣръ Киръ и Дарій; кастовое устройство здѣсь не развилось: въ Индіи исторія человѣка исчезла въ религіозныхъ миѳахъ, царственные образы улетучились въ представителей божества, въ исполнителей жреческихъ уставовъ, и личная самодѣятельность погибла подъ ярмомъ кастъ. — Какъ бы ни преобладали у Арійцевъ извѣстныя духовныя стремленія надъ другими, какія бы въ частности ни проявлялись у нихъ преувеличенія; все же основною чертой племеннаго характера было нѣкоторое равновѣсіе всѣхъ силъ душевныхъ, дружное

поступательное движеніе къ опредѣленной цѣли; у Симитовъ же противуположныя направленія стояли рядомъ въ полномъ разладѣ, несгармонированныя, и съ разорваннымъ сердцемъ отдавался попеременно Симитъ властямъ то чувственнаго, то сверхчувственнаго міра. У древнѣйшихъ народовъ этого корня, успѣвшихъ развить свою собственную гражданственность, у Вавилонянъ и Финикійцевъ, поклоненіе производительнымъ силамъ природы вело къ богослуженію, полному сластолюбивой чувственности и нечистоты, а рядомъ съ нимъ совершался мрачный культъ, сопровождаемый человѣческими жертвами и самоистязаніями, — съ одной стороны необузданная поблажка всѣмъ похотямъ плоти, всѣмъ искушеніямъ чувствъ, съ другой — безмѣрное отданіе себя скорби и отчаянію, какъ доказываетъ намъ вся жизнь этихъ народовъ. Вялое любострастіе смѣнялось здѣсь жестокимъ самомучительствомъ безъ всякаго перехода и соглашенія. При этомъ Вавилоняне старались отыскать въ теченіи свѣтилъ начала законовъ природы и жизни человѣческой, и такимъ образомъ создали астрономію, но въ тоже время и незаконную дочь ея, астрологію. Живо и успѣшно направили оба эти народа свою дѣятельность и изыскательность на торговлю, промыслы и мореплаваніе, и сдѣлались черезъ это посредниками между Востокомъ и Западомъ, то есть распространителями на неразвитомъ еще Западѣ начатковъ болѣе зрѣлой восточной образованности. Хитрость и лукавство Сидонцевъ, смѣлая предпріимчивость Тирянъ, богатство и великолѣпіе Вавилонянъ славились во всемъ древнемъ мірѣ. Они не пренебрегали и военнымъ искусствомъ, но въ этомъ превзошелъ ихъ единоплеменный съ ними ассирійскій народъ въ Ниневіи. За ними же остается та честь, что они первые учредили государственную и гражданскую жизнь на основаніи прочныхъ законовъ и оградили личную свободу человѣка отъ деспотизма и произволенія другихъ. Ассирійцы рядомъ съ военнымъ дѣломъ занимались еще зодчествомъ и ваяніемъ, что доказываютъ замѣчательные памятники, найденные въ наше время подъ землей, гдѣ они покоились около двухъ съ половиною тысячелѣтій. — Между Халдейскимъ и Ассирійскимъ царствомъ на востокѣ и между моревластительнымъ торговымъ народомъ Финикійскаго берега

на западѣ, по склонамъ Ливана и на зеленыхъ холмахъ Іудеи и Іезраэля отвоевалъ себѣ прочныя жилища не видный сначала народъ еврейскій, котораго предки спустились нѣкогда съ порубежныхъ горъ Арменіи и съ верховьевъ Евфрата и Тигра. Какъ не званые гости, какъ вторженцы, они стали враждебно къ древнему ханаанскому населенію, хотя и родственному имъ по племени. Враждебность эта, которую они еще усилили своею національной исключительностью и особенными нравами, учрежденіями и религіозными началами, шедшими наперекоръ язычеству сосѣднихъ племенъ, поставила народъ израильскій въ одинокое, разобщенное положеніе и способствовала къ тому, что Евреи крѣпко держались вѣры въ своего исконнаго Бога Іегову и всегда, послѣ частныхъ, кратковременныхъ заблужденій, снова возвращались къ нему съ теплымъ упованіемъ по прежнему. Чѣмъ необузданнѣе развивался въ ихъ сосѣдствѣ культъ сладострастія и каженичества, чѣмъ выше взвивалось пламя на алтаряхъ Молоха, тѣмъ чище и глубже вѣровали они въ Іегову. Весь досугъ, остававшійся имъ отъ ухода за стадами и обработки полей, садовъ, смоквъ и винограда, посвящали они служенію Іеговѣ; въ честь ему развилось у нихъ лирическая поэзія и пророки возвѣщали свои прозрѣнія высокою, огненною рѣчью; при этомъ память о воинскихъ подвигахъ, на которыя вызывали ихъ враги-сосѣди, хранилась у нихъ въ вѣрномъ преданіи до тѣхъ поръ, пока съ успѣхами образованія они облекли ее въ историческія формы. Положеніе Евреевъ между двумя великими завоевательными державами, Ассиріей и Египтомъ, наконецъ вовлеко ихъ въ войну, несоразмѣрную ихъ слабымъ силамъ. Послѣ истинно-геройской борьбы сначала палъ Израиль передъ воинственными царями Ниневіи, а потомъ Іудея — передъ свѣжею еще силой халдейскаго царства въ Вавилонѣ. Тогда увлекли ихъ въ «грады мидійскіе» и къ «водотечамъ вавилонскимъ», гдѣ только въ упованіи на Іегову нашли они опору противъ бѣдствій рабскаго плѣна и поруганія отъ чужеземцевъ. Въ немъ видѣли они свою отраду, утѣшителя себѣ и истиннаго царя, когда скорбь и тоска неодолимо овладѣвали ихъ сердцами. Но дни Ассирійцевъ и Вавилонянъ тоже были сочтены. Въ союзѣ съ Мидянами, халдейскій царь Навуходоносоръ

сломилъ силу Ниневіи и доставилъ побѣду и господство Вавилону; но изъ нѣдръ Мидійскаго царства возникла великая Персидская монархія, которая подъ водительствомъ доблестнаго царя и при свѣжести юныхъ силъ вскорѣ достигла невиданнаго до тѣхъ поръ объема. Не только симитскіе народы и города должны были примкнуть въ видѣ членовъ къ персидскому исполину, но и Египетъ повиновался волѣ властителей Сузы и Персеполя, многочисленныя племена Малой Азіи, съ богатымъ Крезомъ лидійскимъ во главѣ, преклонились передъ подавляющею силой Персовъ, и торговые греческіе города по берегу Эгейскаго моря съ ихъ облагороженною искусствомъ жизнію, украшали собой, какъ пурпурная кайма, порфиру царя, слывшаго по преимуществу «великимъ». Однакожь Персы не обладали тою учредительною и зиждущею силой, которая была бы необходима для преодолѣнія племенныхъ противуположностей и слiянія разнородныхъ стихій между собою. Безъ внутренней связи жили здѣсь другъ подлѣ друга племена и народы, различные по вѣрѣ и происхожденію, по нравамъ и по языку, по образу жизни и вооруженію; это было не государство, а сцѣпленіе массъ, которому недоставало живой души, живой силы стройнаго организма. Опираясь на механически сплоченную толпу, великій царь, котораго владѣнія простирались отъ снѣжныхъ высотъ Гиндуку до египетской пустыни и до устьевъ Дуная, повелъ свои несмѣтныя полчища противъ Грековъ, съ тѣмъ чтобы и ихъ мелкія государства присоединить данниками къ необъятной Персидской имперіи; но здѣсь громада его разбилась въ прахъ о таинственную, вовсе неизвѣстную Востоку силу, — именно о самоуправленіе, о свободу и развитіе личности у Эллиновъ, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Цѣна 1-го выпуска 75 к., съ пер. 1 р. с.

Слѣдующій выпускъ, заключающій въ себѣ Исторію Греціи, выйдетъ въ непродолжительномъ времени.